

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)

2022. № 2.

Tom 5

Society & Security Insights

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2022. №2
Том 5

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

УЧРЕДИТЕЛЕМ ИЗДАНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
Издается в сотрудничестве
с Ассоциацией азиатских университетов,
Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилева

Главный редактор журнала

С. Г. Максимова, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, директор Азиатского экспертно-аналитического центра Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Заместитель главного редактора

О. Е. Ноянзина, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Выпускающий редактор

Д. А. Омельченко, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2022. N°2
Vol. 5

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

BULLETIN OF THE ASSOCIATION OF ASIAN UNIVERSITIES

Barnaul

Publishing house
of Altai State
University
2022

THE FOUNDERS OF THE PUBLICATION ARE
Altai State University
In partnership with Association of Asian Universities,
Eurasian National University

Editor-in-chief

Svetlana Gu. Maximova, Dr. Sci. (Sociology), Professor,
Head of Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies,
Director of the Asian Expert-Analytical Center at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Oksana E. Noyanzyna, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University,
Consultant for the Division of Collaboration with Civil Society Institutions of the Department of Internal
Policy at the Altai territory Governor's Office (Barnaul, Russia)

Managing Editor

Daria A. Omelchenko, Cand. Sci. (Sociology),
Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Вакру, PhD, исполнительный директор Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, США)

С. Бакли, PhD, профессор социологии, член исполнительного комитета Центра российских, восточно-европейских и евразийских исследований, Иллинойский университет (Иллинойс, США)

А. М. Есдаулетова, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Н. О. Байгабылов, PhD по социологии, заведующий кафедрой социологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

О. В. Калдыбаева, PhD по социологии, доцент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

И. Н. Молодикова, кандидат географических наук, научный сотрудник Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия)

Т. З. Козлова, доктор социологических наук, профессор, Институт социологии РАН (Москва, Россия)

Т. Н. Юдина, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)

А. Ю. Мягков, доктор социологических наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет (Иваново, Россия)

В. В. Орлова, доктор социологических наук, профессор, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия)

Т. М. Дадаева, доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)

О. Т. Лойко, доктор социологических наук, профессор, Институт социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия)

С. П. Парамонова, доктор философских наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Россия)

Г. В. Жигунова, доктор социологических наук, профессор, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)

Л. А. Осъмук, доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)

В. П. Шалаев, доктор философских наук, профессор, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Россия)

Е. А. Попов, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

О. Л. Сытых, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

М. И. Черепанова, доктор социологических наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В. А. Должиков, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В. С. Бойко, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

EDITORIAL BOARD

Alexandra Vacroux, PhD, executive director of the Davis Center for Russian and Eurasian Studies at Harvard University (Cambridge, USA)

Cynthia Buckley, PhD, Professor of Sociology at the University of Illinois, Urbana-Champaign, Executive Committee member at the Russian, East European, and Eurasian Center (REEEC) at the University of Illinois (Illinois, USA)

Ardak M. Esdauletova, Dr. Sci. (History), Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Nurlan O. Baigabylov, PhD (Sociology), Head of Sociology Department at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Olga V. Kaldybaeva, PhD (Sociology), Associate Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Irina N. Molodikova, Cand. Sci. (Geography), Research Fellow at the Central European University (Budapest, Hungary)

Tatiana Z. Kozlova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tatiana N. Yudina, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Russian State Social University (Moscow, Russia)

Alexander Yu. Myagkov, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ivanov State University (Ivanovo, Russia)

Vera V. Orlova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia)

Tatiana M. Dadaeva, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

Olga T. Loiko, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Institute of Social-Humanitarian Technologies of Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)

Svetlana P. Paramonova, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Perm State Polytechnic University (Perm, Russia)

Galina V. Zhigunova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Murmansk State Arctic University (Murmansk, Russia)

Ludmila A. Osmuk, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Vladimir P. Shalaev, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia)

Evgeniy A. Popov, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Olga L. Sythyk, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Marya I. Cherepanova, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Vyacheslav A. Dolzhikov, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Vladimir S. Boiko, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М. С. Имомзода президент Ассоциации азиатских университетов, ректор Таджикского национального университета, доктор философских наук, академик (Душанбе, Таджикистан)

Е. Б. Сыдыков ректор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор исторических наук, профессор

М. М. Абишева кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

С. В. Землюков президент Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Барнаул, Россия)

С. Н. Бочаров ректор Алтайского государственного университета, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики предпринимательства и маркетинга (Барнаул, Россия)

Р. И. Райкин проректор по развитию международной деятельности Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

С. И. Межов доктор экономических наук, директор Международного института экономики, менеджмента и информационных систем, заведующий кафедрой финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

EDITORIAL COUNCIL

Makhmadyusuf S. Imomov President of the Association of Asian Universities, the Rector of the Tajik National University, Dr. Sci. (Philosophy), Academician (Dushanbe, Tajikistan)

Yerlan B. Sydykov Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Dr. Sci. (History), Professor (Astana, Kazakhstan)

Madina M. Abischeva Cand. Sci. (History), Deputy Dean of the International Relations Faculty at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Sergey V. Zemlyukov Dr. Sci. (Law), President of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Sergey N. Bocharov Dr. Sci. (Economics), Rector of the Altai State University, Head of Department of Business Economics and Marketing (Barnaul, Russia)

Roman I. Raikin Vice-Rector on International Affairs Development of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Stepan I. Mezhov Dr. Sci. (Economics), Director, Head of the Department of Banking and Finance of the International Institute of Economics, Management and Informational Systems (IEMIS) of the Altai State University (Barnaul, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

**Вклад человеческого капитала в региональное развитие:
экспертные оценки структурных компонентов
и институциональных условий в российском приграничье13**

С. Г. Максимова, Д. А. Омельченко, О. Е. Ноянзина

**Образовательный потенциал населения
приграничных регионов России33**

М. И. Черепанова, М. А. Гришанова, М. В. Плотникова

**Межэтнические отношения
и миграционная ситуация в Алтайском крае
(по материалам социологического исследования).....47**

Е. В. Шахова, С. Г. Максимова

**Особенности адаптивных стратегий иностранных мигрантов
в приграничных регионах России64**

С. А. Сарыглар

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

**Социологическое изучение наркоситуации и ее влияния на состояние
социальной безопасности региона на примере Красноярского края
в контексте ежегодного мониторинга77**

В. Е. Шинкевич

**Технологии диагностики профессиональной мотивации
научно-педагогических кадров90**

Н. М. Полянская

**Психическое здоровье и пути его сбережения
во время пандемии COVID-19.....106**

Т. В. Милаева

**Современный тренд развития экономики и общества:
цифровое общество как особая стадия информационного общества120**

М. В. Жукова, Д. В. Крюков

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

**Зарубежный опыт обеспечения равенства полов:
социально-правовое исследование.....140**

Ю. В. Головинова

**Тенденции развития инфраструктуры
социально-культурного назначения сельских территорий149**

О. С. Ласточкина

**Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин:
региональный опыт социального осмысления
интеграционного потенциала
этнокультурного взаимодействия170**

А. В. Головинов, Ю. В. Головинова

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

Последствия миграции в Кыргызской Республике178

Р. Б. Салморбекова

**Манифестация этничности в современном мире
(на примере анализа свадебных обрядов)186**

Е. Г. Котенок, В. С. Фролова

CONTENTS

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

**Impact of Human Capital on Regional Development:
Expert Evaluations of Structural Components
and Institutional Environment in the Russian Borderland13**

S. G. Maximova, D. A. Omelchenko, O. E. Noyanzina

Educational Potential of the Population of the Border Regions of Russia33

M. I. Cherepanova, M. A. Grishanova, M. V. Plotnikova

**Interethnic Relations and Migration Situation
in Altai Territory Based on Sociological Research47**

E. V. Shakhova, S. G. Maksimova

**Features of Adaptive Strategies of Foreign Migrants
in the Border Regions of Russia64**

S. S. Saryglar

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

**Sociological Study of the Drug Situation
and its Impact on the State of Social Security of the Region
on the Example of the Krasnoyarsk Krai
in the Context of Annual Monitoring77**

V. E. Shinkevich

**Technologies of Diagnostics of Professional Motivation of Scientific
and Pedagogical Personnel90**

N. M. Polyanskaya

Mental Health and Ways to Save it During the COVID-19 Pandemic106

T. V. Milaeva

**Modern Trend in the Development of the Economy and Society:
Digital Society as a Special Stage of the Information Society120**

M. V. Jukova, D. V. Kryukov

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

**Foreign Experience in Ensuring Gender Equality:
Social and Legal Research140**

Y. V. Golovinova

**Trends in the Development of Socio-cultural Infrastructure
Assignments of Rural Territories.....149**

O. S. Lastochkina

**N. M. Yadrintsev and G. N. Potanin:
Regional Experience of Social Consideration
of the Integration Potential of Ethnocultural Interaction171**

A. V. Golovinov, Y. V. Golovinova

BRIEF MESSAGES AND FIRST RESEARCH EXPERIENCE

Consequences of Migration in the Kyrgyz Republic178

R. B. Salmorbekova

**The Manifestation of Ethnicity in the Modern World
(on the Example of the Analysis of Wedding Ceremonies)186**

E. G. Kotenok, V. S. Frolova

ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

Научная статья / Research Article

УДК 316.422

DOI: 10.14258/SSI(2022)2-01

Вклад человеческого капитала в региональное развитие: экспертные оценки структурных компонентов и институциональных условий в российском приграничье

Светлана Геннадьевна Максимова¹,
Дарья Алексеевна Омельченко²,
Оксана Евгеньевна Ноянзина³

^{1,2}Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

³Главный информационно-вычислительный центр

Министерства культуры Российской Федерации, Москва, Россия

¹svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

²daria.omelchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>

³noe@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1252-6021>

Аннотация. Современное видение человеческого капитала предполагает учет широкого спектра компонентов, не только показателей здоровья и образования, но и особенностей социализации и культурного развития, включение в структуру надпрофессиональных навыков, позволяющих индивидам работать в команде, быть конкурентоспособным и открытым инновациям. Человеческий капитал является важным фактором экономического роста, но его вклад зависит не только от его качественных и количественных характеристик, но и от институциональной среды. Основываясь на результатах экспертного опроса (n = 170) в шести приграничных регионах России, авторы исследуют проблемы

эффективности человеческого капитала на региональном уровне, проводят оценку его отдельных составляющих и институциональные условия. Основные выводы исследования заключаются в констатации системных противоречий, проявляющихся во взаимозависимости человеческого капитала и функционирования социальных институтов и не позволяющих приграничным регионам, особенно находящимся в восточной части России, поддерживать человеческий капитал населения на высоком уровне и в полной мере его использовать для регионального развития.

Ключевые слова: человеческий капитал, региональное развитие, институциональные условия, приграничные территории Урала, Сибири, Дальнего Востока, экспертные оценки

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, проект FZMW-2020-0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

Для цитирования: Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е. Вклад человеческого капитала в региональное развитие: экспертные оценки структурных компонентов и институциональных условий в российском приграничье // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 2. С. 13–32. doi: 10.14258/ssi(2022)2-01.

Impact of Human Capital on Regional Development: Expert Evaluations of Structural Components and Institutional Environment in the Russian Borderland

Svetlana G. Maximova¹,
Daria A. Omelchenko²,
Oksana E. Noyanzina³

^{1,2}Altai State University, Barnaul, Russia

³Main Computing Center of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

²daria.omelchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>

³noe@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1252-6021>

Abstract. The modern vision of human capital involves taking into account a wide range of components, not only health and education indicators, but also features of socialization and cultural development, including in the structure of the supra-professional skills that allow individuals to work in a team, be competitive and open to innovation. Human capital is an important driver of economic growth, but its impact depends not only on its qualitative and quantitative characteristics, but also on the institutional environment. Based on the results of the expert survey (n = 170) in six border regions of Russia, the authors study the problems of efficiency of human capital at the regional level, assess its different components and institutional conditions. The main conclusions of the study consist in the observation of systemic contradictions manifesting them-

selves in the interdependence of human capital and the functioning of social institutions and preventing border regions, especially those in the eastern part of Russia, maintain the human capital of the population at a high level and make full use of it for regional development.

Keywords: human capital, regional development, institutional conditions, border territories of the Urals, Siberia and the Far East, expert evaluations

Financial Support: the work was supported by the framework of the state task of the Ministry of science and higher education of the Russian Federation FZMW-2020-0001 „Human capital, migration and security: transformation in the new migration conditions in Central Asia“.

For citation: Maximova, S.G., Omelchenko D.A., Noyanzina O.E. (2022). Impact of Human Capital on Regional Development: Expert Evaluations of Structural Components and Institutional Environment in the Russian Borderland. *Society and Security Insights*, 5(2), 13–32. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-01.

Введение

В теории человеческого капитала он определяется как запас знаний, умений и навыков, приобретаемых работниками в процессе получения образования, обучения на производстве и самосовершенствования, пополняемый за счет различных инвестиций, которые могут быть сгруппированы по нескольким категориям: здоровье (вклад в долголетие, физическое развитие, выносливость, развитие органов чувств), общее обучение (широкий спектр активностей — от формального образования до самообразования) и специальных знаний, требуемых для выполнения конкретных профессиональных задач (основная инвестиция — обучение на производстве и трудовой опыт), а также социализация и мотивация, неформальное образование и опыт, формирующие способности работать в команде и быть конкурентоспособными на рынке труда. Как и другие виды капитала, человеческий капитал имеет тенденцию не только к накоплению, но и к истощению, изнашиванию (к примеру, профессиональные знания могут устаревать, опыт — оказываться невостребованным, а когнитивные процессы — ухудшаться с возрастом или в связи с приобретенными заболеваниями). Имеет место и синергический эффект взаимодействия различных аспектов человеческого капитала, когда, к примеру, высокий уровень здоровья способствует более легкой обучаемости, а наличие мотивации и стремления может компенсировать недостаток практических умений (McFadden, 2008).

Человеческий капитал, являясь сложной экономической и социальной категорией, имеет качественные и количественные составляющие. В настоящее время используется несколько конкурирующих подходов к измерению человеческого капитала, разрабатываемых в рамках различных наук, прежде всего — в экономике. Микроэкономический подход представлен индикаторными (натуральными), основывающимися на представительных оценках (proxies) и стоимостными методами, позволяющими учитывать издержки, связанные с его формированием (cost-based), и будущие доходы (метод пожизненных заработков, а также стоимостно-индексные и стоимостно-остаточные подходы (Капелюшников, 2013). Задачей макроэкономического подхода является определение объема и динамики

человеческого капитала на уровне региональной или национальной экономики (отдельных ее секторов, видов деятельности) и в оценке вклада его накопления в темпы экономического роста (Суворов и др., 2014).

Не подвергается сомнению факт, что человеческий капитал является необходимым самостоятельным ресурсом и важным элементом национального богатства, функционирующим на различных уровнях — отдельных субъектов, семей и организаций; отраслей и видов экономической деятельности, регионов и наций, транснациональных образований и мира в целом. Исследователи выделяют отчуждаемые и неотчуждаемые виды человеческого капитала по степени их ликвидности и увязывают виды человеческого капитала и доходы, получаемые на этот капитал (Нуреев, 2009; Минеева, Неганова, 2009).

Между тем связь между человеческим капиталом и национальным развитием не обязательно совпадает на региональном уровне. Объясняя этот парадокс, A. Faggian, F. Modrego и P. McCann уточняют, что причины кроются в том, что человеческий капитал оказывает двойное влияние на регионы. С одной стороны, человеческий капитал региона вносит вклад в общую производительность национальной экономики через ассоциируемые с ним экстерналии и сам испытывает эти эффекты. С другой стороны, с отличием от национальной экономики, региональный человеческий капитал может подвергаться воздействию различных факторов, имеющих значительную пространственную дифференциацию. И эти два процесса могут быть разнонаправленными, поскольку механизмы, посредством которых экстерналии распространяются на отдельные регионы, и механизмы, определяющие региональное развитие, в том числе процессы трудовой мобильности, не всегда конгруэнтны. В тех случаях, когда они совпадают, регион процветает, в противном случае регион будет испытывать значительные трудности (Faggian, Modrego, McCann, 2019).

Российские авторы также уделяют значительное внимание вопросам регионального развития в привязке с процессами формирования, накопления, распределения и сохранения человеческого капитала, определяя в качестве задач региональной политики создание эффективного механизма управления его резервными (внутренними) и миграционными (внешними) потоками (Чучулина, 2014). В том числе появляются отечественные модели оценки человеческого капитала региона, учитывающие не только традиционные составляющие, но и культурные и нравственные аспекты (см. например, Кетова, Русяк, 2008).

При этом во многих работах подчеркивается, что на процессы формирования, накопления и использования человеческого капитала значительным образом влияет институциональная структура. Так, С. Н. Сахаровский предлагает классифицировать все институциональные факторы на три условных группы: факторы первого порядка, непосредственно воздействующие на формирование человеческого капитала и потенциала, факторы второго порядка, определяющие долю целевых вложений при инвестировании в человека, основывающиеся на существующей системе ценностей и приоритетов, факторы третьего порядка, позволяющие трансформировать человеческий капитал в конкретную выгоду.

Автор пишет о том, что эффективность человеческого капитала и его потенциала зависит от институтов первого порядка, тогда как его структура определяется факторами второго уровня, а возможность реализации — факторами третьего уровня (Сахаровский, 2012).

А. В. Каравай подчеркивает, что социально-экономические институты играют большую роль в процессах накопления и обновления человеческого капитала. Занятость в основных сферах российской экономики не требует от профессионалов дополнительного наращивания их человеческого капитала, тогда как концентрация предприятий из высокотехнологичных отраслей в урбанизированных регионах обуславливает «стягивание» в крупные города человеческого капитала высокого качества и приводит к их дефициту в сельской местности и малых городах. Автор заключает, что в текущих условиях, характеризующихся высоким уровнем старения населения, планы по увеличению доли высокотехнологичных предприятий и повышению производительности труда без изменения институциональной среды являются трудно выполнимыми (Каравай, 2021).

Белорусские ученые С. А. Кристиневич и А. М. Омелянюк, проводившие анализ институциональных условий воспроизводства человеческого капитала в условиях инновационной экономики, выявили несколько групп противоречий, присущих белорусскому обществу, которые, представляется, вполне описывают и актуальную российскую ситуацию: противоречия между требованиями инновационной экономики, качеством человеческого капитала и способностью институциональной системы обеспечить его воспроизводство, между уровнями институциональной системы воспроизводства человеческого капитала, проявляющимися в рассогласованности целей на различных уровнях институциональной системы, между институтами различных стадий воспроизводства человеческого капитала, формальными и неформальными институтами, а также национальными и импортируемыми институтами, которые носят объективный характер и связаны с функционированием самой институциональной системы. Одновременно с этим авторы справедливо отмечают, что человеческий капитал сам оказывает значительное воздействие на формирование эффективных социальных институтов, способствующих развитию общества (Кристиневич, Омелянюк, 2008). Таким образом, институциональный подход обладает определенными преимуществами для объяснения механизма институциональной динамики и анализа взаимовлияния институциональной среды, человеческого капитала и регионального развития. Цель проведенного исследования заключалась в уточнении относительной важности структурных составляющих человеческого капитала и анализе указанных взаимосвязей в отношении регионов российского приграничья.

Основные идеи и методические основы исследования

Несмотря на обширный объем научной литературы и практических руководств по оценке человеческого капитала, публикуемых международными организациями, существуют большие проблемы с осуществлением его практических измерений, связанных с трудоемкостью, отсутствием достоверных данных, со-

мнениями в реальном практическом значении расчетов и возможностей их применения (Краковская, 2008; Грачев, Доничев, Малкова, 2016).

Когда измерение человеческого капитала выходит за рамки индивидуальной истории жизни или отдельной организации, большинство моделей рассчитываются на основе данных статистического учета, агрегируемых на региональном, национальном или глобальном уровнях, и ориентированы на предсказание экономического роста, измеряемого на основе расширенных неоклассических или эндогенных моделей (модели Солоу — Свона, Мэнкью — Ромера — Вейла, Барро — Сала-и-Мартина и др., см. Neucheva, 2017). Такой макроэкономический подход позволяет оценить запас и производительность, объем и динамику человеческого капитала на уровне национальной экономики и ее отдельных секторов или видов деятельности, оценить вклад его накопления в темпы экономического роста (Суворов и др., 2014). В том числе такие исследования осуществляются и на уровне российских регионов. К примеру, в работе А. Комаровой и Е. Крицыной оценка вклада человеческого капитала в ВРП российских регионов проводилась четырьмя способами: путем подсчета доли выпускников высших учебных заведений в общей численности экономически активного населения, доли персонала, занятого исследованиями и разработками, в общей численности экономически активного населения, суммы затрат на научные исследования, разработки и затраты на технологические инновации, приходящиеся на одного работника, и долей инвестиций в образование, здравоохранение и другие социально-культурные мероприятия (Комарова, Крицына, 2012). Микроэкономические исследования часто основываются на результатах статистических обследований населения или социально-экономических исследований, таких как РМЭЗ, и позволяют предсказать рост индивидуальных доходов в зависимости от состояния различных структурных компонентов человеческого капитала (см., например, Гимпельсон, Зудина, Капелюшников, 2020).

Применение экспертных методов в силу их субъективности и сложности разработки релевантных критериев оценки достаточно ограничено. Между тем на организационном уровне анализа они позволяют решать ряд стратегических задач, связанных с определением состояния человеческого капитала как фактора инвестиционной привлекательности, степени влияния на повышение или снижение рыночной цены организации, используются при формировании системы мотивационного управления для повышения эффективности прогнозирования, планирования контроля и информационного обеспечения организации (Лосева, 2009). По сравнению со стоимостными методами, экспертные оценки более информативны, поскольку позволяют оценить не только наиболее очевидные компоненты человеческого капитала, но и косвенные, выстроить связи с широким кругом взаимосвязанных явлений и процессов (Ощепкова, 2017).

В рамках проведенного исследования экспертный метод использовался для анализа оценок влияния различных компонентов человеческого капитала, его прямых (экономические и неэкономические выгоды) и косвенных (носящих социальный характер) эффектов на развитие региона и страны, оценки успешности

использования человеческого капитала и интеллектуального потенциала населения, выраженности влияния на развитие человеческого капитала институциональных условий, характеризующих региональную специфику. С помощью стандартизированной анкеты было опрошено 170 экспертов, представляющих органы государственной власти (чиновники регионального и муниципального уровня, законодательной и исполнительной ветвей власти, включая специалистов управлений по труду и занятости, социальной защите населения, депутатов областных и краевых дум), академические организации и некоммерческий сектор, а также кадровые агентства и рекрутинговые организации.

Исследование было сфокусировано на приграничных регионах, человеческий капитал которых отличается большой динамичностью и испытывает влияние со стороны миграционных процессов. На предыдущих этапах проекта на основе иерархического кластерного анализа с предварительным факторным анализом показателей человеческого капитала, миграционного потенциала и безопасности приграничных территорий (оценивались 50 показателей, отраженных в системе ЕМИСС Росстат, глубина временного ряда с 2016 по 2019 г.) было отобрано шесть приграничных регионов. Анализ проводился по приграничным регионам, примыкающим к сухопутной границе, по которой проходит линия разграничения территории государства, содержащим участок пограничной зоны.

В результате была получена трехкластерная структура, разложенная с учетом географического положения по четырем условным зонам: западного приграничья, представленного пограничными территориями с Финляндией, прибалтийскими странами, Украиной и Белоруссией, кавказского и казахстанского направлений, южного приграничья, расположенного вблизи границ с Монголией, Китаем и Северной Кореей. Далее из кластеров разного уровня и месторасположения были отобраны регионы, в которых проводились социологические исследования, в том числе экспертные опросы, результаты которых представлены в данной статье. Регионы-лидеры были представлены Воронежской (западное приграничье, 35 экспертов) и Челябинской (казахстанское направление, 15 экспертов) областями, регионы с потенциалом развития — Белгородской областью (западное приграничье, 19 экспертов), Алтайским (казахстанское приграничье, 16 экспертов) и Хабаровским краями (южное направление, 33 эксперта), отстающие регионы — Республикой Бурятия (южное приграничье, 23 эксперта). Помимо указанных шести регионов, в исследовании также приняли участие ученые из Москвы (МГУ, МГППУ, ФНИСЦ РАН, всего 8 человек), Приморского края (5 экспертов) а также эксперты из некоторых других регионов (16 экспертов) — Дагестана, Татарстана, Мордовии, Чувашии, Башкортостана, Тывы, Амурской, Вологодской, Волгоградской, Мурманской областей и Еврейской автономной области. Несмотря на то что не все эксперты представляли приграничные регионы, мы посчитали целесообразным в анализе одномерных распределений обобщить все оценки, независимо от географической принадлежности эксперта, что позволило представить общий взгляд экспертного сообщества на проблемы развития российских регионов.

Оценка структурных компонентов человеческого капитала проводилась на основе совокупности девятибалльных шкал, анализируемых с помощью мер описательной статистики, дисперсионного (для выявления межрегиональной дифференциации и сходства) и факторного (для описания структуры взаимосвязей между оценками) анализа. Аналогичная процедура была проведена для оценки институциональных условий. Другие вопросы были представлены категориальными переменными с множественным выбором, ответы были проанализированы с помощью стандартных пользовательских таблиц в программе SPSS.

Основные результаты исследования

Человеческий капитал представляет собой совокупность когнитивных, определяющих качество знаний и профессиональных компетенций, формирующихся на основе способности к обучению и трудового опыта, и некогнитивных компонентов, связанных со здоровьем, моральными и психологическими свойствами сознания и поведения как в трудовой сфере, так и шире — в экономической, социальной, политической и культурной сферах. На национальном и региональном уровнях анализа его обладателем и основным объектом для управляющих воздействий является население.

Относительная важность различных компонентов человеческого капитала для регионального развития была оценена в соответствии с вышеуказанным подходом на основе 14 показателей, характеризующих образовательный, знаниевый и профессиональный капитал населения, инновационный потенциал, трудовую и экономическую активность, состояние здоровья и образ жизни, включая репродуктивное поведение, определяющее демографический потенциал региона, положительные социальные экстерналии в виде институционального доверия и общественного порядка.

По 11 из 14 показателей оценки большинства экспертов были согласованными и указывали на крайнюю степень важности этих элементов для развития страны и региона (более 50% экспертов поставили 7–9 баллов, медианные значения выше 7 баллов). Наиболее значимыми являлись «классические» компоненты, представляющие совокупность знаний, умений, способностей (77,2% высоких оценок), уровень экономической активности населения (70,7%), а также высокую готовность к новым технологиям и прогрессу в своей профессии, высокий уровень образования, стремление к инвестициям в образование, повышение квалификации, развитие карьеры, готовность и способность к предпринимательству и бизнесу, высокий уровень здоровья, приверженность к здоровому образу жизни (более 60% высоких оценок).

Однако, по мнению экспертов, социально-экономическое развитие региона зависит не только от ключевых компонентов, но и от социальных эффектов, порождаемых человеческим капиталом, таких как высокий уровень доверия основным социальным институтам (правительство, суд, полиция и т.п.) и низкий уровень преступности, коррупции и иных правонарушений. Безусловно, эти экстерналии возникают не автоматически по мере накопления в обществе чело-

веческого капитала, они требуют определенных условий (чтобы граждане доверяли политическим институтам, они должны выполнять позитивные функции в обществе, оправдывать свое доверие). Между тем формирование человеческого капитала, в особенности его отдельных видов, таких как морально-нравственный и культурный капитал, однозначно способствует снижению распространенности негативных явлений, что подтверждают и полученные экспертные оценки (табл. 1). Пограничные значения (чуть более половины высоких оценок), указывающие на неоднозначное отношение экспертного сообщества, были получены в отношении капитала мобильности и правовой культуры населения, роль которых для регионального и национального развития была скорее неопределенной. К сожалению, и результаты экспертного опроса это подтверждают, практика приобретения образования и профессионального опыта вне «домашнего» региона не рассматривается в качестве стратегии накопления человеческого капитала населения, «работающего» на региональное развитие, а скорее воспринимается в контексте «утечки мозгов» и потерь для территории.

Примечательно, что последние позиции в списке заняли характеристики, относящиеся к масштабированию и поддержанию человеческого капитала. Эксперты не рассматривали долгожительство и длительную трудовую активность, а также высокую рождаемость населения в качестве значимых ресурсов (доли высоких оценок составили менее половины, медиана — 5–6 баллов). В представлениях экспертного сообщества, основная ставка делается на качественные составляющие человеческого капитала, характеризующие выносливость и работоспособность населения, его профессиональную, инновационную, интеллектуальную и предпринимательскую активность, тогда как простые воспроизводственные механизмы, не подкрепленные вышеуказанными характеристиками, не оказывают большого влияния на темпы роста производительности, что, с одной стороны, не лишено логики, с другой — не вполне согласуется с реализуемой правительством социальной политикой, ориентированной на предоставление мер поддержки репродуктивной активности только наименее обеспеченным категориям граждан.

Достаточно высокая гомогенность и наличие статистически значимых корреляций ($p < 0,05$) указывали на наличие латентных факторов, опосредующих экспертные оценки. Учитывая содержание показателей, логично было предположить, что речь шла о некотором общем факторе, значения которого могли выступать в качестве интегральной оценки эффективности человеческого капитала и его вклада в региональное развитие.

Результаты факторного анализа (метод главных компонент с вращением Varimax) оказались комплексными, иллюстрирующими многомерный характер человеческого капитала, его универсальных и ситуативных, статических и динамических аспектов. Было выделено три основных фактора, описывающих более 70% дисперсии исходных оценок. Первый фактор описывал периферийные, дополнительные компоненты человеческого капитала и его социальные эффекты — доверие к институтам ($\lambda = 0,82$), низкий уровень коррупции и преступности

($\lambda = 0,79$), высокий уровень правовой культуры населения ($\lambda = 0,76$) и приверженность к здоровому образу жизни ($\lambda = 0,6$), и, во вторую очередь, — готовность к предпринимательству и бизнесу, здоровье и продолжительность жизни, ориентацию на прогресс и развитие технологий ($\lambda > 0,5$). Иными словами, это был фактор некоторых предпосылок, наличие которых способствовало тому, чтобы человеческий капитал не просто аккумулировался, но и приводил к качественным изменениям социальной сферы региона.

Второй фактор акцентировал внимание на процессуальных характеристиках человеческого капитала, отражающих длительность его формирования — необходимых для поддержания численности населения высокой рождаемости ($\lambda = 0,77$), продолжительной трудовой активности ($\lambda = 0,7$), трудовой и образовательной мобильности ($\lambda = 0,62$), обеспечивающих изменения в социальном положении населения, социальной структуре региона. Третий фактор описывался через характеристики, описывающие интеллектуальный компонент человеческого капитала — совокупность знаний, умений и способностей населения ($\lambda = 0,85$), уровень образования ($\lambda = 0,77$) и высокую экономическую активность ($\lambda = 0,77$), показывающую, как население участвует в распределении и распоряжении экономическими ресурсами и проявляет свою субъектность в экономической сфере.

Таблица 1.

Оценка влияния структурных компонентов человеческого капитала на национальное и региональное развитие (доли высоких оценок, средние тенденции и факторные нагрузки)

Table 1.

Evaluation of impact of structural components of human capital on national and regional development (shares of high values, central tendencies and factor loadings)

Показатель	Доля высоких оценок (7–9 баллов)	M	SE	Me	F1	F2	F3
Совокупность знаний, умений, способностей населения	77,2	7,4	0,12	8			0,85
Уровень экономической активности населения	70,7	7,0	0,14	7			0,60
Высокая готовность населения к новым технологиям и прогрессу в своей профессии	68,9	7,1	0,13	7	0,55		
Высокий уровень доверия основным социальным институтам (правительство, суд, полиция и т.п.)	67,7	7,0	0,18	8	0,82		
Уровень образования населения	67,3	7,1	0,13	7			0,77
Стремление населения к инвестициям в образование, повышение квалификации, карьеры (своей и своих детей)	66,5	6,9	0,14	7	0,44	0,49	0,46

Показатель	Доля высоких оценок (7–9 баллов)	M	SE	Me	F1	F2	F3
Низкий уровень преступности, коррупции, иных правонарушений	65,7	7,0	0,15	8	0,79		
Высокий уровень здоровья, приверженность к здоровому образу жизни	60,7	6,8	0,15	7	0,60		
Готовность и способность к предпринимательству и бизнесу	60,2	6,8	0,14	7	0,52		
Высокий уровень правовой культуры населения	56,6	6,5	0,15	7	0,76		
Высокий уровень мобильности населения: трудовой, образовательной и т.д.	54,5	6,7	0,14	7		0,62	
Высокая продолжительность жизни	47,9	6,1	0,16	6	0,58		
Длительная трудовая активность	44,8	6,1	0,13	6		0,70	
Высокая рождаемость населения (три и более ребенка в семье)	30,3	5,3	0,15	5		0,77	

Рисунок 1 — Результаты непараметрического однофакторного дисперсионного анализа влияния структурных компонентов человеческого капитала на национальное и региональное развитие (по третьему фактору), межрегиональные сравнения, средние ранги экспертных оценок.

Figure 1 — Results of nonparametric analysis of variance for estimations of impact of structural components of human capital on development, interregional comparisons, mean ranks.

Последующий анализ показал, что если по первым двум факторам эксперты из разных регионов имели сходные представления, то третий фактор выступал значимым основанием межрегиональной дифференциации. В частности, дисперсионный анализ показал существенно более низкие значения оценок экспертов в Челябинской области, по сравнению с экспертными оценками в других регионах, особенно в Хабаровском крае, где оценки по третьему фактору были максимальными (рис. 1). Безусловно, противопоставление Хабаровского края и Челябинской области в данном контексте нельзя рассматривать буквально. Различия в экспертных оценках отражают более глубокие процессы дифференциации российских регионов по осям обеспеченности природными ресурсами и видам хозяйственной деятельности, географического положения и миграционного притяжения, определяющими их социально-экономическое положение и возможности развития. Сегодня роль человеческого капитала оказывается более значимой в тех регионах, где отсутствует «сырьевая подушка безопасности», велик миграционный дрейф и существуют проблемы создания конкурентоспособных предприятий с высокопроизводительными рабочими местами, развития социальной инфраструктуры. Между тем эти же условия приводят к невозможности удержания населения, деградации и истощению человеческих ресурсов, что порождает парадоксы регионального развития и приводит к воспроизводству негативных трендов.

Указанный тезис подтверждался в ходе анализа других показателей. В частности, экспертные оценки свидетельствовали о том, что человеческий капитал в приграничных регионах используется недостаточно эффективно: такую позицию разделяли 62,3% опрошенных. Практически каждый четвертый эксперт (24,1%) указал на нехватку человеческого капитала, человеческих ресурсов. Только 13,6% экспертов отметили, что экономика региона, стратегия его развития ориентированы на максимальное использование человеческого капитала и интеллектуального потенциала населения (среди экспертов, считающих свой регион благополучным, такую точку зрения выразили 24,2%). Из ключевых регионов исследования наиболее остро проблема нехватки человеческих ресурсов проявлялась в Алтайском крае (40% экспертных оценок), Республике Бурятия (34,8%), Челябинской области (33,3%), Хабаровском крае (25,8%). Это проблема многих регионов (среди регионов, попавших в категорию «другие», на нее указали 37,5% экспертов), но очевиден крен в сторону сибирских и дальневосточных территорий, а также в сторону экономически менее развитых (46,3%). Для приграничных регионов европейской части эта проблема была существенно менее актуальной (ее отметили только 5,6% экспертов в Белгородской области и 9,7% — в Воронежской).

Эксперты из разных регионов были единодушными в определении основных угроз и опасностей, негативно влияющих на потенциал развития человеческого капитала, самой главной из которых была названа деградация образования, науки и культуры (закрытый вопрос с множественными ответами, 62,8% выборов). На втором месте — недоверие населения к власти (58,5%), с одной стороны, указывающее на провалы экономической и социальной политики правительства, неоправданные надежды населения на улучшение условий жизни, с другой —

на продолжающийся кризис во взаимоотношениях между властью и населением, блокирующий возможности сотрудничества и совместного решения социальных и экономических проблем.

Другие угрозы отмечались значительно реже, разрыв в ответах составил 20 и более п. п. Так, более трети экспертов (от 30% до 38%) указали на отсутствие четкой стратегии и ясной политики государства, чрезмерную бюрократизацию процессов государственного управления и моральное разложение чиновничьего аппарата, отсутствие общенациональной идеи и экономическую и технологическую отсталость, каждый пятый эксперт обвинил в текущем положении дел негативные последствия рыночных реформ, начатых предыдущей властью. Меньше всего на развитие человеческого капитала в России, по мнению экспертов, оказывали воздействие глобальные и внешнеполитические факторы, такие как мировой финансово-экономический кризис или долговая зависимость России от мирового капитала, навязывание России со стороны Запада пути развития и стандартов жизни. Иными словами, эксперты полагали, что в своих проблемах Россия виновата сама, и ей же предстоит искать выход из создавшейся ситуации. Показательно и то, что практически каждый десятый эксперт отнесся к данному вопросу по-философски, указав, что развитие общества таково, что в мире постоянно будут возникать новые опасности, их появление неизбежно, а значит, «мирное» развитие является своего рода иллюзией.

Большинство из отмеченных проблем представляли собой явления институционального порядка, формирующие общие условия, в которых происходит развитие и накопление человеческого капитала населения. Проведенный анализ показал взаимосвязь между идентифицированными угрозами и степенью влияния, оказываемого институтами на региональный человеческий капитал. Эксперты оценивали 16 десятибалльных шкал, измеряющих выраженность характеристик функционирования социальных и политических институтов, в большей степени ответственных за производство, количество и качество человеческого капитала, его конвертацию в другие формы капитала, экономические и общественные блага.

Результаты анализа кумулятивных частот высоких оценок и мер центральной тенденции показали, что ведущую роль в формировании благоприятных институциональных условий для развития человеческого капитала эксперты отводят системе образования и необходимости обеспечения доступа к качественным образовательным услугам и уровням образования на протяжении всей жизни (63,5% высоких оценок). На втором месте — информационная инфраструктура и доступ к достоверным источникам информации, качественной литературе, в условиях информационного общества приобретающих характер стратегических ресурсов нации (59,4% высоких оценок, максимальное медианное значение — 8,0 балла). Не менее важными, по мнению экспертов, являлись и возможности культурного развития, свободного перемещения граждан, обеспечения безопасности, профессионального и предпринимательского творчества, свободы самовыражения граждан в трудовой сфере, подкрепляемых гарантиями занятости и наличия высокопроизводительных рабочих мест (от 51 до 58% высоких оценок).

Другие условия имели второстепенное значение по сравнению с вышеупомянутыми, но в то же время их значимость была высока, на что указывали суммарные частоты высоких оценок (от 40% до 50%) и медианные значения показателей (5–6 баллов). В частности, почти половина экспертов (46–48%) высоко оценили важность доступности медицинских услуг, наличия «социальных лифтов» и возможностей для повышения социального статуса, развития высокотехнологичных производств и «экономики знаний».

Результаты по последнему показателю демонстрировали, на наш взгляд, довольно сдержанные ожидания экспертного сообщества в отношении технологического прорыва и способности российских регионов встать на путь инновационного развития. Промежуточные оценки имели условия, обеспечивающие высокий уровень социальной защищенности и преодоление социального неравенства и исключенности граждан (табл. 2). На последнем месте в рейтинге — возможности общественного контроля за деятельностью органов власти (40,6%), обеспечивающего реализацию выявленных на предыдущем этапе общественных предпосылок развития, среди которых ключевое место отводилось отсутствию коррупции и доверию к государственным институтам.

Факторный анализ с экспертными оценками показал, что они укладываются в двухкомпонентную структуру, описывающую 66% дисперсии переменных. Первый, ведущий фактор (41% дисперсии) объединял показатели, характеризующие процессы, происходящие в экономике и на рынке труда в условиях цифровизации. Его главными индикаторами являлись «благоприятная обстановка на рынке труда и наличие высокопроизводительных рабочих мест, низкий уровень безработицы» ($\lambda = 0,89$) и развитие «экономики знаний, высокотехнологичных производств, инновационной экономики и менеджмента» ($\lambda = 0,86$), сопряженные с высоким уровнем социальной защищенности населения, эффективной политикой по преодолению бедности, социального неравенства и исключенности ($\lambda = 0,84$). Индикаторы второго порядка ($\lambda > 0,70$) — социальные лифты, возможности для ведения бизнеса, доступность медицинских услуг и безопасность. В целом этот фактор можно охарактеризовать как фактор постиндустриального развития и соответствующих ему институциональных условий, которые, согласно полученным данным, в приграничных регионах имеют влияние на человеческий капитал в лучшем случае на среднем уровне.

Второй фактор определялся через свободное перемещение человеческих ресурсов ($\lambda = 0,69$) и культурное развитие ($\lambda = 0,68$), свободу и качество информации ($\lambda = 0,67$), качественное образование и равенство в получении социальных гарантий. По степени влияния на актуальную ситуацию этот фактор имел больший вес (судя по первичным оценкам), однако список выявленных угроз указывал на то, что это влияние имеет неблагоприятный характер, поскольку по данным условиям наблюдалась серьезная дисфункциональность соответствующих институтов. Дисперсионный анализ показал, что роль выявленных факторов является идентичной для всех обследуемых регионов (различия в средних значениях статистически не значимы, по первому фактору $F_{df=5} = 1,7, p = 0,15$, по второму фактору $F_{df=5} = 1,1, p = 0,37$).

Таблица 2.

Оценка влияния институциональных условий на развитие человеческого капитала в регионе (доли высоких оценок, средние тенденции и факторные нагрузки)

Table 2.

Evaluation of impact of institutional environment on regional human capital development (shares of high values, central tendencies and factor loadings)

	Доля высоких оценок (7–10 баллов)	M	SE	Me	Факторные нагрузки (F1)	Факторные нагрузки (F2)
Доступ к качественному образованию на протяжении жизни (все уровни образования, включая поствысшее, дополнительное, повышение квалификации)	63,5	7,28	0,19	7		0,61
Доступ к достоверным источниками информации, качественной литературе (художественной, технической и т.д.)	59,4	7,06	0,19	8		0,67
Доступ в учреждения культуры, возможности культурного развития	58,8	6,95	0,18	7		0,68
Свобода перемещения граждан как внутри страны, так и за ее пределами	58,2	6,93	0,20	7		0,69
Безопасность граждан	53,5	6,86	0,19	7	0,70	
Мобильность населения в сфере труда	52,9	6,73	0,19	7	0,63	
Возможности для развития предпринимательской активности населения	52,4	6,61	0,21	7	0,76	
Благоприятная обстановка на рынке труда, наличие высокопроизводительных рабочих мест, низкий уровень безработицы	51,2	6,59	0,22	7	0,89	
Доступность и качество медицинского обслуживания	48,2	6,25	0,21	6	0,74	
Социальные лифты, возможности для повышения социального статуса и доступа к власти и ресурсам	46,5	6,38	0,22	6	0,75	
Развитие экономики «знаний», высокотехнологичных производств, инновационной экономики и менеджмента	46,5	6,45	0,22	6	0,86	

	Доля высо- ких оценок (7–10 баллов)	M	SE	Me	Факторные нагрузки (F1)	Факторные нагрузки (F2)
Равенство граждан независимо от национальности и религии в получении государственных услуг, социальных благ	44,7	6,12	0,20	6		0,61
Равенство граждан независимо от уровня доходов и социального положения в получении государственных услуг, социальных благ	44,1	6,15	0,19	6		0,56
Привлечение человеческих ресурсов, профессиональных кадров из других стран и регионов страны	43,5	5,9	0,20	6	0,68	
Высокий уровень социальной защищенности населения, эффективная политика снижения уровня бедности, социального неравенства и исключенности	42,9	6,08	0,22	6	0,84	
Общественный контроль за деятельностью органов власти	40,6	5,83	0,21	5	0,64	

Обсуждение и выводы

Результаты экспертного опроса корреспондируют с предыдущими исследованиями и следуют логике математико-статистического анализа, на основе которого была разработана типология российских регионов по факторам оценки человеческого капитала, миграционного потенциала и безопасности приграничных территорий.

Проведенное исследование показало, что приграничные регионы имеют схожие проблемы развития человеческого капитала, определяемые общими даже не только для приграничья, но и для всех российских регионов институциональными условиями. Их актуальное состояние позволяет сделать вывод о непрекращающемся системном кризисе основных социальных институтов, ответственных за производство, качество и объем человеческого капитала — образования, науки и культуры, а также дисфункциональности социальных институтов, напрямую в этих процессах не участвующих, но формирующих важные предпосылки для социального развития. Речь идет о государственных институтах, опосредующих взаимодействие населения с органами власти и формирующих основу для социального доверия и нормативно-правовые условия, отвечающие требованиям постиндустриального развития — свободного развития предпринимательства, защиты от коррупции, информационной открытости, обеспечения условий для трудовой и образовательной мобильности, культурного развития населения.

Не вызывает сомнения факт, что человеческий капитал региона выступает одним из ключевых факторов регионального развития, особенно в тех регионах, экономика которых не имеет преимуществ сырьевого и промышленного производства. Между тем человеческий капитал является многоуровневым образованием, и не все его компоненты имеют одинаковое значение. В современных условиях наибольшую важность приобретают те структурные элементы, которые, по оценкам экспертов, являются наиболее проблемными и касаются уровня и качества получаемого образования, а также приобретения надпрофессиональных навыков, необходимых для инновационной экономики: критичности мышления, инициативности, креативности, открытости новому опыту и знаниям, гибкости и быстрой адаптации к быстро меняющимся условиям и технологическому прогрессу. Одновременно с этим стоит указать на недостаточно развитые, а следовательно, не имеющие большого влияния на региональное развитие воспроизводственные механизмы человеческого капитала, отвечающие за демографическое развитие и репродуктивную безопасность, установки на долгожительство и длительную трудовую активность.

Продолжение исследования будет заключаться в разработке математических моделей и прогнозных сценариев, позволяющих оценить основные тенденции в изменении структуры человеческого капитала приграничных регионов, происходящие под влиянием миграционных процессов, воздействие иммиграции из стран СНГ на экономическую и социальную сферу приграничных регионов. Обобщение результатов социологических исследований в приграничных регионах позволит разработать многофакторную модель оценки миграционного потенциала и безопасности приграничных территорий на основе использования социально-экономических показателей развития приграничных регионов. Полученные данные будут использованы для построения научно-методической основы систематического мониторинга человеческого капитала и интеллектуального потенциала приграничных территорий в условиях трансформации миграционных процессов и необходимости обеспечения социальной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Гимпельсон В. Е., Зудина А. А., Капелюшников Р. И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5–31.

Грачев С. А., Доничев О. А., Малкова Т. Б. Человеческий капитал как ресурс инновационного развития региона // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 5 (452). С. 64–77.

Капелюшников Р. И. Упала ли экономическая отдача от образования? // Экономика образования. 2013. № 1. С. 44–50.

Каравай А. В. Институциональные барьеры роста человеческого капитала высококвалифицированных специалистов // Журнал институциональных исследований. 2021. № 13 (3). С. 131–143.

- Кетова К. В., Русяк И. Г. Учет человеческого капитала при моделировании экономической системы региона // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2008. № 3. С. 40–51.
- Комарова А. В., Крицына Е. А. О вкладе человеческого капитала в рост ВРП регионов России // Мир экономики и управления. 2012. № 12(3). С. 5–14.
- Краковская И. Н. Измерение и оценка человеческого капитала организации: подходы и проблемы // Экономический анализ: теория и практика. 2008. №. 19. С. 41–50.
- Кристиневиц С. А., Омельянюк М. Институциональные условия воспроизводства человеческого капитала в инновационной экономике : монография. Брест : БрГТУ, 2008. 162 с.
- Лосева О. В. Методика оценки состояния и анализа динамики развития человеческого интеллектуального капитала в организации // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2009. № 16. С. 75–81.
- Минева Н. Н., Неганова В. П. Характеристика видов человеческого капитала // Journal of new economy. 2009. № 4 (26). С. 29–35.
- Нуреев Р. М. Человеческий капитал и проблемы его развития в современной России // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 5–20.
- Ощепкова Д. С. К вопросу об оценке человеческого капитала // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2016. № 2 (34). С. 88–98.
- Сахаровский С. Н. Институциональные факторы формирования человеческого потенциала // Журнал институциональных исследований. 2012. № 4 (2). С. 83–92.
- Суворов А. В., Суворов Н. В., Гребенников В. Г., Иванов В. Н., Болдов О. Н., Крайильникова М. Д., Бондаренко Н. В. Подходы к измерению динамики и структуры человеческого капитала и оценке воздействия его накопления на экономический рост // Проблемы прогнозирования. 2014. № 3 (144). С. 3–17.
- Чучулина Е. В. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития региона // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2014. № 1. С. 52–57.
- Faggian A., Modrego F., McCann P. Human capital and regional development // Handbook of regional growth and development theories. Jheronimus Academy of Data Science (JADS) in 's-Hertogenbosch, the Netherlands and the Universitatea Alexandru Ioan Cuza din Iași, Iași, Romania, 2019 P. 149–171.
- McFadden D. Human capital accumulation and depreciation // Applied Economic Perspectives and Policy. 2008. no. 30. P. 379–385.
- Neycheva M. MRW model of growth: foundation, developments, and empirical evidence // Bulgarian journal of business research. 2017. no. 22. P. 7–11.

REFERENCES

- Gimpelson, V. E., Zudina, A. A., Kapelyushnikov, R. I. (2020). Non-cognitive Components of Human Capital: What the Russian Data Say. *Voprosy ekonomiki*, 11, 5–31. (In Russ.).

Grachev, S. A., Donichev, O. A., Malkova, T. B. (2016). Human capital as a resource for innovative development of the region. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 5(452), 64–77. (In Russ.).

Kapelyushnikov, R. I. (2013). Has the economic return on education declined? *Economics of Education*, 1, 44–50. (In Russ.).

Karavay, A. V. (2021). Institutional barriers to growth of human capital of highly qualified specialists. *Journal of Institutional Research*, 13(3), 131–143. (In Russ.).

Ketova, K. V., Rusyak, I. G. (2008). Consideration of human capital in modeling the economic system of the region. *Vestnik of Moscow University. Series 6. Economics*, 3, 40–51. (In Russ.).

Komarova, A. V., Kritsyna, E. A. (2012). On the contribution of human capital to the growth of GRP of Russian regions. *The World of Economics and Management*, 12(3), 5–14. (In Russ.).

Krakovskaya, I. N. (2008). Measurement and Evaluation of Human Capital of the Organization: Approaches and Problems. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 19, 41–50. (In Russ.).

Kristinevich, S. A., Omelianiuk, M. (2008). *Institutional conditions of human capital reproduction in the innovation economy: monograph*. Brest: BrGTU. (In Russ.).

Loseva, O. V. (2009). Methodology of State Estimation and Analysis of Human Intellectual Capital Development Dynamics in Organization. *Proceedings of Penza State Pedagogical University. G. Belinsky Penza State Pedagogical University*, 16, 75–81. (In Russ.).

Mineeva, N. N., Neganova, V. P. (2009). Characteristics of types of human capital. *Journal of new economy*, 4(26), 29–35. (In Russ.).

Nureev, R. M. (2009). Human capital and the problems of its development in modern Russia. *Social Sciences and Modernity*, 4, 5–20. (In Russ.).

Oshchepkova, D. S. (2016). To the question of human capital assessment. *Vestnik of Tomsk State University. Economics*, 2(34), 88–98. (In Russ.).

Sakharovsky, S. N. (2012). Institutional factors of human potential formation. *Journal of Institutional Research*, 4(2), 83–92. (In Russ.).

Suvorov, A. V., Suvorov, N. V., Grebennikov, V. G., Ivanov, V. N., Boldov, O. N., Krasilnikova, M. D., Bondarenko, N. V. (2014). Approaches to measuring the dynamics and structure of human capital and assessing the impact of its accumulation on economic growth. *Problems of Forecasting*, 3(144), 3–17. (In Russ.).

Chuchulina, E. V. (2014). Human capital as a factor of socio-economic development of the region. *Vestnik of Perm University. Series: Economics*, 1, 52–57. (In Russ.).

Faggian, A., Modrego, F., McCann, P. (2019). Human capital and regional development. In: *Handbook of regional growth and development theories* (pp. 149–171). Jheronimus Academy of Data Science (JADS) in 's-Hertogenbosch, the Netherlands and the Universitatea Alexandru Ioan Cuza din Iași, Iași Romania.

McFadden, D. (2008). Human capital accumulation and depreciation. *Applied Economic Perspectives and Policy*, 30, 379–385.

Neycheva, M. (2017). MRW model of growth: foundation, developments, and empirical evidence. *Bulgarian journal of business research*, 22, 7–11.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Светлана Геннадьевна Максимова — д-р социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной и молодежной политики Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Svetlana G. Maximova — Dr. Sci. (Sociology), Professor, head. Department of Social and Youth Policy, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia, svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

Дарья Алексеевна Омельченко — канд. социол. наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Daria A. Omelchenko — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social and Youth Policy, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia.

Оксана Евгеньевна Ноянзина — канд. социол. наук, доцент, начальник информационно-аналитического отдела ГИВЦ Министерства культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Oksana E. Noyanzina — Cand. Sci. (Sociology), the Head of the Information and Analysis Department of the Main Computing Center of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 16.04.2022;
одобрена после рецензирования 20.05.2022;
принята к публикации 27.05.2022.

The article was submitted 16.04.2022;
approved after reviewing 20.05.2022;
accepted for publication 27.05.2022.

Научная статья / Research Article

УДК 316.422

DOI: 10.14258/SSI(2022)2-02

Образовательный потенциал населения приграничных регионов России

Мария Ивановна Черепанова¹,
Мария Александровна Гришанова²,
Марина Владимировна Плотникова³,

¹⁻³Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹cher_67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8892-837X>

²maria-ov@mail.ru

³mp2532842@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3768-9916>

Аннотация. Актуальность предложенного в статье исследования определяется тем, что одной из базовых составляющих человеческого капитала является образовательный потенциал населения, качественные характеристики которого определяют будущее развитие страны. Целью предлагаемой статьи является описание специфики субъективных и объективных компонентов образовательного потенциала населения приграничных регионов, а также мотивации граждан к оптимизации своей карьеры в региональном контексте. Анализ функционирования индикаторов интеллектуального капитала и образовательных ресурсов населения основан на междисциплинарном подходе (экономика, социология, педагогика); используется теория воспроизводственных механизмов распространения интеллектуальной информации на макро-, мезо- и микроуровнях его реализации, исследуется феномен «непрерывного образования» и «образования в течение жизни». Сделаны выводы о том, что актуальным фактором развития и повышения эффективности человеческого капитала является высокий уровень жизни граждан, числовым выражением которого является коэффициент жизнеспособности населения. Данный коэффициент отражает, в частности, потенциал сохранения генофонда нации, в том числе в контексте возможного интеллектуального развития и образовательного потенциала.

Ключевые слова: человеческий капитал, интеллектуальный капитал, образовательный потенциал, непрерывное образование, образование в течение жизни, образовательный уровень страны, воспроизводство нации

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, проект FZMW-2020-0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

Для цитирования: Черепанова М.И., Гришанова М.А., Плотникова М.В. Образовательный потенциал населения приграничных регионов России // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 2. С. 33–46. doi: 10.14258/ssi(2022)2-02.

Educational Potential of the Population of the Border Regions of Russia

Maria I. Cherepanova¹,
Maria A. Grishanova²,
Marina V. Plotnikova³

¹⁻³Altai State University, Barnaul, Russia,

¹cher_67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8892-837X>

²maria-ov@mail.ru

³mp2532842@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3768-9916>

Abstract. The relevance of the research proposed in the article is determined by the fact that one of the basic components of human capital is the educational potential of the population, whose qualitative characteristics determine the future development of the country. The purpose of the proposed article is to describe the specifics of the subjective and objective components of the educational potential of the population of border regions, as well as the motivation of citizens to optimize it in a regional context. The analysis of the functioning of indicators of intellectual capital and educational resources of the population is based on an interdisciplinary approach (economics, sociology, pedagogy); the theory of reproductive mechanisms for the dissemination of intellectual information at the macro, meso and micro levels of its implementation is used, the phenomenon of „lifelong education“ and „lifelong education“ is investigated. Conclusions are drawn that the actual factor of development and improvement of the efficiency of human capital is a high level of living.

Keywords: human capital, intellectual capital, educational potential, continuing education, lifelong education, educational level of the country, reproduction of the nation

Financial Support: the work was supported by the framework of the state task of the Ministry of science and higher education of the Russian Federation FZMW-2020-0001 „Human capital, migration and security: transformation in the new migration conditions in Central Asia“.

For citation: Cherepanova, M.I. Grishanova M.A., Plotnikova M.V. (2022). Educational Potential of the Population of the Border Regions of Russia. *Society and Security Insights*, 5(2), 33–46. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-02.

Введение

Человеческий капитал определяется как комплекс экономически значимых знаний, компетенций, мотивации, готовности к анализу и производству новейшей информации. Эти характеристики — итог усвоенных образовательных технологий и практик в процессе профессиональной жизни, что является значимым образовательным ресурсом, или человеческим потенциалом.

Подобный образовательный потенциал, институционализируясь, приобретает определенные качества инвестиционного товара. Следовательно, он может конвертироваться в разнообразные блага, иметь стоимостный эквивалент.

В данном случае социальный актор становится субъектом профессиональной деятельности. Тем не менее совокупность образовательных потенциалов человека отличается от традиционных финансовых активов неотчуждаемым характером, невозможностью получения дохода владельцем образовательного капитала, за счет его прошлого и овеществленного труда (Беккер, 2013: 13).

Образовательный потенциал человека подвержен влиянию амортизации, которая заключается в понижении интеллектуальной активности в процессе старения. Кроме того, выделяют моральную амортизацию, которая заключается в снижении, например, востребованности полученных знаний и компетенций. Наличие данного вида амортизации актуализирует значимость непрерывного повышения своего образовательного и профессионального уровня в течение всей продуктивной фазы жизни человека.

Постиндустриальный этап развития общества стимулировал исследовательский интерес к феноменам «непрерывного образования» и «образования в течение жизни». Проблема постоянного усовершенствования человеческого капитала стала одной из базовых в международных организациях.

Множество документов ЮНЕСКО, ОЭСР посвящены дискурсу «непрерывного образования». Данный аспект получил не только экономическое, но и социальное толкование (Беккер, 2009: 3).

Широкий смысл феномена «образования в течение жизни» включает все этапы системы образования: среднее общее, среднее профессиональное, высшее образование. Кроме того, оно включает все формы дополнительного образования (курсы повышения квалификации, переподготовки, широкий спектр общеразвивающих видов обучения).

Таким образом, институциональный характер непрерывного образования дополняется неформальными и информальными практиками. Непрерывность образования является базовым фактором инновационного развития современной эпохи.

Кроме того, ряд эмпирически доказанных закономерностей подтверждает данное положение. Отметим наиболее существенные из них:

- В XX в. рост интеллектуального потенциала социума опережал темп накопления физического капитала.
- Рост образовательного уровня специалистов коррелировал с абсолютным и относительным ростом их доходов.
- Интеллектуальный потенциал явился базовым показателем экономического роста и развития стран и регионов.

Сформулированная теория человеческого капитала инициировала интерес научной общественности к проблеме управления и социального контроля над образовательной политикой. Актуализировался научный дискурс образования как значимого социально-экономического института. Как одно из отдельных направлений исследования выделился анализ воспроизводственных механизмов распространения интеллектуальной информации на макро-, мезо- и микроуровнях его реализации. Исследуются организованные и неформальные методы получения подобной информации. Повышение значимости описанного явления нашло

отражение в значительном повышении материальных расходов на повышение эффективности деятельности института образования в мире (Бродель, 2007).

В контексте исследования института образования в противовес теориям человеческого капитала возникли оппозиционные теории «фильтров», «сигнализирования» и «скрининга» (Брукинг, 2021: 4). Сущность данных теорий заключается в анализе образования как механизма отбора, сортировки обучаемых по их профессионально важным качествам. Данные теории акцентируют селективность образования, подчеркивают наличие общественных издержек образования. Таким образом, данные теории дополнили эпистемологическую основу теорий человеческого капитала.

В современный период научного познания теория человеческого капитала объясняет широкий спектр процессов и явлений, механизм развития интеллектуально емкой экономики в разном контексте (социологическом, политологическом, психологическом). Следовательно, теория человеческого капитала обладает универсальным, метанаучным значением для анализа современных явлений.

В контексте современных направлений теории человеческого капитала эффективность общества рассматривается как приращение национального дохода, коррелируемого с затратами на образование, а также результатами квалифицированного труда. Уровень квалификации труда в данном случае должен являться дифференциалом заработной платы.

Отечественный исследователь В. А. Васин определил образовательный уровень страны не только как индикатор научного и образовательного потенциала, но и как элемент «духовного богатства». При этом его стоимость коррелировала с затратами на обучение (Васин, 2011: 8). Качественным показателем в контексте образования населения является также доля учащихся, не достигших освоения базового уровня (по результатам тестов).

В контексте теории человеческого капитала выделяют прямые и косвенные издержки на его развитие. Прямые издержки включают оплату образовательных услуг. Косвенные могут включать недополучение заработков учащихся, педагогов, прибыли работодателей и пр. (Вишневицкий, 2010: 7). Ряд ученых апеллировали к необходимости учитывать альтернативные издержки в виде потери возможного заработка (Бродель, 2007: 12).

В научном дискурсе теории человеческого капитала можно выделить два вида анализа результатов. Первый — это его использование как частной выгоды для конкретного индивида. Второй — социальная эффективность, полезность для национальных экономик, регионов, социума в целом.

Показателями эффективного инвестирования в человеческий капитал могут быть:

- рост доходов обученных по сравнению с необученными;
- рост объемов продаж, прибыли организаций в зависимости от финансовых вложений в человеческий капитал специалистов;
- рост социально-экономического статуса обученных по сравнению с не прошедшими обучение.

Как мы указывали ранее, плата за труд является мотивирующим фактором человеческого капитала. Необходимо учитывать комплексный характер роста доходов социальных субъектов, когда индикатором дохода является не вся заработная плата, а лишь *skill premium*, т.е. премия за повышение квалификации.

Социальная эффективность инвестирования в человеческий капитал, по данным научной литературы, определяется оценками его количественного вклада в экономический рост (Глазьев, 2010: 12).

Таким образом, социальный уровень дохода включает рост ВВП как компенсацию затрат на повышение эффективности и качества работы специалистов организаций.

Современные теории человеческого капитала зарубежных исследователей выделяют его эндогенный и экзогенный уровни функционирования (Горшков, 2011: 6). Сходство данных подходов заключается в принятии человеческого капитала и его базового значения в экономическом развитии общества. Исследователи выделяют внешние эффекты образовательной деятельности.

Кроме того, существует опосредованное влияние образовательного уровня социальных акторов на институциональные и социальные компоненты их жизнедеятельности в обществе. Например, уровень образованности будет обеспечивать качество институциональной среды, в частности, влиять на уровень взаимного доверия субъектов, определяя в целом уровень обобщенного доверия в обществе. Социальный компонент, включающий, например, коррупционность, преступность, качество жизни и др., также будет коррелировать с издержками экономической и образовательной системы в обществе.

Эффективность функционирования человеческого капитала будет определять в целом уровень развития региональных и национальных экономических систем. В этом, в частности, заключается «эффект перелива», «эффект масштаба» (Гребенников, 2016: 8).

Факторы человеческого капитала

Показатели человеческого потенциала делятся на натуральные и стоимостные. Грамотность населения является одним из косвенных показателей человеческого капитала. Она включает навыки чтения, письма и счета.

В качестве оценки мышления используется индекс возрастной аккумуляции демографической структуры, который определяется способностью к точному счету и округлению своего возраста. Данный индекс определяется избытком лиц, указывающих свой возраст с окончанием на 0 или 5 (т.е. 25, 30, 35 и т.д.). В свою очередь, индекс возрастной аккумуляции пересчитывается в индекс АВСС, который выражает в процентном отношении численность лиц в возрасте 23–62 лет, указывающих свой возраст с точностью до года (без округления на 5 и 0), и рассчитывается на основе данных переписей населения (Гребенников, 2016: 11).

Важным показателем функционирования человеческого капитала является средняя продолжительность (в годах) обучения социального актора в процессе жизни. Данный индикатор не отражает качественных характеристик, однако он является наиболее репрезентативным показателем накопленного обществом человеческого

капитала (Беккер, 2013: 12). Кроме того, данный индикатор используется в ООН для оценки Индекса человеческого развития. В отличие от анализа грамотности населения, данный показатель эффективнее отражает образовательные изменения.

Необходимо заметить, что критерий «грамотность» не всегда подходит к анализу межстрановых различий, так как общества различаются в лингвистическом контексте.

Одним из показателей развития человеческого капитала в стране является интенсивность книгоиздания и оценка его роли в накоплении знаний в обществе. Данный феномен подробно исследовал Э. Айзенштейн.

Беспрецедентное тиражирование информации, характерное для настоящего времени, обуславливает резкий рост информации и знаний. Динамика накопления книжной продукции рассматривается рядом авторов как индикатор экономического роста общества (Емельянов, 2011: 7). Данное явление называют эндогенным фактором человеческого капитала.

До наступления «цифровой эпохи» уровень распространения печатных технологий являлся надежным показателем активного накопления человеческого капитала. При этом объем тиражей будет отражать количественный, а разнообразие печатной продукции — качественный показатель человеческого капитала.

В оценке стоимости человеческого капитала применяют два принципа. Один из них — затраты на жизнь человека, а другой — оценка его будущих доходов.

Например, совокупные расходы государства на образование определяют межстрановую дифференциацию.

В контексте анализа российских интеллектуальноемких отраслей производства рассчитывается специальный коэффициент, связанный с отношением зафиксированных затрат на развитие человеческого капитала к объему расходов государства на образование.

При этом первые затраты включают негосударственные расходы на образование, расходы из всех известных источников на науку (в соответствии с методом Дж. Кендрика).

Д. Джоргенсон и Б. Фраумени предложили алгоритм оценки человеческого капитала. Формула алгоритма включает соотношение пола, возраста, количества лет, потраченных на образование, приведенную величину пожизненных заработков и пр. Формула оценки человеческого капитала в России была адаптирована Р. Капелюшниковым. Оценивалось население в возрасте 15–64 лет, были использованы статистические данные переписи населения России в 2002 и 2019 гг. Кроме того, были применены результаты изучения рынка труда и доходы населения за это же время.

Ученые Б. ван Леувен и П. Фёльдвари предложили учитывать рост доходов не только прошедших обучение, но и тех, кто не обучался. Следовательно, данный подход учитывал не только частную, но и общественную эффективность человеческого капитала.

Дальнейшее развитие концепции человеческого капитала привело к формулировке Индекса человеческого развития (ИЧР), учитываемого ООН в еже-

годных докладах о развитии человека. Данный индекс включает три показателя: уровень материального дохода, уровень полученного образования и ожидаемую продолжительность жизни населения страны.

С 2010 г. был осуществлен пересчет ИЧР, который был назван гибридным и включил ВВП по анализу покупательной способности населения, уровень грамотности и охват образованием взрослого населения, а также ожидаемую продолжительность жизни граждан той или иной страны.

ООН с 2010 г. внесла поправку, учитывающую внутривнутристрановое неравенство. Предложенная методология позитивно оценивается учеными, однако и она не лишена методических противоречий. Тем не менее неравенство искажает актуальные значения ИЧР и данный индекс нуждается в коррекции.

Т. В. Меркулова обозначает неравенство как институциональную детерминанту, обуславливающую потенциальные возможности экономики страны (Меркулова, 2009).

Трактовка неравенства зависит от распространенных в социуме представлений о справедливости, уровня развития экономики, специфики производств и взаимного обмена благами.

Детерминантами внутривнутристранового неравенства в функционировании человеческого капитала являются:

- значительная дифференциация в оплате труда в контексте разной квалификации, национальных и гендерных особенностей населения;
- разный доступ граждан к образованию;
- разная степень достигнутого образовательного уровня населения;
- неравный доступ к качественным медицинским услугам, как показатель длительности и оптимальности использования человеческого капитала.

Существуют объективные факторы формирования межстрановой и внутривнутристрановой дифференциации в функционировании человеческого капитала. К таким факторам можно отнести климат, демографические особенности того или иного региона, наличие неформальных, но устойчивых социальных барьеров на рынке труда в контексте возрастных, национальных аспектов, предопределяющих социальную мобильность населения. Кроме того, доходы могут различаться в силу разнообразных обстоятельств, субъективного отношения населения к конкуренции.

Представители разнообразных подходов к трактовке человеческого капитала идентифицируют неравенство как базовый барьер социального развития.

В научном дискурсе описываются дифференцированные показатели, которые негативно воздействуют на экономику общества в целом. Например, высокий уровень социальной напряженности, как следствие высокой степени неравенства, имеет самые непредсказуемые последствия для развития общества.

Данные последствия могут включать значительные экономические издержки вследствие элиминации конфликтов и преступлений, обоснования и изменения новых законов и правоприменительных практик для их предотвращения. Все это, в частности, ухудшает экономический и инвестиционный климат в том или ином регионе (Бродель, 2007: 4).

Некоторые факторы неравенства, по мнению О.В. Гребенникова, могут быть предопределены на 70% и более. Такими аспектами, например, являются страна происхождения, уровень дохода родителей и пр. (Гребенников, 2016: 17). Следовательно, существуют устойчивые механизмы воспроизводства разных видов неравенства. Причем роль первого фактора (страна происхождения) становится все более интенсивным.

Среди показателей неравенства человеческого развития можно выделить: дифференциацию уровня доходов, образовательного уровня населения, продолжительности жизни.

Ожидаемая продолжительность жизни населения страны является одним из базовых показателей не только количественных, но и качественных аспектов функционирования человеческого капитала. Влияние данного показателя функционирования человеческого капитала требует дальнейшего изучения в контексте детерминации экономического развития страны. В 2017 г. в России данный показатель составил в среднем по России 72,4 года. Продолжительность жизни российских мужчин составила 66,5 года, а женщин — 72,4 года (источник: официальный сайт Госкомстата России). Таким образом, Россия занимала 100-е место в мире, что явилось одним из наилучших результатов в истории страны (Вишневский, 2017: 7).

Согласно подходу Дж. Кендрика, затраты на поддержание здоровья населения включаются в функционирование человеческого капитала на уровне национальных счетов.

Согласно результатам зарубежных исследователей, выявлена положительная корреляция ожидаемой продолжительности жизни населения и отрицательная корреляция с повышенной дифференциацией образовательного уровня в контексте определения темпов и уровня развития человеческого капитала (Брукинг, 2021: 6). Выявленные детерминанты обуславливают объем человеческого капитала, отражают его качественные характеристики.

Численность населения, занятого в сельском хозяйстве, также является показателем модернизированности и уровня интеллектуальности производств региона. Кроме того, данный показатель отражает динамику перехода социума от аграрного к индустриальному и постиндустриальному этапу развития общества. Необходимо отметить, что для сельского населения характерна определенная эксклюзия от некоторых товаров и услуг, в том числе образовательных, получаемых горожанами.

В контексте ожидаемой продолжительности жизни специфическим показателем являются уровень расходов населения в системе служб здравоохранения (out-of-pocket health expenditure). Данный показатель может отражать величину неравенства в доступности высокотехнологичных медицинских услуг, что определяется значительным неравенством доходов.

Особенности функционирования человеческого капитала в современном российском обществе

Вторичный анализ исследований в области развития человеческого капитала в современном российском обществе позволяет сделать вывод о том, что на про-

тяжении последних десятилетий в большинстве территориальных образований российского общества наблюдается стабильный тренд сокращения населения, преобладание смертности над рождаемостью, высокий процент предотвратимой смертности в структуре данного явления, распространенность социально-обусловленных заболеваний, являющихся индикатором кризисного состояния человеческого капитала в целом (Черепанова, 2017, 2018: 9). Выявлен значительный уровень неравномерности и дефицитарности кадрового состава, особенно в наукоемких отраслях экономики страны.

Специалистами отмечается наличие диспропорций между потребностями рынка труда и предложением, формируемым средним и высшим профессиональным образованием. Дефицит квалифицированных кадров при избытке невостребованных специалистов, выпускников вузов является характерной чертой российского рынка труда.

Методы исследования

Исследование образовательных компонентов человеческого капитала в системе сохранения социально-демографической безопасности и миграции проводилось в шести приграничных регионах России (2021–2022 гг.), многоступенчатая стратифицированная выборка, $n=600$ в каждом регионе, возраст опрошенных 18–70 лет. Специфика функционирования интеллектуального капитала измерялась на основе анализа актуальной региональной статистики и вопросов анкеты, экспертного опроса. В статье представлен первичный анализ описательных статистик.

Анкетирование позволило изучить современные условия и факторы мотивации населения российского приграничья к росту своего образовательного уровня и получения новых компетенций.

Результаты

Представим краткие результаты анализа ответов населения исследуемых регионов России на вопросы, связанные с обучением и повышением квалификации.

Согласно данным, наиболее интенсивно, более трех раз за последние три года проходили обучение, курсы повышения квалификации 38,5% специалистов. Каждый четвертый житель регионов России (24,7%) участвовал в тренингах и семинарах. Лишь каждый десятый (13,3%) служащий с этой же интенсивностью (2–3 раза за последние три года) проходил стажировки и обмен опытом. Примерно каждый седьмой житель регионов (14,1%) часто получал награды за свой труд. Однако хотя бы один раз за последние три года значительное число жителей России (от 17,9% до 24,9%) участвовало в разнообразных мероприятиях, стимулирующих как индивидуальный, так и общественный человеческий капитал.

Положительно можно оценить мотивированность руководства на повышение эффективности своих специалистов и тот факт, что только (15,6%) специалистов ни разу не участвовали в повышении квалификации.

Негативным моментом явилось то, что более трети населения (36,7%) ни разу не посещали тренинги и обучающие семинары. Более половины жителей (66,1%)

никогда не участвовали в конкурсах мастерства и стажировках. Таким образом, не все актуальные инструменты используются для жителей регионов в контексте повышения эффективности их профессионального и личностного развития. Остается недоиспользованным значительный потенциальный резерв видов обучающей деятельности, который мог бы значительно повысить качество человеческого капитала.

Таблица.

Распределение ответов населения на вопрос о том, как часто за последние три года они на своей работе..., в зависимости от региона, % (χ^2 , $p \leq 0,001$)

Table.

Distribution of population's responses to the question of how often in the last three years, they at their job..., by region, % (χ^2 , $p \leq 0,001$)

Регион	Алтайский край	Белгородская область	Воронежская область	Республика Бурятия	Хабаровский край	Челябинская область
Проходили обучение, курсы повышения квалификации	23,8	47,5	29,1	33,2	33,3	41,9
Участвовали в тренингах, семинарах	17,5	44,4	44,4	35,5	24,1	28,3
Участвовали в обмене опытом, стажировках	14,1	14,6	10,5	21,1	9,7	8,6
Участвовали в конкурсах мастерства	16,2	10,9	3,2	13,6	6,5	5,9
Получали награды	15,8	10,7	2,7	4,6	14,1	4,9

Как свидетельствуют данные таблицы, в разных регионах страны существуют предпочитаемые способы и технологии повышения профессиональной квалификации. Различается их региональная структура. Курсы повышения квалификации в большей степени популярны в Белгородской области (47,5%), Челябинской области (41,9%). В наименьшей степени реализуются в Алтайском крае (23,8%), Воронежской области (29,1%). Участие в тренингах и семинарах наиболее популярны в Белгородской области (44,4%), Воронежской области (44,4%). Участие в стажировках и обмене опытом в наибольшей степени представлено в Республике Бурятия (21,1%). Участие в конкурсах мастерства не является популярной формой обучения и повышения своей квалификации и реализуется только каждым десятым специалистом в Белгородской области (10,9%). Чуть более реализуется в Алтайском крае (16,2%). Алтайский край лидирует среди других территорий по наиболее частому получению наград (15,8%), стимулирующих профессиональную успешность кадров.

Далее представим распределение ответов населения шести регионов России на вопрос: «Как Вы думаете, если Вы потеряете работу (по разным причинам),

насколько Вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?»

Как свидетельствуют результаты, мнения жителей регионов значительно дифференцированы относительно оптимизма в решении проблем потенциальной безработицы. Примерно каждый пятый житель (18, 3%) полностью уверен в себе и своей квалификации и считает, что он сможет найти престижную и высокооплачиваемую работу в регионе своего проживания. Треть же жителей исследуемых территорий (29,5%) уверены в меньшей степени, а примерно такая же часть жителей (24,5%) не очень уверена, что сможет найти равноценную работу в случае ее потери по разным причинам. Каждый пятый житель регионов (19,5%) настроен весьма пессимистично и совсем не уверен в результатах поиска соответствующей работы. Незначительная часть жителей (8,2%) затруднились с ответом. Таким образом, около половины жителей регионов (42,2%) имеют скорее негативные ожидания и подтверждают кризисные процессы на рынках труда Алтайского края, Республики Бурятии, Белгородской, Воронежской, Челябинской областей, Хабаровского края. Особенности текущего состояния рынков труда данных регионов заключаются в большом дефиците хорошей, престижной, высокооплачиваемой работы. С другой стороны, значительное число предприятий регионов испытывают дефицит в высококвалифицированных специалистах. Указанная тенденция характерна для большинства территорий Российской Федерации и отражает одно из парадоксальных противоречий функционирования человеческого капитала в стране.

Проанализируем распределение ответов населения шести регионов России на вопрос «Что вы согласны изменить в своей жизни для получения хорошо оплачиваемой, престижной работы?».

Около половины жителей регионов (45,9%) хотели бы пройти дополнительное обучение. Данный факт подтверждает высокую мотивированность жителей и характеризует позитивные потенциальные тенденции в развитии человеческого капитала в стране. Почти треть жителей (34,1%) мотивированы на получение новых навыков для приобретения новой высокооплачиваемой работы, например, обучение вождению и т.п. Каждый третий житель (35,2%) мотивирован на переезд в другой, более развитый экономически город или регион. Практически каждый третий житель края (30,5%) хотел бы сменить сферу деятельности, что является индикатором низкой удовлетворенности своим актуальным профессиональным состоянием, материальным положением и пр. Почти каждый четвертый респондент (28,5%) способен выучить иностранный язык для получения хорошо оплачиваемой и престижной работы. Пятая часть жителей всех регионов (18,1%) готова посвящать работе больше времени и сил с целью получения соответствующих дивидендов. Каждый пятый человек (17,1%) способен поменять образ жизни ради новой карьеры. Значительная часть жителей (22,5%) планировала бы переезд в другую страну ради изменения своей жизни к лучшему.

Обсуждение

Представленные выше факты подтверждают высокую тенденцию российского населения к эмиграции в развитые страны, высокий уровень и скорость «утечки мозгов», особенно высокообразованных и талантливых молодых специалистов. Каждый пятый житель российских территорий (17,5%) затруднился ответить; вероятно, данная проблема не является актуальной для него и/или данная категория граждан направлена на потребность в избегании неудачи и не мотивирована на достижение успеха.

Установки граждан к изменениям своей жизни с целью оптимизации карьеры имеют некоторые статистически значимые отличия по полу. Так, например, женщины в большей степени направлены на оптимизацию своего имиджа, смену профессиональной деятельности, прохождение дополнительного обучения, переквалификацию, приобретение новых навыков. При этом для мужского населения исследуемых регионов более характерно для качественного улучшения уровня жизни больше посвящать себя работе, пойти на финансовый риск, вложить в дело свои финансовые средства, уехать в другую страну, поменять образ жизни и отказаться от вредных привычек. Таким образом, выявленные достоверные отличия являются индикатором межполовой психофизической дифференциации в контексте направленности на оптимизацию своей карьеры.

Заключение

Резюмируя теоретический анализ проблемы, представленной в статье, а также результаты эмпирического исследования, необходимо заметить, что актуальным фактором развития и повышения эффективности человеческого капитала является высокий уровень жизни граждан, числовым выражением которого является коэффициент жизнеспособности населения. Данный коэффициент отражает, в частности, потенциал сохранения генофонда нации в контексте его возможного интеллектуального развития. По данным исследователей, в России данный показатель начиная с 1992 г. составлял меньше единицы, что идентифицирует нацию как нежизнеспособную (Maksimova, Surtaeva & Cherepanova, 2019: 8).

Следовательно, одной из самых востребованных и социально-значимых целей стратегического развития российского общества должно стать сбережение и эффективное воспроизводство нации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М. : ГУ — ВШЭ, 2013. С. 78–82.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв, М. : Весь Мир, 2007. С. 13–15.
- Брукинг Э. Интеллектуальный капитал. СПб. : Питер, 2021. С. 15–17.
- Васин В. А. Национальная инновационная система в социально-экономическом пространстве. М. : ИПРАН РАН, 2011. С. 89–91.

Вишневецкий А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М. : ГУ — ВШЭ, 2010. С. 38–39.

Глазьев С. Ю. Новый технологический уклад в современной мировой экономике. *Международная экономика*. 2010. № 5. С. 5–27.

Горшков М. К. Непрерывное образование в контексте модернизации. М. : ИС РАН, ФГУП ЦСИ, 2011.

Гребенников О. В. Формирование у учащихся ценностного отношения к здоровому образу жизни. *Концепт*. 2016. № 24. С. 43–46.

Емельянов Ю. С. Человеческий капитал в модернизации России: Институциональный и корпоративный аспект. М.: Едиториал УРСС, 2011. С. 89–91.

Черепанова М. И. Региональное неравенство: проблемы демографического развития приграничных территорий Сибири. // *Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира : XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения» : материалы*. М. : МГУ, 2018. С. 591–593.

Черепанова М. И. Отношение к мигрантам как прогноз национальной безопасности в приграничных регионах России. // *Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях*. М. : ВЦИОМ, 2017. С. 1016–1019.

Maksimova S., Surtaeva O., Cherepanova M. Migration policy as a factor in ensuring social security: expert opinion in cross-border regions of Russia. *Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019)*. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. V. 364. Atlantis Press, 2019. 737–741.

REFERENCES

Becker, G.S. (2013). *Human behaviour: an economic approach. Selected Works on Economic Theory*. Moscow: GU — VShE. (In Russ.).

Brodel, F. (2007). *Material civilization, economy and capitalism, XV–XVIII centuries*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.).

Brooking, A. (2021). *Intellectual capital*. SPb., Piter. (In Russ.).

Vasin, V. A. (2011). *National innovation system in the socio-economic space*. М.: IPAN RAN. (In Russ.).

Vishnevsky, A. G. (2010). *Sickle and Ruble. Conservative Modernization in the USSR*. М.: GU — VSHE. (In Russ.).

Glazyev, S. Yu. (2010). New technological structure in the modern world economy. *International Economy*, 5, 5–27. (In Russ.).

Gorshkov, M. K. (2011). *Continuous education in the context of modernization*. М.: IS RAN, FGUP CSI. (In Russ.).

Grebennikov, O. V. (2016). Formation of value-based attitude towards healthy life among students. *Concept*, 24, 43–46. (In Russ.).

Emelyanov, Yu. S. (2011). *Human capital in the modernization of Russia: Institutional*

and corporate aspect. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).

Cherepanova, M. I. (2018). Regional inequality: problems of demographic development of border territories of Siberia. In: *Social injustice in the sociological dimension: the challenges of the modern world: XII International Scientific Conference „Sorokin Readings“: Proceedings*. Moscow: MGU (pp. 591–593). (In Russ.).

Cherepanova, M. I. (2017). Attitudes towards migrants as a forecast of national security in the border regions of Russia. In: *Towards the Future. Forecasting in sociological research*. Moscow: VCIOM (pp. 1016–1019). (In Russ.).

Maksimova, S., Surtaeva, O., Cherepanova, M. (2019). Migration policy as a factor in ensuring social security: expert opinion in cross-border regions of Russia. In: *Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019). Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. V. 364. Atlantis Press (pp. 737–741).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мария Ивановна Черепанова — д-р социол. наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Maria I. Cherepanova — Dr. Sci. (Sociology), Docent at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Мария Александровна Гришанова — аспирант кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Maria A. Grishanova — Post-Graduate Student at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Марина Владимировна Плотникова — аспирант кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Marina V. Plotnikova — Post-Graduate Student at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 10.05.2022;
одобрена после рецензирования 27.05.2022;
принята к публикации 05.06.2022.

The article was submitted 10.05.2022;
approved after reviewing 27.05.2022;
accepted for publication 05.06.2022.

Научная статья / Research Article

УДК 316.34

DOI: 10.14258/SSI(2022)2-03

Межэтнические отношения и миграционная ситуация в Алтайском крае (по материалам социологического исследования)

Екатерина Владимировна Шахова¹,
Светлана Геннадьевна Максимова²

^{1,2}Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ EWS05@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1980-2989>

²svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

Аннотация. Вопросы, касающиеся межэтнических отношений, в Российской Федерации, как многонациональном государстве, актуальны. Особую значимость они приобретают в приграничных регионах страны. Научный анализ путей и механизмов гармонизации межэтнических отношений имеет большое значение для поддержания социально-политической, экономической стабильности современного социума, а также общественного согласия в регионе. Новизна работы состоит в изучении актуального состояния межэтнического взаимодействия и миграционной ситуации в современном региональном социуме. Цель данной работы заключается в оценке особенностей восприятия населением Алтайского края межэтнических отношений и миграционной ситуации в регионе. Рассмотрены показатели: национальная идентичность, изменения в межэтнических отношениях в регионе на протяжении последних пяти лет; доступ к общественным благам людей разных национальностей, отношение к мигрантам и к миграционной ситуации в целом. Практическая ценность исследования заключается в представлении актуальных оценок жителей Алтайского края о межнациональных отношениях и миграционной ситуации в регионе. Эмпирической базой являются данные социологического исследования, реализованного в Алтайском крае (n = 400) научным коллективом Алтайского государственного университета. Полученные данные были проанализированы с помощью методов математико-статистической обработки данных (статистический пакет SPSS 23.0). Отмечено, что люди, которые сталкивались со случаями ущемления прав из-за национальности, чаще других указывают на риск утраты своей национальной идентичности; на отсутствие равных шансов людей разных национальностей получить качественное бесплатное образование, медицинское обслуживание, социальные услуги; на негативное отношение к мигрантам. Региональная ситуация в сфере межэтнических отношений и миграции не является острой и напряженной, тем не менее регулярный мониторинг, комплекс мер, направленных на установление доброжелательных отношений между представителями разных национальностей, между мигрантами и местным населением, в Алтайском крае необходим.

Ключевые слова: межэтнические отношения, национальная идентичность, миграция, миграционная ситуация, отношение к мигрантам, национальные диаспоры, Алтайский край

Финансирование: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZMW-2020-0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

Для цитирования: Шахова Е. В., Максимова С. Г. Межэтнические отношения и миграционная ситуация в Алтайском крае (по материалам социологического исследования) // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 2. С. 47–63. doi: 10.14258/ssi(2022)2-03.

Interethnic Relations and Migration Situation in Altai Territory Based on Sociological Research

Ekaterina V. Shakhova ¹,
Svetlana G. Maksimova²

¹Altai State University, Barnaul, Russia,
EWS05@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1980-2989>

²Altai State University, Barnaul, Russia,
svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

Abstract. Issues concerning interethnic relations in the Russian Federation as a multinational state, are relevant. They are especially important in the border regions of the country. Scientific analysis of ways and mechanisms of harmonization of interethnic relations is of great importance for maintaining the socio-political, economic stability of modern society, as well as social harmony in the region. The following indicators are considered: the specifics of national identity (the degree of closeness with people of the same nationality, the risk of dissolving into the culture of other peoples); changes in interethnic relations in the region over the past five years; access to public benefits for people of different nationalities (receiving guaranteed social, medical, educational services, chances of employment, developing their business, holding high positions in government); attitudes towards migrants and the migration situation in general (the region's residents' assessments of migrants living in the region, attitudes towards them, the need to attract them to the region and support them by the Russian government, possible measures to establish good neighborly relations between migrants and the local population, the role of national diasporas in harmonizing such relations, the impact of population migration on the situation in the region as a whole). The practical value of the study lies in the presentation of current assessments of residents of Altai krai about interethnic relations and the migration situation in the region. The empirical basis is the data from a sociological study implemented in the Altai krai (n = 400) by the research team of the Altai State University. The obtained data were analyzed using the methods of mathematical and statistical data processing (SPSS 23.0 statistical package). It is noted that people who have experienced the spread of infringement of rights due to nationality are more likely than others to be at risk of losing their nationality; in the absence of a sufficient number of chances to receive high-quality free education, medical care, social services; negative attitudes towards migrants. The regional situation in the sphere of interethnic relations is not acute and tense, however,

regular monitoring, a set of measures aimed at establishing friendly relations between different nationalities, between migrants and the population in the Altai krai.

Keywords: interethnic relations, national identity, migration, migration situation, attitude to migrants, national diasporas, Altai krai

Financial Support: the work was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZMW-2020-0001 „Human capital, migration and security: transformation in the new migration conditions in Central Asia“.

For citation: Shahova, E.V., Maksimova, S.G. (2022). Interethnic Relations and Migration Situation in Altai Territory Based on Sociological Research. *Society and Security Insights*, 5(2), 47–63. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-03.

Введение

Тема межэтнических отношений рассматривается в рамках основных социологических теоретико-методологических подходов (среди которых структурный функционализм, теория обмена, концепция управления впечатлениями, феноменологическая социология, этнометодология, символический интеракционизм и другие). Основным подходом, который используется в работе, является структурный функционализм, его идеи представлены в работах Б. Малиновского, Р.К. Мертона, Т. Парсонса, А.Р. Радклифф-Брауна, в них особое внимание уделяется разделению по этническому признаку (Malinowski, 1944, Merton, 1968, Parsons, 1973, Radcliffe-Brown, 1973).

Межэтническим отношениям и миграционной ситуации в Российской Федерации, как многонациональном государстве, уделяется большое внимание. Одними из основных задач государственной национальной политики России являются гармонизация межнациональных отношений, обеспечение межнационального мира и согласия, условий для социальной и культурной адаптации иностранных граждан в стране и их интеграции в российское общество¹. «Россия имеет глубокие корни многонационального государства, в котором постоянно шел процесс взаимного проникновения, единения народов на жизненном, социальном уровне. И сейчас необходим диалог понимания, основанный на признании многоэтничности как преимущества, работающего только на созидание страны» (Сабирова, 2020).

Сегодня актуальность социологических исследований в сфере межэтнического взаимодействия обусловлена «потребностями общества находить ответы в сложных, противоречивых обстоятельствах роста этнической идентичности в условиях глобализационных процессов, когда переосмысливается однонаправленный тренд общественного развития, растет понимание его нелинейности, многовариантности в разных социокультурных средах» (Дробижева, 2018).

Т.В. Кененов, рассматривая работы исследователей в области межэтнических отношений (В.А. Тишков, Л.М. Дробижева, Э.Г. Вартаньян, Т.Г. Стефанен-

.....
¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>.

ко, С. Д. Гуриева, А. Я. Флиер, Ю. В. Арутюнян, Н. М. Лебедева, А. А. Погодина, Н. В. Жукова), приходит к выводу, что изучение особенностей межэтнического взаимодействия в современных условиях является особенно значимым для полиэтнических и поликультурных стран (Кененов, 2020).

Изучению межэтнических взаимоотношений и миграционной ситуации в современном обществе посвящены работы ученых в сфере социологии (Арутюнян, 2014, Дробижева, 2020, Максимова, 2019, Мукомель, 2021). Межэтническое взаимодействие является одной из форм взаимодействия социальных общностей и индивидов (Kunovski, Pomortseva, 2021). Межнациональные (межэтнические) отношения — это взаимодействие людей разных национальностей (этничности) на личностном уровне в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни (с учетом их динамичности и изменчивости в зависимости от разных факторов) (Щеголькова, 2021). Межэтнические отношения могут быть позитивными, негативными или индифферентными (Романенко, 2016). На формирование структуры населения, демографическую ситуацию, межэтнические взаимоотношения оказывают влияние миграционные процессы. Они сказываются на численности, возрастной структуре и этническом составе населения, этнокультурной динамике (Чекрыжова, 2018). Особую актуальность вопросы межэтнических отношений приобретают в приграничных регионах страны, в которых в связи с близостью зарубежных стран сосредоточен постоянный миграционный поток.

Методы исследования

Цель данной работы заключается в оценке особенностей восприятия населением Алтайского края межэтнических отношений и миграционной ситуации в регионе. Для этого рассмотрены показатели: национальная идентичность (степень близости с людьми одной национальности, риск раствориться в культуре других народов); изменения в межэтнических отношениях в регионе на протяжении последних пяти лет; доступ к общественным благам людей разных национальностей (получение гарантированных социальных, медицинских, образовательных услуг, шансы трудоустроиться, развивать свое дело, занимать высокие посты в органах власти); отношение к мигрантам и к миграционной ситуации в целом (оценки жителей региона о проживающих в крае мигрантах, отношение к ним, необходимость их привлечения в регион и поддержки правительством России, возможные меры для установления добрососедских отношений между мигрантами и местным населением, роль национальных диаспор в гармонизации таких отношений, влияние миграции населения на ситуацию в регионе в целом).

Эмпирической базой статьи являются данные социологического исследования, реализованного в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZMW-2020-0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии». В исследовании была применена схема стратифициро-

ванной пропорциональной выборки в сочетании с серийным отбором (многоступенчатая выборка с использованием квотного отбора). Объем выборки в регионе был распределен пропорционально имеющимся статистическим данным об общей численности населения, соотношении городского и сельского населения, численности населения в отдельных возрастных группах населения 18–70 лет, распределения по полу. Данные, полученные в ходе исследования, были проанализированы с помощью методов математико-статистической обработки данных (статистический пакет SPSS 23.0): частотный анализ, таблицы сопряженности с применением статистических критериев. В исследовании приняли участие 400 жителей Алтайского края (63,4% женщин, 36,6% мужчин), среди них 86,0% — русских, 6,7% относят себя к представителям других национальностей, 7,3% имеют смешанную идентичность.

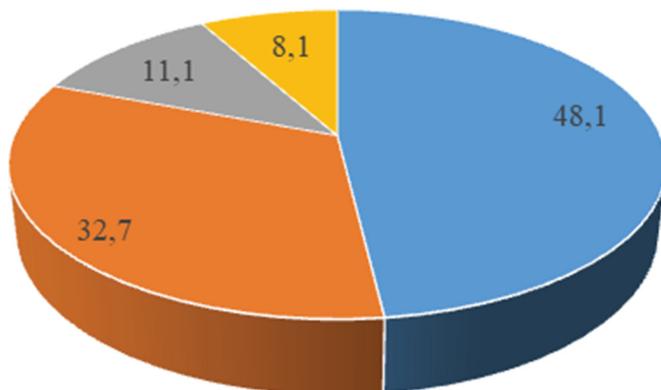
Результаты исследования и обсуждение

Алтайский край является одним из приграничных регионов России, который имеет государственную границу с Республикой Казахстан. Демографическая и миграционная ситуация, сложившаяся в Алтайском крае, как и в России в целом, по-прежнему остается достаточно сложной: наблюдается устойчивая тенденция ежегодного сокращения численности населения, что не может не оказывать деструктивного влияния на состояние межнациональных отношений (Ноянзина, 2018). Это связано как с естественной, так и с миграционной убылью населения. Согласно данным официальной статистики в 2020 г. из края выехали 67 865 чел., приехали 65 449 чел. (из которых 56 702 чел. — из других регионов России, 8747 чел. — из других стран)¹. Международную миграцию в регионе в основном определяют перемещения из стран Содружества Независимых Государств. В большей степени миграционный обмен у Алтайского края установлен с Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном. Повышение миграционной привлекательности региона является одним из факторов сохранения демографического потенциала.

Согласно результатам проведенного исследования, жители Алтайского края имеют высокую степень близости с представителями своей национальности: 48,1% указали на ощущение близости в значительной степени, 32,7% — в небольшой степени, 11,1% испытывают близость крайне редко, 8,1% не ощущают близости (рис. 1).

Жители региона, как правило, не испытывают риска утратить свою национальную идентичность (раствориться в культуре других народов, забыть национальные традиции, язык) (76,4%). На такой риск чаще указывает не русское население, а представители других национальностей (русские — 20,7%, другие национальности — 44,5%), а также те, кто ранее сталкивался со случаями ущемления прав из-за национальной принадлежности (71,4%) (табл. 1).

¹ Миграция населения Алтайского края // Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33247>.

- В значительной степени ■ В небольшой степени
- Крайне редко ■ Не ощущаю близости

Рисунок 1 — Степень ощущения близости с представителями своей национальности, %.

Figure 1 — The degree of feeling of closeness with representatives of the same nationality, %.

Таблица 1.

Риск утратить национальную идентичность в зависимости от национальной принадлежности и случаев ущемления прав из-за национальности, %

Table 1.

The risk of losing national identity, depending on nationality and cases of infringement of rights due to nationality, %

Рискуете ли Вы утратить свою национальную идентичность	Рисковую	Не рискую
Всего	76,4	23,6
Национальная принадлежность		
Русские	20,7	79,3
Другие национальности	44,5	55,5
Смешанная идентичность	31,1	68,9
Случаи ущемления прав из-за национальности		
Такие случаи были	71,4	28,6
Таких случаев не было	18,1	81,9

На то, что приходилось сталкиваться со случаями ущемления прав из-за своей национальности, указали 8,3% жителей региона. Чаще это отмечали представители других национальностей (смешанная идентичность — 3,6%, русские — 6,5%, другие национальности — 33,3%).

Таблица 2.

Согласие с утверждениями в зависимости от случаев ущемления прав из-за национальной принадлежности, %

Table 2.

Agreement with the statements, depending on cases of infringement of rights due to nationality, %

Случаи ущемления прав из-за национальности	Таких случаев не было	Такие случаи были
Для человека естественно и правильно думать, что его нация лучше остальных		
Не согласен	80,5	67,9
Согласен	19,5	32,1
Национальные меньшинства имеют слишком много власти и влияния в России		
Не согласен	73,9	46,4
Согласен	26,1	53,6

Отношения между людьми разных национальностей, по мнению большей части жителей региона, за последние пять лет изменились в положительную сторону (13,7% указали на то, что отношения улучшились, 63,2% — скорее улучшились, 20,8% — скорее ухудшились, 2,3% — ухудшились). Согласно результатам исследования, направленного на изучение особенностей межнациональных отношений и миграционной ситуации в регионе, реализованного на территории Алтайского края в 2016–2020 гг., к 2020 г. отмечается тенденция улучшения чувств к мигрантам и представителям других национальностей. Ситуация в сфере межэтнических отношений в регионе характеризуется как стабильная, бесконфликтная, благоприятная, тем не менее отмечен определенный уровень нетерпимости (Шахова, 2020). Наличие негативных установок среди жителей региона подтверждает распределение ответов на вопрос, в котором им необходимо было выразить согласие или несогласие с утверждениями о положении представителей разных национальностей. Утверждение «Национальные меньшинства имеют слишком много власти и влияния в России» поддержали 30,2%; «Для человека естественно и правильно думать, что его нация лучше остальных» — 24,1% жителей. С ними чаще соглашались те, кто в жизни сталкивался со случаями ущемления своих прав из-за национальной принадлежности (табл. 2). Почти половина жителей региона согласны с тем, что «В любой стране власть должна в основном находиться в руках представителей коренной национальности» (49,3%).

В качестве одного из показателей межэтнических отношений в регионе рассмотрены оценки жителей относительно доступа людей разных национальностей к общественным благам. Жители региона считают, что люди разных национальностей в их населенном пункте имеют равные шансы получить качественное бесплатное образование (на это указали 70,4% жителей), качественное медицинское обслуживание (67,0%), гарантированные социальные услуги (59,3%), открыть свое дело (54,9%). Почти половина жителей региона считает, что устроиться на хоро-

шую работу и занять высокий пост в органах власти люди разных национальностей имеют неравные шансы (53,7% и 56,3% соответственно) (рис. 2).

Рисунок 2 — Оценки жителей региона о доступе людей разных национальностей к общественным благам, %.

Figure 2 — Estimates of residents of the region on the access of people of different nationalities to public goods, %.

На отсутствие равных шансов получить качественное бесплатное образование, медицинское обслуживание, социальные услуги чаще указывают представители других национальностей (не русские), а также те, кто ранее сталкивался с ущемлениями своих прав из-за национальной принадлежности (табл. 3).

Положение в сфере межэтнических отношений во многом определяет миграция населения. Миграционные потоки оказывают влияние на социально-экономическое положение и межнациональные отношения (Liu, 2012). Оценивая миграционную ситуацию в Алтайском крае, население указывает на то, что в регионе много мигрантов — людей, которые приехали из других регионов России или зарубежных стран (74,2%) (рис. 3).

Мигранты в Алтайском крае — это преимущественно представители другой национальности, так считает большая часть жителей (62,6%), 8,7% — думают, что это в основном люди той же национальности, что и местное население, 28,7% указывают на то, что это те и другие в равном количестве. На равнодушное отношение к мигрантам указывает почти половина населения региона (52,4%), другие разделилась на тех, кто относится положительно, и их больше (34,6%), и тех, кто относится отрицательно (13,0%). Выявлено, что на негативное отношение чаще указывают жители, которые встречались в своей жизни со случаями ущемления

прав из-за своей национальности, а также те, кто указывает на риск утратить свою национальную идентичность (табл. 4). В. И. Мукомель утверждает, что негативизм по отношению к мигрантам чаще высказывают те, кто более негативно оценивает положение дел в своем населенном пункте, в своем регионе, в стране. Значимым фактором формирования установок негативизма по отношению к мигрантам называет материальное положение (жители, оценивающие свое материальное положение как плохое, чаще указывают на отрицательное отношение к мигрантам), индикатор удовлетворенностью жизнью (на неприязнь к мигрантам чаще указывают именно не удовлетворенные жизнью), а также восприятие себя в социальном пространстве: «ксенофобские и антимигрантские настроения чаще высказывают люди, болезненно воспринимающие себя в социальном окружении, недовольные всем» (Мукомель, 2021). На негативное восприятие межэтнических отношений и миграционной ситуации оказывают влияние различные факторы, среди которых недовольство социально-экономическими условиями в стране и в своем населенном пункте, социально-психологическая неудовлетворенность своим материальным положением, разные формы проявлений этнического негативизма, усугубляющиеся общим состоянием тревожности в современных условиях пандемии (Щеголькова, 2021).

Таблица 3.

Оценки жителей региона о доступе к общественным благам в зависимости от национальной принадлежности и случаев ущемления прав из-за национальности, %

Table 3.

Estimates of residents of the region on access to public goods, depending on nationality and cases of infringement of rights due to nationality, %

Шансы у людей разных национальностей	Национальная принадлежность			Случаи ущемления прав из-за национальности	
	русские	другие национальности	смешанная идентичность	таких случаев не было	такие случаи были
Получить качественное бесплатное образование					
Равные	73,4	52,0	55,6	73,2	55,6
Неравные	24,5	36,0	29,6	22,1	44,4
Не знаю	2,1	12,0	14,8	4,7	0,0
Получить качественное бесплатное медицинское обслуживание					
Равные	68,3	52,0	65,5	70,8	42,3
Неравные	26,3	48,0	24,1	22,0	57,7
Не знаю	5,3	0	10,3	7,2	0,0
Получить гарантированные социальные услуги					
Равные	61,0	42,3	60,7	63,3	50,0
Неравные	29,0	46,2	21,4	22,6	50,0
Не знаю	10,0	11,5	17,9	14,1	0,0

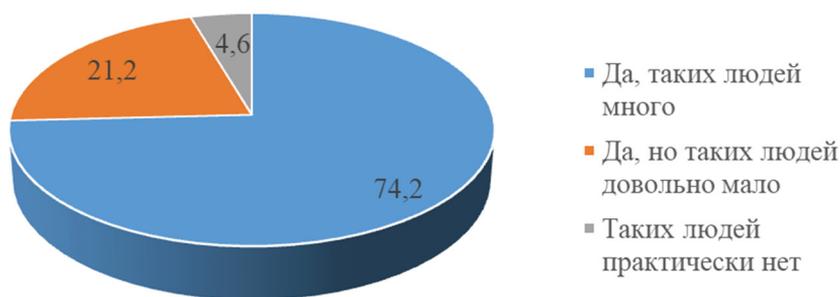

Рисунок 3 — Оценки жителей региона о проживающих в крае мигрантах, %.

Figure 3 — Estimates of the residents of the region about migrants living in the region, %.

Таблица 4.

Отношение к мигрантам в зависимости от ущемления прав из-за национальности и риска утратить национальную принадлежность, %

Table 4.

Attitude towards migrants, depending on the infringement of rights due to nationality and the risk of losing nationality, %

Как Вы относитесь к мигрантам в Вашем регионе?	Отрицательно	Равнодушно	Положительно
Всего	13,0	52,4	34,6
Случаи ущемления прав из-за национальности			
Таких случаев не было	11,7	56,0	32,4
Такие случаи были	28,6	53,6	17,9
Риск утратить свою национальную идентичность			
Определенно рискую	35,0	40,0	25,0
Скорее рискую	24,0	54,7	21,3
Скорее не рискую	11,5	53,8	34,6
Совершенно не рискую	7,2	51,9	40,9

Привлекать мигрантов в регион не нужно, так считают более двух третей жителей края (68,7%), 31,3% указывают на то, что это необходимо. Описывая влияние миграции населения на ситуацию в регионе, жители отмечали как положительные моменты (пополнение рынка труда рабочей силой, выполнение ими низкоквалифицированной работы, увеличение численности населения и др.), так и отрицательные последствия миграции на межэтнические отношения в регионе, демографическую, социальную, экономическую, культурную сферы (утечка высококвалифицированных специалистов, снижение уровня оплаты труда, уменьшение численности населения и др.) (табл. 5). Сложность и противоречивость процессов миграции заключается в том, что они оказывает неоднозначное

воздействие на социально-экономическую ситуацию как на уровне отдельных регионов, так и на уровне всего государства в целом. С одной стороны, приток мигрантов оказывает положительный эффект на демографическую ситуацию путем увеличения численности населения, в том числе трудоспособного, тем самым сглаживая нехватку рабочей силы и улучшая экономический потенциал региона. Однако в миграции населения заключены и отрицательные стороны — нелегальная миграция, маргинализация уязвимых мигрантов, культурная трансформация регионального социума, утечка образованных и высококвалифицированных специалистов и другие проблемы (Максимова, 2013).

Таблица 5.

Влияние миграции населения на ситуацию в регионе, % наблюдений

Table 5.

The impact of population migration on the situation in the region, % of observations

Положительное	Процент наблюдений	Отрицательное	Процент наблюдений
Пополняет рынок труда рабочей силой	44,4	Способствует «утечке» высококвалифицированных специалистов	27,7
Обеспечивает выполнение низкоквалифицированной работы, за которую не берутся местные жители	40,6	Снижает уровень оплаты труда	26,6
Увеличивает численность населения региона	32,0	Снижает численность населения вследствие миграционного оттока	20,8
Увеличивает рождаемость вследствие появления смешанных браков	12,2	Усиливает нагрузку на объекты социального обслуживания населения	17,0
Обогащает местное население знаниями о культуре и традициях стран мигрантов	10,9	Увеличивает социальную напряженность в регионе	15,7
Улучшает социально-экономическую ситуацию в регионе	8,9	Способствует возникновению межэтнических конфликтов	12,7
Способствует притоку специалистов верхнего сегмента рынка труда (IT-специалисты, менеджеры высшего звена)	4,6	Способствует росту преступности и коррупции	12,2

Важным индикатором оценки позиции населения по проблемам межнациональных взаимодействий является отношение к полиэтничности страны (региона) и мнение о необходимости предоставления преференций отдельным народам

и этносам в ее составе (Дятлов, 2017). Жители региона считают, что правительство России должно поддерживать мигрантов, которые хотят остаться жить и работать в России: необходимо содействовать въезду молодых и образованных граждан, ограничивая въезд нетрудоспособных и малообразованных граждан из других стран (41,8% наблюдений), помогать в первую очередь соотечественникам разных национальностей из стран бывшего СССР, создавать условия для их возвращения в страну (35,1% наблюдений), поддерживать всех, кто желает приехать на постоянное место жительства в Россию (29,2% наблюдений), способствовать въезду в страну русского и русскоязычного населения, ограничивая въезд представителей иных национальностей (24,8% наблюдений). На необходимость ограничений въезда в страну для всех категорий мигрантов указали жители в 4,7% наблюдений.

Жители края считают, что для установления добрососедских отношений между мигрантами и местным населением необходимо: принять меры по оказанию мигрантам помощи в изучении языка, обучении их детей (48,9% наблюдений), больше знакомить население края с культурой этих народов, а мигрантов — с культурой региона (35,0% наблюдений), развивать отношения со странами и регионами, из которых прибывают мигранты (29,8% наблюдений). На гармонизацию отношений и адаптацию мигрантов в регионе направлена деятельность не только органов государственной власти, но также общественных объединений, организаций, национальных диаспор. «Диаспора как организационная форма позволяет одновременное существование и в иноэтничном окружении, и в среде представителей своего народа, что существенно облегчает процесс адаптации прибывших мигрантов» (Горбунова, 2019: 33). Национальные сообщества содействуют минимизации негативных социально-экономических, политических, миграционных процессов в развитии современного государства (Кащаева, 2020). Оценивая роль национальных диаспор в регионе, жители, с одной стороны, указывают на то, что они способствуют сохранению культуры, норм, ценностей и транслируют их молодежи, поддерживая культурное многообразие (на это указали жители в 34,5% наблюдений); адаптации мигрантов в новом для них обществе (27,5% наблюдений); формированию толерантности между представителями разных национальностей (17,9% наблюдений). А с другой стороны, говорят о том, что диаспоры оказывают поддержку этническим группам в ведении бизнеса, о сохранении монополии на рынке, о вхождении в структуры власти (34,0% наблюдений), способствуют нарастанию конфликтных настроений и столкновению национальных интересов (17,9% наблюдений), повышают трудовую конкуренцию (11,7%). Данное распределение указывает на наличие в обществе разных точек зрения, не только положительных, но и негативных оценок по отношению к мигрантам и деятельности национальных диаспор. Считается, что наличие у небольшой части общества негативных установок, фобий, предрассудков о миграции и мигрантах может рассматриваться как безопасное. Однако их широкое распространение является предвестником общественной напряженности и конфликтов. Причины формирования таких установок могут быть связаны

с тенденциозным информированием населения, а также с другими социальными проблемами, с которым сталкивается население в повседневной жизни (Межэтнические отношения..., 2019). В связи с этим необходим комплекс интеграционных мероприятий, направленных на предупреждение общественных конфликтов и гармонизацию отношений.

Заключение

Сегодня вопросы, касающиеся миграционной ситуации и межэтнических отношений, в Алтайском крае, как и в Российской Федерации, являются актуальными. По результатам проведенного социологического исследования ситуация в сфере межэтнических отношений в регионе оценивается как благоприятная: жители региона чаще отмечают высокий уровень национальной идентичности, отсутствие риска ее утраты; тенденцию к улучшению межэтнических отношений в крае; равный доступ людей разных национальностей к общественным благам. Миграционная ситуация в регионе характеризуется следующим образом: жители чаще отмечают, что в регионе много мигрантов и привлекать дополнительно их в регион не нужно. При этом отрицательное отношение к приезжим жители испытывают редко, считают необходимым поддерживать тех, кто планирует остаться жить и работать в России. Тем не менее регулярный мониторинг в сфере межэтнических отношений и миграционной ситуации, мероприятия, направленные на создание благоприятных отношений между представителями разных национальностей, установление добрососедских отношений между мигрантами и местным населением, профилактику предупреждения конфликтов в регионе, необходимы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социологические исследования. 2014. № 7 (363). С. 102–112.

Горбунова А. А., Максимов М. Б. Адаптационный потенциал национальных диаспор в приграничных регионах России // Society and Security Insights. 2019. № 1. С. 31–41.

Дробижева Л. М. Межэтническое согласие в условиях новых вызовов // Социальные процессы современной России. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. С. 41–45.

Дробижева Л. М. Изучение этничности и межнациональных отношений в социологии. Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики // Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений (19 декабря 2017 г., г. Москва) / под ред. В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2018. 315 с.

Дятлов А. В., Панфилова Ю. С., Пшегусова Г. С., Герасимов Г. И. Межэтнические отношения в полиэтничном регионе: особенности восприятия населением (на материалах Юга России) // Вестник Адыгейского государственного университета.

Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 4 (209). С. 170-179.

Кащаева М. В., Маракулин Д. А. Национальные общины как фактор противодействия экстремизму // Социодинамика. 2020. № 3. С. 12–29. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.3.31639.

Кененов Т. В. Теория межэтнических отношений в работах исследователей // Вестник науки. 2020. № 1(22). С. 76–79.

Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е. Доверие мигрантов к принимающему сообществу в контексте анализа социальной безопасности в приграничных регионах России // Siberian Socium. 2019. Т. 3, № 2. С. 18–34. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34.

Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Максимов М. Б. Миграционные процессы и социально-экономическая безопасность приграничных регионов России // Вестник АГАУ. 2013. № 11(109). С. 123–127.

Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России : Экспертный доклад по изучению общественного мнения в 2019 году / ред. Смирнова Т. Б., Степанов В. В., Старченко Р. А. М. ; Омск : Издательский центр КАН, 2020. 174 с.

Мукомель В. И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. 2021. № 1-2. С. 53–68.

Мукомель В. И. Перспективы демографического развития России: региональный аспект // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы» / отв. ред. Н. В. Яковенко. Воронеж : Цифровая полиграфия, 2021. С. 55–57.

Ноянзина О. Е., Горбунова А. А., Сарыглар С. А. Социальный контекст миграционных процессов в Алтайском крае // Society and Security Insights. 2018. № 1(3). С. 134–150. DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2018\)3-08](https://doi.org/10.14258/ssi(2018)3-08).

Романенко Н. М. Межэтнические отношения как важнейший элемент социальной и политической реальности // Человеческий капитал. 2016. № 11 (95). С. 60–62.

Сабирова Н. С. Национальная политика современной России в контексте межэтнических взаимодействий внутри государства // Власть. 2020. Т. 28, № 3. С. 87–91. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i3.7315>.

Чекрыжова О. И., Тарасова Е. В. Миграция населения Алтайского края: ретроспективный анализ // Известия АлтГУ. 2018. № 2 (100). С. 145–149.

Шахова Е. В., Щеглова Д. К. Динамика отношения жителей Алтайского края к миграционной ситуации и межэтническим отношениям в регионе // Society and Security Insights. 2020. № 3. С. 134–145.

Щеголькова Е. Ю. Межнациональные отношения в период пандемии // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Межнациональные отношения и российская идентичность в сложных условиях пандемии COVID-19. 2021. № 1. С. 9–16. DOI: 10.19181/INAB.2021.1.1.

Щеголькова Е. Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные

перемены. 2020. № 4 (158). С. 499–520. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1260.

Kunovski M. N., Pomortseva N. V. Phenomenon of effective interethnic interaction as an object of interdisciplinary research // *Amazonia Investiga*. 2021. no. 10 (41). P. 267–274. DOI: <https://doi.org/10.34069/AI/2021.41.05.25>.

Liu J. H. A Cultural Perspective on Intergroup Relations and Social Identity // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2012. no. 5 (3). P. 1–13.

Malinowski B. A Scientific Theory of Culture, and Other Essays. University of North Carolina Press, 1944.

Merton R. K. *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press. 1968.

Parsons T. Some Afterthoughts on «Gemeinschaft and Gesellschaft» // A New Evaluation. *Essays and Documents* / ed. W. J. Cahnmann, T. Ferdinand. Leiden : E. J. Brill, 1973. P. 151–159.

Radcliffe-Brown A. R. *The Methods of Ethnology and Social Anthropology*. Method in Social Anthropology. Bombay. 1973.

REFERENCES

Arutjunjan, Ju. V., Drobizheva, L. M. (2014). Traversed path and issues of contemporary Russian ethnosociology. *Sociologicheskie Issledovaniya*, 7(363), 102–112. (In Russ.).

Gorbunova, A. A., Maksimov, M. B. (2019). Adaptation potential of ethnic diasporas in border regions of Russia. *Society and Security Insights*, 1, 31–41. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2020). Interethnic harmony in the face of new challenges. In: Z. H. Saraliev (Ed.). *Social'nye Processy Sovremennoj Rossii. Vol. 1*. Nizhny Novgorod: Izd-vo NISOC (pp. 41–45). (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2018). Study of ethnicity and inter-ethnic relations in sociology. Research in the field of ethnicity, inter-ethnic relations and the history of national policy. In: V. A. Tishkov (Ed.). *Materials of the session of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on complex problems of ethnicity and interethnic relations, 19 December 2017*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.).

Djatlov, A. V., Panfilova, Ju. S., Pshegusova, G. S., Gerasimov, G. I. (2017). The interethnic relations in the multiethnic region: features of perception by the population (from materials of the South of Russia). *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*, 4(209), 170–179. (In Russ.).

Kashhaeva, M. V., Marakulin, D. A. (2020). National communities as a factor of counter-action against extremism. *Sociodinamika*, 3, 12–29. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.3.31639. (In Russ.).

Kenenov, T. V. (2020). Theory of inter-ethnic relations in research works. *Vestnik nauki*, 1(22), 76–79. (In Russ.).

Maximova, S. G., Omelchenko, D. A., Noyanzina, O. E. (2019). The trust of migrants towards recipient society in the context of social security in the Russian border regions of Russia. *Siberian Socium*, 3(2), 18–34. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34. (In Russ.).

- Maximova, S. G., Avdeeva, G. S., Maksimov, M. B. (2013). Migration processes and socio-economic security in border regions of Russia. *Vestnik AGAU*, 11(109), 123–127. (In Russ.).
- Smirnova, T. B., Stepanov, V. V., Starchenko, R. A. (Eds.) (2020). *Inter-ethnic relations and migration situation in the regions of Ural, Siberia, and the Far East of Russia. Expert report on the study of public opinion in 2019*. Moscow; Omsk: Izdatel'skij centr KAN. (In Russ.).
- Mukomel, V. I. (2021). Migration situation and migrants in the perception of Russians. *Vestnik Rossijskoj Nacii*, 1–2, 53–68. (In Russ.).
- Mukomel, V. I. (2021). Perspectives of demographic development of Russia: regional aspect. In: *Jakovenko N. V. (Ed.). Material of the International demographic forum «Demography and global challenges*. Voronezh: Cifrovaya poligrafija (pp. 55–57). (In Russ.).
- Noyanzina, O. E., Gorbunova, A. A., Saryglar, S. A. (2018). Social context of migration processes in the Altai krai. *Society and Security Insights*, 1(3), 134–150. DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2018\)3-08](https://doi.org/10.14258/ssi(2018)3-08). (In Russ.).
- Romanenko, N. M. (2016). Inter-ethnic relations as an important element of social and political reality. *Chelovecheskij Kapital*, 11(95), 60–62. (In Russ.).
- Sabirova, N. S. (2020). National policy of contemporary Russia in the context of inter-ethnic interactions within a State. *Vlast'*, 28(3), 87–91. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i3.7315>. (In Russ.).
- Chekryzhova, O. I., Tarasova, E. V. (2018). Migration of population of the Altai krai: retrospective analysis. *Izvestiya AltGU*, 2(100), 145–149. (In Russ.).
- Shahova, E. V., Shheglova, D. K. (2020). Dynamics of attitudes of the Altai krai residents towards migration situation and inter-ethnic relations in the region. *Society and Security Insights*, 3, 134–145. (In Russ.).
- Shhegolkova, E. Ju. (2021). Inter-ethnic relations during pandemics. *Informacionno-analiticheskij byulleten' (INAB). Mezhnacional'nye otnosheniya i rossijskaya identichnost' v slozhnyh usloviyah pandemii COVID-19*, 1, 9–16. DOI: 10.19181/INAB.2021.1.1. (In Russ.).
- Shhegol'kova, E. Ju. (2020). Interethnic relations in the assessments of Russians: sociological analysis. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye perezmeny*, 4(158), 499–520. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1260. (In Russ.).
- Kunovski, M. N., Pomortseva, N. V. (2021). Phenomenon of effective interethnic interaction as an object of interdisciplinary research. *Amazonia Investiga*, 10(41), 267–274. DOI: <https://doi.org/10.34069/AI/2021.41.05.25>. (In Russ.).
- Liu, J. H. (2012). A Cultural Perspective on Intergroup Relations and Social Identity. *Online Readings in Psychology and Culture*, 5(3), 1–13.
- Malinowski, B. A. (1944). *Scientific Theory of Culture, and Other Essays*. University of North Carolina Press.
- Merton, R. K. (1968). *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press.
- Parsons T. (1973). Some Afterthoughts on «Gemeinschaft and Gesellschaft». In: W. J. Cahnmann, T. Ferdinand (Eds). *A New Evaluation. Essays and Documents* (pp. 151–

159). Leiden: E. J. Brill.

Radcliffe-Brown, A. R. (1973). *The Methods of Ethnology and Social Anthropology. Method in Social Anthropology*. Bombay.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Екатерина Владимировна Шахова — лаборант-исследователь отдела сопровождения научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Ekaterina V. Shakhova — laboratory researcher of the Research and Development Support Department, Altai State University, Barnaul, Russia.

Светлана Геннадьевна Максимова — д-р социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной и молодежной политики Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Svetlana G. Maksimova — Dr. Sci. (Sociology), Professor, head. Department of Social and Youth Policy, Institute for the Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 24.04.2022;
одобрена после рецензирования 15.05.2022;
принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 24.04.2022;
approved after reviewing 15.05.2022;
accepted for publication 20.05.2022.

Научная статья / Research Article

УДК 314.74

DOI: 10.14258/SSI(2022)2-04

Особенности адаптивных стратегий иностранных мигрантов в приграничных регионах России

Сылдысмаа Артуровна Сарыглар

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
Syl dysma93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8965-9922>

Аннотация. Миграция стала неотъемлемой частью жизни современного человека. В силу политических, социально-экономических, экологических факторов с каждым годом увеличиваются миграционные потоки. Одними из ключевых направлений исследований остаются вопросы адаптации и интеграции мигрантов, так как от характера адаптации мигрантов зависит социальное развитие и благополучие как самих мигрирующих, так и принимающего общества. Целью данной статьи является исследование особенностей адаптивных стратегий иностранных мигрантов в приграничных регионах России. В работе представлен теоретический анализ миграционных процессов, включая 11 законов миграции Э.Г. Равенштайна и подходы к пониманию процессов аккультурации мигрантов. Проанализированы результаты социологических исследований, проведенных научным коллективом Алтайского государственного университета в шести приграничных регионах России (Алтайский край, Республика Тыва, Хабаровский край, Волгоградская, Астраханская, Амурская области). Всего было опрошено 449 иностранных мигрантов. Данные собраны с помощью анкетного опроса и проанализированы с применением методов частотного и линейного регрессионного анализа. На основе проведенных анализов получена типология мигрантов на основе их миграционного опыта и миграционных намерений. Выделено три группы мигрантов, прибывающих в приграничные регионы: возвратные, безвозвратные и транзитные. Отмечается, что процессы аккультурации мигрантов в приграничных регионах России развиваются по пути интеграции. На основе полученных данных выделено пять адаптивных стратегий, характерных для иностранных мигрантов в приграничных регионах России: полная интеграция (знание российской культуры и поддержка межкультурных контактов с принимающим сообществом), интеграция — намерение (плохое знание российской культуры и поддержка межкультурных контактов с принимающим сообществом), транзитная интеграция (знание российской культуры и поддержка межкультурных контактов с принимающим сообществом, характерна для транзитных мигрантов), сепарация — угроза (знание российской культуры и отсутствие межкультурных контактов с принимающим сообществом), ассимиляция — выгода (плохое знание российской культуры, но намерение поддерживать только российские культурные нормы и традиции, характерна для мигрантов, приехавших с целью торговли и приобретения товаров).

Ключевые слова: миграция, адаптация мигрантов, интеграция мигрантов, адаптивные стратегии мигрантов, миграционная активность, приграничные регионы, иностранные мигранты в России

Финансирование: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZMW-2020-0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

Для цитирования: Сарыглар С.А. Особенности адаптивных стратегий мигрантов в приграничных регионах России // *Society and Security Insights*. 2022. Т. 5, № 2. С. 64–76. doi: 10.14258/ssi(2022)2-04.

Features of Adaptive Strategies of Foreign Migrants in the Border Regions of Russia

Syldysmaa S. Saryglar

Altai State University, Barnaul, Russia,
Syldysma93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8965-9922>

Abstract. Migration has become an integral part of modern life. Due to political, socio-economic, environmental factors, migration flows are increasing every year. One of the key areas of research remains the issues of adaptation and integration of migrants, since the nature of the adaptation of migrants depends on the social development and well-being of both the migrants themselves and the host society. The purpose of this article is to study the features of the adaptive strategies of foreign migrants in the border regions of Russia. The paper presents a theoretical analysis of migration processes, including eleven laws of migration by E.G. Ravenstein and approaches to understanding the processes of acculturation of migrants. The results of sociological research conducted by the research team of Altai State University in six border regions of Russia (Altai Territory, Tyva Republic, Khabarovsk Territory, Volgograd Region, Astrakhan Region, Amur Region) are analyzed. A total of 449 foreign migrants were interviewed. The data were collected using a questionnaire and analyzed using frequency and linear regression analysis methods. Based on the analyzes carried out, a typology of migrants was obtained based on their migration experience and migration intentions. Three groups of migrants arriving in the border regions have been identified — returnable, irrevocable and transit. It is noted that the processes of acculturation of migrants in the border regions of Russia are developing along the path of integration. Based on the data obtained, five adaptive strategies were identified that are typical for foreign migrants in the border regions of Russia: full integration (knowledge of Russian culture and support for intercultural contacts with the host community), integration — intention (poor knowledge of Russian culture and support for intercultural contacts with the host community), transit integration (knowledge of Russian culture and support for intercultural contacts with the host community is typical for transit migrants), separation is a threat (knowledge of Russian culture and

lack of intercultural contacts with the host community), assimilation is a benefit (poor knowledge of Russian culture, but the intention to support only Russian cultural norms and traditions, typical for migrants who came to trade and purchase goods).

Keywords: migration, adaptation of migrants, integration of migrants, adaptive strategies of migrants, migration activity, border regions, foreign migrants in Russia

Financial Support: The publication was performed as part of the state task of the Ministry of science and higher education of the Russian Federation FZMW-2020-0001 „Human capital, migration and security: transformation in the new migration environment in Central Asia“.

For citation: Saryglar, S.A. (2022). Features of Adaptive Strategies of Foreign Migrants in the Border Regions of RUSSIA. *Society and Security Insights*, 5(2), 64–76. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-04.

Введение

Миграция стала неотъемлемой частью жизни современного человека. Если не собственная миграция, то прямые или косвенные последствия миграции населения — современным жителям разных стран, регионов и городов приходится сталкиваться с этим ежедневно.

В первых двух законах миграции Э.Г. Равенштайна отмечается, что миграция — это постепенный пошаговый процесс, и большинство мигрантов перемещаются на коротком расстоянии (Абылкаликов, 2012; Ravenstein, 1889). Согласно третьему закону, точками переезда на дальние расстояния являются города с развитой промышленностью и торговлей. Данный закон взаимосвязан с другими законами миграции: законом о пропорциональной зависимости объема миграции от уровня развития промышленности, торговли и транспорта (девятый закон миграции), законом о направленности миграционных потоков из сельскохозяйственных районов в центры промышленности и торговли (десятый закон) и законом о причинах миграции, согласно которому главные причины миграции — экономические (одиннадцатый закон миграции). Как показывает статистика, большинство мигрантов — это жители развивающихся стран, стремящиеся к более развитым странам в силу отсутствия социально-экономических возможностей в стране происхождения для удовлетворения своих базовых жизненных потребностей. Миграция экономически значима не только для самих мигрантов, но и для стран их происхождения. Так, например, по оценкам Всемирного банка в 2011 г. мигранты перечислили \$372 млн США только своим родственникам (в дополнение к крупным суммам, которые были переведены нерегулярными средствами) и тем самым в три раза превысили объем инвестиций в области развития (Василенко, 2013, United Nations Economic..., 1993).

Как отмечает Э.Г. Равенштайн, каждый миграционный поток порождает противопоток (четвертый закон миграции), тем самым снижая показатели миграционного прироста населения. Пятый закон миграции утверждает, что жители городов менее способны к миграции, чем жители сельской местности. По Э.Г. Равенштайну, женщины более предрасположены к внутренней миграции (внутри страны), в то время как мужчины — к внешней (шестой закон миграции). Следующий закон устанавливает, что большинство мигрантов — это взрослые люди, и что семьи

менее предрасположены к внешней миграции (седьмой закон миграции). Демографическая значимость миграции отмечается Э.Г. Равенштайном в следующем законе — население больших городов увеличивается более за счет миграционного, чем естественного прироста (восьмой закон миграции) (Ravenstein, 1885).

Без изменения места жительства трудно отличить миграцию от других видов пространственных перемещений. Миграция обозначает движение между двумя и более условными границами. Она включает в себя все виды территориального перемещения — маятниковые, эпизодические и сезонные, различные по времени и направленности (Лифшиц, 2010).

Приезжая в новые страны, мигранты вынуждены пересмотреть свои ценности, убеждения и привычки, чтобы приспособиться к новым условиям и интегрироваться в обществе (Сарыглар, Максимова, 2020). Процессы межкультурной адаптации и аккультурации активно стали изучаться в начале XX в. Аккультурация определялась как процесс длительного общения представителей разных культур, в результате которого происходит трансформация социокультурного паттерна внутри одной или нескольких социальных групп. Позже такое же определение дает и Т.Д. Грэйвс, описывая адаптацию как изменения, с которыми сталкивается индивид или группа, при взаимосвязи с другими культурами (Кулешов, 2007; Mai Le Thi, 2017). Аккультурация является «процессом культурных изменений и адаптации вследствие вступления в контакт представителей разных культур» (Jiménez, 2011).

Миграция является двусторонним процессом, и ее успех зависит как от самих мигрирующих, так и от принимающей стороны. Поэтому наиболее приемлемой формой аккультурации является интеграция, когда взаимодействие между мигрантами и местным населением строится на культурном взаимообмене с сохранением элементов собственных культур (Горинова, 2010).

Методика исследования

Целью данной работы является исследование особенностей адаптивных стратегий иностранных мигрантов на основе данных социологических исследований. Эмпирической базой послужили результаты социологических исследований, проведенных научным коллективом Алтайского государственного университета под руководством проф. С.Г. Максимовой среди иностранных мигрантов в 2018–2019 гг. в приграничных регионах России: Алтайский край, Республика Тыва, Хабаровский край, Волгоградская, Астраханская, Амурская области (n=449). Данные собраны с помощью анкетного опроса и проанализированы с применением методов частотного, двумерного и линейного регрессионного анализа.

Для выявления особенностей адаптивных стратегий мигрантов на первом этапе была получена собственная типология мигрантов на основе их миграционного опыта и дальнейших миграционных намерений. На втором этапе были выявлены особенности социальной адаптации и интеграции мигрантов. Далее на основе теории аккультурации Дж. Берри была получена типология адаптивных стратегий мигрантов.

Результаты

Типология мигрантов

Разработанная нами методика оценки специфики миграционного поведения мигрантов из стран СНГ позволила выделить типологию на основе их миграционного опыта (индивидуальных перемещений) и дальнейших миграционных намерений.

После анализа нами были выделены три основные группы иностранных мигрантов, находящихся в приграничных регионах России: возвратные, транзитные и безвозвратные мигранты.

Определяющими фактором при классификации мигрантов на эти группы были наличие опыта миграции и конечная точка в миграционной траектории мигрантов (родина, Россия или другая страна). Рассмотрим группы подробнее.

1. Возвратные мигранты — это мигранты, приехавшие в Россию на определенный срок и планирующие вернуться на свою родину по истечении данного срока (Accordini, Giuliani, Gennari, 2018). К возвратным мигрантам также относятся те, кто приехал в Россию несколько лет назад (возможно, еще получил гражданство России) и в настоящее время возвращается на свою историческую родину. Но в нашем исследовании приняли участие только те мигранты, которые намерены вернуться на свою родину по истечении определенного времени. Возвратные мигранты в зависимости от их миграционного опыта разделяются на две группы:

1.1. Возвратные мигранты с опытом миграции — мигранты в этой группе имеют опыт той или иной миграции, а по истечении определенного срока пребывания в России намерены вернуться на свою страну. В зависимости от типа перемещения и опыта миграции эти мигранты были разделены еще на четыре подгруппы:

а) возвратные мигранты с опытом безвозвратной миграции — это мигранты, которые эмигрировали после своего рождения в другую страну и стали гражданами данного государства, а в настоящее время находятся в России, но по истечении определенного времени намерены вернуться в свою страну (2,1% мигрантов);

б) возвратные мигранты с опытом транзитной миграции — это мигранты, приехавшие в Россию через другую страну (транзитом), но по истечении определенного времени намерены вернуться в свою страну. По сравнению с мигрантами с опытом безвозвратной миграции, эти мигранты проживают в стране своего рождения (место рождения и место проживания (гражданство) совпадают). Мигранты с опытом транзитной миграции составили 6,3% опрошенных мигрантов;

в) возвратные мигранты с опытом внутренней миграции — это мигранты, которые приехали в один регион России, мигрировали далее в другой регион России, но по истечении определенного срока намерены вернуться на свою родину (7,3% мигрантов). В данном случае под внутренней миграцией мы понимаем передвижения внутри одной страны независимо от того, является эта страна постоянным местом жительства или нет;

г) возвратные повторные мигранты — это мигранты, которые приезжают несколько раз в одну страну (в данном случае в Россию) на определенный промежуток времени и возвращаются на родину (46,0% мигрантов). Треть из них отметили, что приезжают в Россию 3–5 раз.

1.2. Возвратные мигранты без опыта миграции — это мигранты, которые приехали в Россию впервые на определенный срок и которые по истечении данного срока намерены вернуться на свою родину (29,6% мигрантов).

2. Транзитные мигранты — это «лица, которые мигрируют из одной страны в другую с намерением найти возможность эмигрировать в другую страну как страну конечного назначения» (Maximova et al, 2018; Oltmer, Ingalls, 2013). В отличие от мигрантов с опытом транзитной миграции, точкой транзита данных мигрантов является Россия. В зависимости от миграционного опыта транзитные мигранты были разделены на две подгруппы:

а) транзитные мигранты с опытом безвозвратной миграции — это мигранты, которые эмигрировали после своего рождения в другую страну и стали гражданами данного государства, а в настоящее время находятся в России и намерены эмигрировать в другую страну (США) (0,3% мигрантов);

б) транзитные мигранты без опыта миграции — это мигранты, которые впервые мигрируют из своей родной страны в другую с временной остановкой в России (1,4% мигрантов). Страной своей иммиграции мигранты назвали Австралию и США. Основной целью своего пребывания в России мигранты указали трудовую деятельность (75,0%) и посещение родственников (25,0%).

3. Безвозвратные мигранты — это мигранты, которые приехали в Россию и намерены остаться здесь на длительный срок (на постоянное место жительства). Исходя из опыта, мигранты разделены на две подгруппы:

а) безвозвратные мигранты без опыта миграции — это мигранты, которые приехали в Россию и намерены остаться здесь, но переехать в другой российский регион (5,2% мигрантов);

б) безвозвратные мигранты с опытом внутренней миграции (в данном случае под внутренней миграцией мы понимаем передвижения внутри одной страны независимо от того, является эта страна постоянным местом жительства или нет). К ним относятся мигранты, которые приехали в один регион России, но мигрировали и находятся в другом регионе, а по истечении определенного срока намерены мигрировать в другой (третий) регион России (1,4% мигрантов);

в) безвозвратные мигранты с опытом безвозвратной миграции — это мигранты, которые эмигрировали после своего рождения в другую страну и стали гражданами данного государства, а в настоящее время находятся в России и намерены остаться в ней, но переехать в другой российский регион (0,3% мигрантов).

Таким образом, как показали результаты анализа, большинство мигрантов, пребывающих в приграничных регионах России, являются возвратными повторными мигрантами — приезжают в Россию не в первый раз на определенный период времени и по окончании срока возвращаются на свою родину. Это прежде

всего трудовые мигранты, которые приезжают на сезонные работы. Также стоит отметить, что почти четверть мигрантов имеют опыт транзитной или внутренней миграции. И только треть мигрантов не имеют предыдущего миграционного опыта и приехали в Россию в первый раз.

Специфика социальной адаптации и интеграции мигрантов

Как показали результаты исследования, большинство иностранных мигрантов в приграничных регионах России поддерживают культурный обмен с местными жителями: поддерживают российскую культуру и взаимоотношения с представителями местного сообщества и сохраняют свою этническую культуру (84,3%) (Сарыглар, Максимова, Молодикова, 2018; Слободчикова, 2016).

Несмотря на позитивную направленность адаптационных процессов, наблюдаются и негативные тенденции. Например, большинство тех, кто приехал в Россию ради получения образования, предпочитают участвовать в мероприятиях, организуемых только их земляками (60%). А у мигрантов, приехавших ради торговли, приобретения товаров, наблюдается приверженность больше к ассимиляции, чем интеграции. Больше половины из них ответили, что они должны усваивать российские традиции и не поддерживать собственные (66,7%). Среди возвратных, транзитных и повторных мигрантов также наблюдается тенденция к социальной обособленности, желанию проводить свое время только с земляками. Если для этих мигрантов такая практика объяснима их будущим возвратом на родину или дальнейшей миграцией в другую страну, то намерения безвозвратных мигрантов, приехавших в Россию на длительный срок или на постоянное место жительства, сохранять и развивать только свою традиционную культуру и общение только со своими земляками, вызывают некоторое беспокойство.

Среди мигрантов со средним общим образованием приверженность только к своей культуре и землякам оказалась выше, чем у людей с более высоким образованием. Интеграционный потенциал мигрантов, у которых семьи проживают в России, оказался выше тех, у кого семья проживает в другой стране. Также мы обнаружили, что мигранты, имеющие собственное жилье в России, и мигранты, снимающие жилье в аренду вместе с земляками, друзьями, склонны придерживаться только своих культурных традиций и общаться только со своими земляками. Половина мигрантов, которые живут очень хорошо, богато, ответили, что представители их национальности, живущие в России, должны сохранять только свои культурные традиции.

В адаптации и интеграции мигрантов немаловажную роль играют представители этнических диаспор, проживающие в данном регионе (Пухова, Дорошина, Ходжаева, 2013). По результатам исследования выяснилось, что только половина мигрантов взаимодействуют с представителями своей этнической диаспоры в России (46,6%). Большая часть из них ответили, что общаются с земляками, диаспорой несколько раз в день (52,4%) или каждый день (25,7%). Результаты исследования также подтверждают значимость и роль этнической диаспоры в адаптации и интеграции мигрантов. Мигранты ответили, что используют связи с этнической диаспорой для помощи в адаптации к местной культуре и условиям.

Большинство возвратных, транзитных и повторных мигрантов ответили, что не взаимодействуют с представителями своей этнической диаспоры. В результате анализа семейного положения мы выяснили, что те, кто разведены и не состоят в браке, чаще всего не взаимодействуют с представителями своей этнической диаспоры. Большинство мигрантов, которые имеют собственное жилье и снимают в аренду одни или со своими земляками, друзьями, также ответили, что не взаимодействуют с диаспорой.

Важным показателем интеграции мигрантов является знание исторических, культурных основ принимающего общества (Константинов, 2018). Так, большинство мигрантов ответили, что знают некоторые исторические и культурные аспекты российского общества.

Анализ уровня знаний мигрантами некоторых аспектов российской культуры в зависимости от целей миграции показал, что те, кто приехали в Россию сопровождать своих родственников и для торговли, плохо знают российскую культуру, историю России и известных российских личностей. И среди возвратных и транзитных мигрантов наблюдается низкий уровень знания элементов российской культуры. Среди безвозвратных мигрантов также наблюдается низкий уровень знания российской культуры, что свидетельствует о необходимости развития мер, направленных на поддержку и помощь иностранным мигрантам в их адаптации и интеграции в российском обществе.

Адаптивные стратегии мигрантов

На основе полученных результатов о состоянии социальной адаптации и интеграции мигрантов и специфике их миграционной активности мы выявили пять типов адаптивных стратегий иностранных мигрантов, пребывающих в приграничном регионе России.

1. Первая адаптивная стратегия — это стратегия «полная интеграция», заключается в высоком знании истории, культуры России, принятии социальных норм и ценностей российского общества, а также сохранении и поддержании собственной культуры и активном взаимодействии с представителями этнической диаспоры независимо от целей и дальнейших миграционных намерений. Как показал ранее проведенный анализ социальной адаптации и интеграции, большинство иностранных мигрантов в регионах России придерживаются данной стратегии.

2. Стратегия «интеграция — намерение» характерна для безвозвратных и возвратных мигрантов, которые хотят, чтобы они и другие члены их национальности как поддерживали российские нормы поведения, культурные традиции, так и сохранили собственные культурные традиции, но плохо владеют знаниями о России, ее культуре и истории.

В эту группу попали безвозвратные мигранты без опыта и с опытом внутренней миграции, которые приехали в Россию на длительный срок или на постоянное место жительства, и возвратные мигранты без опыта миграции, впервые приехавшие в Россию на короткий срок. Выяснилось, что опыт внутренней миграции по России положительно влияет на уровень знаний мигрантами рос-

сийской культуры. Безвозвратные и возвратные мигранты без опыта миграции оказались менее осведомлены об истории, культуре и известных российских личностях, чем безвозвратные мигранты с опытом внутренней миграции.

Несмотря на плохое знание российской культуры, безвозвратные мигранты намерены интегрироваться в новой среде и считают, что и другие представители их национальности так же должны интегрироваться в российском обществе.

3. Стратегия «транзитная интеграция» характерна для возвратных и транзитных мигрантов, по истечении определенного времени намеренных вернуться на родину или уехать в другую страну, но, несмотря на короткий срок пребывания, интегрировавшихся в российском обществе.

В эту группу попали возвратные мигранты с опытом транзитной миграции, возвратные мигранты с опытом безвозвратной миграции, транзитные мигранты без опыта и повторные мигранты, которые характеризуются высоким уровнем интегрированности, знания российской истории и культуры. Чаще всего взаимодействуют с представителями своей диаспоры в России возвратные мигранты с опытом транзитной миграции.

4. Стратегия «сепарация — угроза» свойственна безвозвратным мигрантам, приехавшим в Россию на длительный срок, хорошо знающим российскую культуру и поддерживающим связи с этнической диаспорой в регионах, но отрицающим необходимость принятия культуры России и поддерживающим отношения только со своими земляками.

Такая стратегия мигрантов при их намерении остаться в России представляет угрозу, поскольку приводит к появлению разрозненных и обособленных мигрантских сообществ и возникновению конфликтов с местным населением.

В данную группу вошли безвозвратные мигранты с опытом безвозвратной миграции (ранее изменившие свое гражданство), которые приехали сопровождать родственников и намерены остаться в России, но считают, что они и представители их национальности должны сохранять только свои культурные традиции и проводить свободное время только со своими земляками.

5. С точки зрения целей миграции нами была выделена стратегия «Ассимиляция — выгода», которая свойственна возвратным мигрантам, которые приехали в Россию ради торговли и приобретения товаров. Они плохо знают историю России, ее культуру, нормы и правила поведения, но хотят узнать местную культуру и предпочитают поддерживать российские традиции и не поддерживать собственные (66,7%), проводить свободное время только с местным населением (66,7%) и заводить друзей только среди местных (66,7%).

Обсуждение

Вопросы адаптации и интеграции мигрантов занимают центральную позицию не только в государственной политике, но и в науке. Актуальность данных вопросов связана прежде всего с их значимостью и ролью в общественной жизни. Благополучие процессов адаптации и интеграции одинаково важно для самих мигрирующих и принимающего общества. Они приносят изменения в страну

отъезда и страну приезда мигрантов (Konstantinov, 2017). И чтобы минимизировать негативные следы от миграции, в том числе межнациональные конфликты, необходимо постоянно регулировать и совершенствовать меры для успешной адаптации и интеграции мигрантов.

Полученные нами адаптивные стратегии мигрантов показывают, что подавляющее большинство иностранных мигрантов, пребывающих в приграничных регионах России, придерживаются стратегии «полная интеграция». Примечательно, что для мигрантов важен культурный взаимообмен и развитие конструктивных взаимоотношений с местными жителями.

Заключение

На основе результатов социологических исследований, проведенных в шести приграничных регионах России, были выявлены особенности адаптивных стратегий иностранных мигрантов. Миграция в приграничных регионах России, главным образом, носит возвратный характер. Большинство пребывающих мигрантов возвращаются на родину по истечении определенного времени. Процессы аккультурации мигрантов в приграничных регионах России развиваются по пути интеграции.

На основе полученных данных было выделено пять типов адаптивных стратегий, характерных для мигрантов: «полная интеграция», «интеграция — намерение», «транзитная интеграция», «сепарация — угроза», «ассимиляция — выгода». Несмотря на преобладание у мигрантов стратегии «полной интеграции», наблюдаются практики ассимиляции и сепарации, предполагающие одностороннюю аккультурацию мигрантов, что подчеркивает необходимость усиления как государственных мер, так и научных исследований в данной области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абылкаликов С. И., Винник М. В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. 2012. № 12. С. 1–19.

Василенко П. В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский региональный журнал. 2013. № 16. С. 36–42.

Горина Е. В. Социальная интеграция мигрантов как способ сохранения гомеостаза системы-реципиента: социально-синергетический подход // ОНВ. 2010. № 3 (88). С. 117–120.

Калачикова О. Н., Будилов А. П. К вопросу об измерении миграционных процессов // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 7–17.

Константинов В. В. Стратегии социально-психологической адаптации мигрантов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 2 (46). С. 294–304.

Кулешов Д. Н. Теоретико-методологические аспекты изучения миграции населения // Вестник ВЭГУ. 2007. № 31–32. С. 196–205.

Лифшиц М. Л. Миграционный прирост населения в России: факторы, перспекти-

вы, выводы для миграционной политики // Прикладная эконометрика. 2010. № 2 (18). С. 32–52.

Пухова М. М., Дорошина И. П., Ходжаева И. Г. Теоретические основы миграции // ТДР. 2013. № 6–2. С. 13–16.

Сарыглар С. А., Максимова С. Г. Миграционное поведение: стратегии и практики социальной интеграции, специфика адаптивного поведения мигрантов в азиатском приграничье России // Society and Security Insights. 2020. № 3 (1). С. 37–48.

Сарыглар С. А., Максимова С. Г., Молодикова И. Н. Экологическая безопасность и миграционные вызовы: социологический анализ ситуации в российских регионах // Society and Security Insights. 2018. № 4 (1). С. 81–92.

Слободчикова Д. В., Строева Г. Н. Миграция населения: теоретические аспекты // Ученые заметки ТОГУ. 2016. № 4 (7). С. 900–907.

Accordini M., Giuliani C., Gennari M. Migration as a Challenge to Couple Relationships: The Point of View of Muslim Women // SOCIETIES. 2018. № 8 (4). doi: 10.3390/soc8040120.

Jiménez T. R. Immigrants in the United States: How Well Are They Integrating into Society? // Wilson Center. 2011. URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/event/integration-jimenez.pdf>.

Konstantinov V. The Role of the Host Local Population in the Process of Migrants' Adaptation // Social Sciences, MDPI, Open Access Journal. 2017. № 6 (3). P. 1–9.

Mai Le Thi. Social Capital, Migration, and Social Integration // GATR Journals by The International Institute of Knowledge Management. 2017. № 3. pp. 353–363. doi:10.17501/icedu.2017.3135.

Maximova S. G., Noyanzina O. E., Omelchenko D. A., Molodikova I. N. The Russian diaspora: A result of transit migrations or part of Russia // Opcion. 2018. № 34. P. 1016–1044.

Oltmer J., Ingalls J. The Future of Migration // TRANSIT. 2013. URL: <https://escholarship.org/uc/item/5580q15s>.

Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society. 1885. № 46. P. 167–235.

Ravenstein E. The Laws of Migration: Second Paper // Journal of the Royal Statistical Society. 1889. № 52. P. 241–305.

United Nations Economic Commission for Europe (UNECE) // International Migration Bulletin. Geneva, 1993. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/pau/_docs/pau/PAU_1993_Publ_IntMigrBull3.pdf.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I., Vinnik, M. V. (2012). Economic theories of migration: labour force and labour market. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*, 12, 1–19. (In Russ.).

Vasilenko, P. V. (2013). Foreign theories of migration. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, 16, 36–42. (In Russ.).

- Gorinova, E. V. (2010). Social integration of migrants as a way to preserve the homeostasis of the recipient system: a social-synergetic approach. *ONV*, 3(88), 117–120. (In Russ.).
- Kalachikova, O. N., Budilov, A. P. (2018). On the measurement of migration. *Problemy razvitiya territorii*, 4(96), 7–17. (In Russ.)
- Konstantinov, V. V. (2018). Migrants' strategies of socio-psychological adaptation. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(46), 294–304. (In Russ.).
- Kuleshov, D. N. (2007). Theoretical and methodological aspects of the study of migration. *Vestnik VEGU*, 31–32, 196–205. (In Russ.).
- Lifshic, M. L. (2010). Migration growth in Russia: Factors, perspectives, conclusions for migration policy. *Prikladnaya ekonometrika*, 2(18), 32–52. (In Russ.)
- Puhova, M. M., Doroshina, I. P., Hodzhaeva, I. G. (2013). Theoretical foundations of migration. *TDR*, 6–2, 13–16. (In Russ.).
- Saryglar, S. A., Maksimova, S. G. (2020). Migration behaviour: Strategies and practices of social integration, specificity of migrants' adaptive behaviour in the Asian part of Russia. *Society and Security Insights*, 3(1), 37–48. (In Russ.).
- Saryglar, S. A., Maksimova, S. G., Molodikova, I. N. (2018). Environmental security and migration challenges: a sociological analysis of the situation in Russian regions. *Society and Security Insights*, 4(1), 81–92. (In Russ.).
- Slobodchikova, D. V., Stroeva, G. N. (2016). Population migration: theoretical aspects. *Uchenye zametki TOGU*, 4(7), 900–907. (In Russ.).
- Accordini, M., Giuliani, C., Gennari, M. (2018). Migration as a Challenge to Couple Relationships: The Point of View of Muslim Women. *Societies*, 8(4). doi: 10.3390/soc8040120.
- Jiménez, T. R. (2011). Immigrants in the United States: How Well Are They Integrating into Society? *Wilson Center*. <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/event/integration-Jimenez.pdf>.
- Konstantinov, V. (2017). The Role of the Host Local Population in the Process of Migrants' Adaptation. *Social Sciences, MDPI, Open Access Journal*, 6(3), 1–9.
- Mai Le Thi (2017). Social Capital, Migration, and Social Integration. *GATR Journals by The International Institute of Knowledge Management*, 3, 353–363. doi:10.17501/icedu.2017.3135.
- Maximova, S. G., Noyanzina, O. E., Omelchenko, D. A., Molodikova, I. N. (2018). The Russian diaspora: A result of transit migrations or part of Russia. *Opcion*, 34, 1016–1044.
- Oltmer, J., Ingalls, J. (2013). The Future of Migration. *TRANSIT*. <https://scholarship.org/uc/item/5580q15s>.
- Ravenstein, E. (1885). The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society*, 46, 167–235.
- Ravenstein, E. (1889). The Laws of Migration: Second Paper. *Journal of the Royal Statistical Society*, 52, 241–305.
- United Nations Economic Commission for Europe (UNECE). (1993). *International Migration Bulletin*. Geneva, https://unece.org/fileadmin/DAM/pau/_docs/pau/PAU_1993_Publ_IntMigrBull3.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сылдысмаа Артуровна Сарыглар — младший научный сотрудник отдела сопровождения научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, старший преподаватель кафедры социальной и молодежной политики Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Syldysmaa A. Saryglar — junior researcher of the Department of Support of Research and Development works, senior lecturer of the Department of Social and Youth Policy of the Institute of Humanities of the Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.04.2022;
одобрена после рецензирования 24.04.2022;
принята к публикации 26.04.2022.

The article was submitted 05.04.2022;
approved after reviewing 24.04.2022;
accepted for publication 26.04.2022.

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

Научная статья / Research Article

УДК 316.4 : 343.976

DOI: 10.14258/SSI(2022)2-05

Социологическое изучение наркоситуации и ее влияния на состояние социальной безопасности региона на примере Красноярского края в контексте ежегодного мониторинга

Владимир Ефимович Шинкевич

Сибирский юридический институт МВД России,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия,
vlashink@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9175-7492>

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена важностью темы для принятия управленческих решений по противодействию распространению употребления наркотических средств и психотропных веществ населением или отдельными его группами не в медицинских целях. В данном ключе в статье реализуется цель оценки состояния наркоситуации в Красноярском крае как одной из важнейших составляющих социальной безопасности региона в контексте анализа результатов социологического исследования, проведенного в ходе ежегодного мониторинга данной ситуации в 2021 г. по единой общепринятой методике. Для оценки динамики и направленности наркоситуации в регионе использовались также отдельные результаты исследований прошлых лет, начиная с 2017 г. Автор отмечает

относительную стабильность наркоситуации и уровня наркотизма в Красноярском крае на протяжении последних лет. Для региона остается актуальным повышение уровня антинаркотической культуры, активизация и совершенствование деятельности различных субъектов антинаркотической профилактики по противодействию распространению наркомании, включая поиск эффективных форм и методов пресечения использования наркораспространителями и потребителями сети Интернет на рынке наркотиков. Результаты исследований представляют интерес для субъектов антинаркотической политики региона, для выработки управленческих решений по обеспечению наркобезопасности региона.

Ключевые слова: мониторинг, наркоситуация, наркотизм, наркомания, наркобезопасность, антинаркотическая культура

Для цитирования: Шинкевич В.Е. Социологическое изучение наркоситуации и ее влияния на состояние социальной безопасности региона на примере Красноярского края в контексте ежегодного мониторинга // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 2. С. 77–89. doi: 10.14258/ssi(2022)2-05.

Sociological Study of the Drug Situation and its Impact on the State of Social Security of the Region on the Example of the Krasnoyarsk Krai in the Context of Annual Monitoring

Vladimir E. Shinkevich

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
vlashink@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9175-7492>

Abstract. The relevance of the article is due to the importance for making managerial decisions to counteract the spread of the use of narcotic drugs and psychotropic substances by the population or its individual groups not for medical purposes. In this vein, the article implements the goal of assessing the state of the drug situation in the Krasnoyarsk Territory as one of the most important components of the social security of the region in the context of analyzing the results of a sociological study conducted during the annual monitoring of this situation in 2021, according to a single generally accepted methodology. The article also used separate research results from previous years, starting from 2017, to assess the dynamics and direction of the drug situation in the region. The author notes the relative stability of the drug situation and the level of drug addiction in the Krasnoyarsk Territory over the past years. It remains relevant for the region to increase the level of anti-drug culture, to activate and improve the activities of various subjects of anti-narcotic prevention to counteract the spread of drug addiction, including the search for effective forms and methods of suppressing the use of drug distributors, etc.

Keywords: monitoring, drug situation, drug addiction, drug safety, anti-drug culture

For citation: Shinkevich, V. E. (2022). Sociological Study of the Drug Situation and its Impact on the State of Social Security of the Region on the Example of the KRASNOYARSK krai in the Context of Annual Monitoring. *Society and Security Insights*, 5(2), 77–89. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-05.

Введение

Мониторинговые исследования, иные систематические и периодические наблюдения охватывают практически все сферы человеческой жизнедеятельности, проявлений и последствий естественных природных явлений, движений и процессов. Более того, эти объекты общественного, научного внимания нуждаются в мониторинговых исследованиях и наблюдениях, которые позволяют предотвратить возможные негативные последствия, как результат недобросовестной, ошибочной, спорной, проблематичной, незаконной деятельности или последствий социальной деградации, варварского использования восполняемых и невосполняемых социальных и природных ресурсов. Равно мониторинговые исследования могут определять и подтверждать позитивные состояния изучаемых явлений и процессов. Основная эмпирическая информация получена с использованием проведенного опроса населения по выборке респондентов, учитывающей половозрастную, территориальную составляющие, и в соответствии с методическими рекомендациями Государственного антинаркотического комитета (Методика и порядок..., 2021).

Методы исследования

В ходе исследования применялись методы анализа, абстрагирования, синтеза и обработки эмпирического материала с использованием возможности комплекса методов математической статистики. Целью исследования является оценка на основе результатов ежегодного мониторинга наркоситуации ее состояния и динамики на территории Красноярского края как одной из важнейших составляющих социальной безопасности региона. Предметом исследования в рамках нашей статьи являются отношение населения Красноярского края к проблемам наркотизации общества и уровень наркотизма региона. В качестве гипотезы было выдвинуто суждение о том, что, несмотря на принимаемые меры по профилактике наркомании, по противодействию спросу и предложению наркотических средств и психотропных веществ, существенных качественных изменений наблюдаемого социального явления не отмечается. Учитывая купирование больших потенциальных возможностей распространения данного социального явления, которые могут актуализироваться в условиях отсутствия к нему внимания со стороны общества, можно говорить о фактической стабилизации наркоситуации как результате деятельности различных субъектов антинаркотической политики.

Мониторинг наркоситуации на том или ином историческом отрезке существования социума, его региональной составляющей позволяет осознать наркопроблему как на уровне отдельного региона, так и на уровне обществ, государств

и их союзов и обеспечить должный уровень профилактики наркотизма как негативного социального явления, представляющего собой совокупность антиобщественных деяний, обусловленных болезненной зависимостью человеческого организма от постоянного приема наркотических средств и затрагивающих широкий спектр социальных проблем — от отклоняющегося социального поведения до вопросов национальной безопасности государства (Гущина, Чепнецова, 2016: 4). Существенное значение для оценки наркоситуации и уровня наркотизма имеют социологические исследования, проводимые в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации. Порядок, сроки, инструментарий определены соответствующими нормативными (Положение о государственной..., 2011) и методическими документами (Методика и порядок..., 2021).

Результаты исследования

В 2021 г. опрошены 2353 респондентов, жителей Красноярского края от 14 до 60 лет, что составляет около 0,1% жителей края. Выборочная совокупность охватывала наиболее социализированные группы населения, а использованная выборка соответствует в целом научно обоснованным подходам к определению количества и качества выборочной совокупности. Среди опрошенных были мужчины и женщины, жители края разного возраста и материального достатка, отрицательно относящиеся к наркотикам, наркопотреблению, и те, кто имел опыт употребления наркотических веществ и наркотических средств не в медицинских целях. В целом, как и в предыдущие годы, население края на фоне существующих проблем в регионе не выделяет наркоситуацию как одну из тревожных, первоочередных, подрывающих социальную безопасность проблем, требующую решения в первую очередь (табл. 1).

Людей более беспокоят проблемы, отражающие уровень социальной комфортности: качество дорог, качество медицинского обслуживания, состояние жилищно-коммунальной сферы. В условиях сегодняшнего времени, когда проводится специальная военная операция на Украине, данная проблема, по оценкам респондентов, скорее всего, заняла бы также первые рейтинговые места, если бы такой индикатор был предусмотрен инструментарием проведения социологических опросов. Внутреннее осознание беспокойства относительно проявления наркомании в регионе находится внизу рейтинговой таблицы. Это позволяет говорить о том, что наркомания как болезнь, зависимость, пристрастие, как негативное социальное явление лично касается относительно небольшого количества населения, которое чаще всего не склонно до определенного уровня афишировать наличие данной проблемы у себя или у своих ближайших родственников. Однако можно не без основания говорить и об эффективности проведения антинаркотической политики и тех мероприятий, которые она продуцирует.

Вместе с тем ежегодно на вопрос «Как Вы считаете, насколько проблема наркомании распространена в Вашем населенном пункте (крае, области и т.д.)?» более 50% респондентов в ходе опроса выбирают индикаторы «Очень распространена», «Распространена, но не больше, чем везде», что отражено в таблице 2.

Таблица 1.

Проблемы, по мнению респондентов, требующие решения в первую очередь

Table 1.

Problems, according to respondents, requiring solutions in the first place

Укажите, пожалуйста, ПЯТЬ наиболее острых проблем, требующих решения в первую очередь, в Вашем населенном пункте	Относительные значения, процент и рейтинговая расстановка						
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Динамика к 2019 г.	Динамика к 2020 г.	Рейтинг 2020 г.	Рейтинг 2021 г.
Нехватка жилья	10,6	10,3	10,3	-03	0	6	6
Качество дорог	15,6	17,5	18,3	+1,9	+0,8	2	1
Алкоголизм	13,0	11,7	12,8	-1,3	+1,13	5	5
Безработица	18,1	15,1	16,0	-3	+0,9	4	3
Состояние жилищно-коммунальной сферы	13,0	16,6	13,6	+3,7	-3,3	3	4
Наркомания	7,0	5,7	6,9	-1,3	+1,2	7	7
Качество медицинского обслуживания	16,5	18,2	16,2	+1,7	-2,0	1	2
Преступность	4,9	3,8	5,2	-1,1	+1,4	8	8
Другое	1,3	1	0,7	-0,3	+0,4	9	9
Итого:	100	100	100				

Таблица 2.

Распространенность наркомании в регионе

Table 2.

Prevalence of drug addiction in the region

Как Вы считаете, насколько проблема наркомании распространена в Вашем населенном пункте (крае, области и т.д.)?	Относительные показатели, %				
	2017	2018	2019	2020	2021
Очень распространена	14,8	17,2	13,6	12,9	16,5
Распространена, но не больше, чем везде	46,5	51,1	52,0	47,3	41,5
Совсем не распространена	7,6	6,9	7,3	6,3	11,6
Затрудняюсь ответить	31,1	24,8	27,2	33,6	30,4
Итого:	100	100	100	100	100

Для социологического мониторинга состояния наркотизма как показателя вовлеченности населения в наркопотребление выделим из общей массы респондентов тех, кто имеет опыт наркопотребления, тех, кто непосредственно и определяет уровень и остроту наркотизма в регионе. Поэтому оставим за пределами наших рассуждений в данной статье комплексную оценку наркоситуации, кото-

рую мы не раз рассматривали в прошлые годы (Шинкевич и др., 2019, 2021), отражим только тот аспект социологических исследований, который позволяет прямо или косвенно определить конкретные показатели наркотизма, характерного для Красноярского края. При этом должны признать, что в совокупной массе респондентов тех, кто имеет хотя бы однократный опыт употребления наркотиков, относительно немного, что говорит более об уровне наркоситуации в регионе, чем об уровне наркотизма. Однако с учетом соотношения генеральной и выборочной совокупности можно утверждать, что количество лиц, потребляющих наркотические средства и психотропные вещества, и лиц, входящих в группу риска, может насчитываться не одна тысяча человек.

Уровень наркотизма тесно связан с наличием спроса и предложения наркотиков на наркорынке, доступностью их приобретения и приобретения их наркозависимыми. По мнению 2,0% респондентов, наркотики в регионе «очень трудно достать»; 3,7% считают, что наркотики достать «трудно». Объединив суммарно полученные результаты по этим двум индикаторам, можно сказать, что только 5,7% респондентов гипотетически могут испытывать трудности по приобретению наркотических средств и психотропных веществ. В то же время 39,8% респондентов отметили, что наркотики достать «легко» и «сравнительно легко», и данный показатель по сравнению с предыдущим годом имеет положительную динамику. Антирейтинг данных индикаторов, пусть и незначительно, растет (табл. 3).

Таблица 3.

Доступность наркотиков в регионе

Table 3.

Availability of drugs in the region

Как Вы думаете, трудно ли достать сегодня наркотики?	Абсолютное количество ответов	Относительные показатели, %	
		2021	Динамика
Очень трудно	47	2,0	+0,3
Трудно	87	3,7	-0,4
Сравнительно легко	649	27,7	+0,9
Очень легко	284	12,1	+0,8
Не знаю	1275	54,4	-1,7
Итого:	2342	100	

Данные оценки доступности наркотиков необходимо рассматривать как наличие на наркорынке предложения наркотиков и позволяют косвенно говорить о наличии на рынке дешевых наркотиков, возможно, синтетики, о хорошо отработанной системе распространения наркотиков, в том числе бесконтактным способом. Позволяют говорить о существующей доступности компонентов для собственного производства наркотических средств и психотропных веществ, а также о наличии соответствующей базы для получения наркотиков раститель-

ного происхождения как на культивируемых площадях, так и за счет дикоросов.

Наркомания — социальное явление, в основе которого лежит взаимодействие людей, осуществляемое в социальном пространстве. В 2021 г. 84,6% респондентов указали на то, что они не общаются с людьми, употребляющими наркотики; 11,4% респондентов выбрали индикатор «Да, в кругу моих друзей, знакомых такие люди есть»; 3,5% — «Да, я знаю много таких людей»; 0,5% — «Да, все мои знакомые так или иначе употребляют наркотики». Как видим, более 15% респондентов так или иначе в своем ближайшем социальном окружении имеют возможность контактировать с наркопотребителями, следовательно, и с наркораспространителями, что повышает риски потенциального обострения наркоситуации.

Продолжает иметь место положительная динамика использования сети Интернет для получения информации о наркотиках. В большей или меньшей степени прибегали к информационным услугам по удовлетворению интереса в получении различной информации о наркотиках в сети Интернет 6,0% респондентов.

Практически, как и в прошлые годы, остается потенциальная опасность и возможность кооптации наркораспространителями новых наркопотребителей. Данный факт может оказывать существенное влияние на ухудшение наркобезопасности Красноярского края, а далее, с учетом логистических схем и особенностей географического расположения региона, отразиться и на соседних областях, республиках и краях. Более пятой части респондентов (20,3%) сталкивались с фактами предложений попробовать наркотики в местах проживания, досуга, обучения и работы. Настораживает то, что некоторые респонденты показали практическую готовность согласиться попробовать наркотики, если они им будут предложены. По результатам опроса это 4,7% респондентов. Возможно, число наркопотребителей может быть пополнено за счет сомневающихся в себе, а это еще 3,1% респондентов.

При оценке результатов ответов респондентов непосредственно на вопрос «Пробовали ли Вы наркотические вещества?» положительно ответили 2,3% респондентов. Среди наркопотребителей преобладают мужчины. По возрасту чаще других выбирали индикатор «Да» респонденты возрастной группы 18–20 лет, по материальному достатку — респонденты, испытывающие трудности в обеспеченности самым необходимым: «Денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится занимать в долг».

Среди тех, кто имеет опыт наркопотребления, большинство — это те, кто ранее пробовали наркотики, но перестали употреблять (более 65,7% респондентов), 22,9% опрошенных респондентов употребляют наркотики от случая к случаю, около 11,5% — регулярно, постоянно, ежедневно.

Однако небольшое числовое значение выявленных в ходе социологического опроса респондентов, имеющих опыт употребления наркотических средств, не позволяет с высокой степенью вероятности относиться к количественным результатам опроса. Вместе с тем они позволяют определить наиболее проблемный возраст, когда респонденты получили первый опыт употребления наркотиков; более того, это распространяется с высокой степенью вероятности и на генеральную сово-

купность в целом, каковой является население края от 14 до 60 лет. Это дает возможность адекватно организовывать и проводить антинаркотическую политику по противодействию спросу и предложению наркотических средств и психотропных веществ на уровне региона, взаимодействовать в этой работе с соответствующими антинаркотическими органами соседних субъектов Федерации.

Существенное значение для профилактики, недопущения получения как первого опыта наркопотребления в немедицинских целях, так и проявления в дальнейшем психической и физической зависимости от психоактивных веществ имеет выявление причин, толкающих человека к употреблению наркотиков, оценка факторов наркотизма. Знание состояния проблемы позволяет своевременно принимать решения по противодействию наркотизму, формировать антинаркотическую культуру у населения и культуру здорового образа жизни.

Среди причин, которые чаще всего приводят к употреблению наркотиков, респонденты-наркопотребители отметили следующие: «По глупости» (22,4%); «Связь с плохой компанией (20,4%); «Просто так, от нечего делать, раз попробовать не страшно» (18,4%); «Для снятия напряжения» (12,2%). Надо полагать, что респонденты, которые отдали предпочтение выбору «По глупости», осознают пагубность употребления наркотиков в немедицинских целях, нуждаются в помощи специальных антинаркотических акторов (врачей, психологов) для полного и осознанного отказа от дальнейшего употребления наркотиков с последующей реабилитацией и ресоциализацией. Фактор «Связь с плохой компанией», имеющий второе по весу значение, подчеркивает значимость для человека социального окружения как опасной социальной среды для возможного втягивания его в наркопотребление, неготовности части населения сказать «Нет наркотикам!» или просто «Нет!». Имеют существенное значение и так называемые депрессивные факторы, такие как: «Отсутствие смысла жизни, четких целей», «Отсутствие силы воли», «Семейные неурядицы», «Отсутствие работы по специальности», «Одиночество», «Депрессия, пессимизм». Таковых в сумме 20,4% респондентов, большинство из которых — это молодежь. По мнению исследователей, «...молодежь в массе своей не готова на активные созидательные действия, она не образует пассионарную группу, обладающую необходимыми представлениями о перспективах развития страны» (Иванов, Попков, 2021). Как видим, глупость и пессимизм — основные негативные мотивы потребления наркотиков большинства современных наркопотребителей. Можно с уверенностью констатировать, что даже в больших городах и населенных пунктах ряд людей страдают от одиночества, которое при негативном стечении обстоятельств и условий становится мотивом решения первой пробы наркотиков. Как не вспомнить сатирическую репризу Аркадия Райкина, в которой он говорит о проблеме многоэтажек: «Народу много, а поговорить не с кем».

Среди наиболее востребованных и доступных наркотиков респонденты наркопотребителей отмечают, как и в прошлые годы, такие психоактивные вещества, как марихуана, амфетамины, курительные смеси, «соль», спайс. Среди ответов были и такие, как «Не знаю». Наиболее доступные и распространенные способы приема наркотических средств и психотропных веществ: курение, вдыхание.

Для анализа распространения наркомании особое значение имеют результаты ответов на вопрос о причинах востребованности и употребления респондентами конкретных наркотиков. Среди факторов употребления конкретных наркотиков чаще всего респонденты отмечали: «Менее вредны для организма» (по 21,2%) и «За компанию» (18,2%), далее такие причины, как «Легче достать» (12,1%), «Уже привык к нему» и «Легче изготовить», — по 6,1% каждый вариант ответа. В 2021 г. увеличилось количество ответов по таким факторам, как «Дешевле» (+4,9%); «Легче изготовить» (+4,0%); «Легче достать» (+1,7%).

Существенное значение для всестороннего анализа наркоситуации, профилактики употребления наркотических средств и психотропных веществ в медицинских целях имеет выявление того, в какой ситуации происходит первая проба наркотиков, наркопотребление, где удается достать наркотические средства. Наиболее часто первое употребление наркотических веществ происходит в местах, где низка вероятность контроля за поведением человека со стороны окружающих, а также в местах, наиболее к тому располагающих и принижающих внутренний контроль: «На улице, во дворе, в подъезде» (31,0%), «В гостях у друзей, знакомых» (24,1%). Наиболее привлекательными местами первой пробы и у мужчин, и у женщин остаются улица, двор, подъезд. По возрасту это молодежь 18–25 лет. Старшие возрастные группы к наиболее благоприятным местам первого знакомства с наркотиками относят «В гостях у друзей, знакомых».

Влияния нездоровой социальной среды имеет существенное значение для кооптации новых наркопотребителей. Анализ ответов респондентов на вопрос «Кто впервые предложил Вам попробовать наркотик?» показывает следующее: «Кто-то из знакомых» (38,7%), «Друзья, с которыми я встречаюсь после учебы, работы» (32,3%), «Коллеги по учебе» (12,9%), «Сам решил попробовать» (6,5%), «Кто-то из членов семьи» (3,2%).

Субъекты активности предложения первой пробы в основном остаются стабильными. Это знакомые, случайные «интересные» попутчики, контактеры свободного времени. Так же как и в прошлые годы, респонденты-наркопотребители редко указывают на членов семьи как на тех, кто впервые предложил попробовать наркотики. Данные единичные факты отмечали только респонденты-мужчины. Женщины-респонденты практически в три раза чаще, чем мужчины, указывают на коллег по учебе, работе. По возрастному признаку впервые попробовали наркотики по предложению социального окружения свободного времени молодые люди 14–20 лет, при этом несовершеннолетние часто отмечали, что приняли решение самостоятельно. Скорее всего, это лишь видимость самостоятельного решения, оно также принято под влиянием тех, с кем общается молодежь, стремление доказать самому себе, что стал уж взрослым.

В рамках определения уровня распространенности наркотических средств и психотропных веществ в Красноярском крае представляет интерес выявление наиболее распространенных способов и каналов их получения (приобретения) наркопотребителями. По результатам ответов респондентов на вопрос «Каким способом Вы обычно получаете наркотики?» приобретают наркотики через дру-

зей, знакомых 43,2% опрошенных. По-прежнему имеет место распространение наркотиков в клубах, на дискотеках, совершенствуются и формы распространения: бесконтактная через закладки, посредством мессенджеров (6,9%), в сети Интернет (6,9%). Отмечаются также факты доступности приобретения наркотиков или отдельных их составляющих через аптечную сеть, на что указали 8,1% наркопотребителей.

Выводы

Проанализировав результаты социологических исследований как одного из основных элементов ежегодного мониторинга наркоситуации, можем сформулировать следующие выводы:

- 1) несколько повысилось, хотя и в пределах допустимой статистической погрешности, осознание населением проблемы наркомании в крае. Особенно остро наличие данной проблемы отмечают несовершеннолетние и молодежь старшей возрастной группы;
- 2) у населения края ограничены возможности интересно проводить досуг. При осознании данной проблемы всеми категориями опрошенных наибольшие сложности с организацией досуга отмечают молодежь 26–30 лет и старшая возрастная группа 51–60 лет. Респонденты, как и в 2020 г., отмечают нехватку новых парков, зеленых территорий; новых спортивных клубов, открытых спортивных площадок; торгово-развлекательных комплексов. Данная ситуация с рейтингом проблем остается неизменной уже продолжительное время;
- 3) по мнению респондентов, в 2021 г. в регионе несколько обострилась проблема наркомании. Данную тенденцию практически одинаково отмечают мужчины и женщины, по возрастным группам — молодежь 18–20 лет;
- 4) респонденты более остро осознают опасность наркомании для России в целом и относительно спокойно относятся к ситуации в регионе;
- 5) среди основных факторов, отрицательно влияющих на состояние наркоситуации, большинство респондентов отмечают такие, как «Моральная деградация общества, вседозволенность», «Безработица, экономические проблемы», «Влияние наркобизнеса, доступность наркотиков». Несовершеннолетние чаще всего отмечают «Неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие»;
- 6) респонденты обращают внимание на необходимость расширения антинаркотической работы, прежде всего среди молодежи, шире привлекать для этой работы специалистов-наркологов, проводить профилактическую работу не только с молодыми людьми, но и с их родителями. «Ужесточение мер наказания за наркопреступления», «Принудительное лечение наркоманов» считаются приоритетными у старшего поколения респондентов;
- 7) многие респонденты отметили, что в регионе наркотики достать легко и сравнительно легко, что косвенно говорит о наличии на рынке дешевых наркотиков, возможно, синтетики. Сравнение показателей динамики доступности приобретения наркотиков 2017 и 2021 гг. позволяет говорить о том, что устойчивого роста или падения показателей различных индикаторов не наблюдается.

- ся, в различные годы они могут относительно предыдущего возрастать, в другие — снижаться;
- 8) наличие наркопотребителей в ближайшем окружении чаще всего отмечают молодые люди 26–30 лет, которые испытывают серьезные материальные проблемы: «Денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится брать в долг»;
 - 9) продолжает иметь место использование сети Интернет для получения информации о наркотических средствах и психотропных веществах. Услугами интернета пользуется как вполне успешное в материальном плане население, так и те, кто испытывает серьезные материальные проблемы;
 - 10) основными сдерживающими факторами, по мнению респондентов, являются «Осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков», а также практически все факторы, которые предполагают определенный уровень фобий, иррационального страха относительно последствий от употребления наркотиков;
 - 11) основной массе респондентов известна хорошо или, по крайней мере, в общих чертах законодательная ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов;
 - 12) часть населения, прежде всего молодежь 21–25 лет, не готова однозначно сказать нет наркотикам, что является существенным фактором наркотизации данной части населения края. Анализ показателей динамики позволяет говорить о том, что количество тех, кто отказался бы от первой пробы, хотя и незначительно, но все-таки уменьшается. Количество колеблющихся, кто исходил бы из ситуации, в различные годы то возрастает, то уменьшается по сравнению с предыдущими годами. Особенно существенно повысилось значение данного показателя в 2021 г.;
 - 13) наиболее часто первое употребление наркотических веществ происходит в местах, где низка вероятность контроля за поведением молодежи со стороны окружающих, кому действия потенциальных наркопотребителей не безразличны, вдали от родителей, педагогов и прочих субъектов социального контроля, а также в местах проведения неорганизованного стихийного досуга, наиболее к тому располагающих: «На улице, во дворе, в подъезде», «В гостях у друзей, знакомых». Проанализировав результаты исследований, отмечаем, что привлекательность первой пробы «На природе, за городом, дома» ежегодно падает, направленность востребованности мест первой пробы «В гостях у друзей», «На улице в подъезде» по своему вектору не стабильна, место «На работе» имеет тенденцию роста. Наиболее привлекательным местом ежегодно по рейтингу остается «На улице, во дворе, в подъезде», хотя и не имеет четко обозначенного направления роста;
 - 14) в наблюдаемый период 2017–2021 гг. большинство наркопотребителей получают наркотики через «друзей», знакомых, имеются факты приобретения наркотических средств и психотропных веществ бесконтактным способом, через закладки.

Проведенный анализ результатов социологических исследований наркоситуации в формате ежегодного мониторинга позволяет говорить об относительной стабильности уровня наркотизма для Красноярского края на протяжении последних лет. В настоящее время остается актуальным повышение уровня антинаркотической культуры обучающихся в образовательных организациях всех уровней, активизация и совершенствование деятельности различных субъектов антинаркотической профилактики, направленной, с учетом новых технологий, на выявление граждан, попадающих в группу риска, и профилактическая работа с ними. Существенное место занимает своевременная помощь лицам, страдающим от наркотической зависимости, равно как и от всяких других социальных, физиологических, психологических и иных негативных аддикций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Гущина Т. В., Чепнецова М. В. Понятие наркотизма: проблемы правового и лингвистического толкования // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 3(72). С. 145–149.

Иванов А. В., Попков Ю. В. Духовно-экологическая цивилизационная перспектива: ценностный потенциал молодежи в сибирском контексте // *Siberian Socium*. 2021. Т. 5, № 1. С. 8–19. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-1-8-19.

Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах: утв. протоколом заседания Государственного антинаркотического комитета от 26.06.2021 № 48.

Положение о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации: утв. Постановлением Правительства РФ от 20.06.2011 № 485.

Шинкевич В. Е., Бен Е. Н., Маслодудова Н. В., Молоков В. В., Ступина С. А., Калиниченко Я. Н., Молоков В. Н. Состояние и перспективы обеспечения наркобезопасности социума: по результатам мониторинговых исследований в Красноярском крае : монография. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019.

Шинкевич В. Е., Тепляшин П. В., Рублева Т. Ю., Лисихина Н. В., Бен Е. Н., Молоков В. В., Мамай Е. А., Красовская Е. А., Хухра М. А. Структура наркорынка и динамика потребления наркотиков опийной группы в Российской Федерации: социологический, криминологический и медицинский аспекты : монография. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021.

REFERENCES

Gushchina, T. V., Chepnetsova, M. V. (2016). The concept of drug addiction: problems of legal and linguistic interpretation. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(72), 145–149. (In Russ.).

Ivanov, A. V., Popkov, Yu. V., (2021). Spiritual and ecological civilizational perspective: the value potential of youth in the Siberian context. *Siberian Socium*, 5(5), 8–19. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-1-8-19. (In Russ.).

Methodology and procedure for monitoring, as well as criteria for assessing the develop-

ment of the drug situation in the Russian Federation and its subjects: approved by the minutes of the meeting of the State Anti-Drug Committee No. 48 dated 26.06.2021. (In Russ.).

Regulation on the state system of monitoring of drug situation in the Russian Federation: approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 20.06.2011 No. 485. (In Russ.).

Shinkevich, V. E., Ben, E. N., Kalinichenko, Ya. N., Maslodudova, N. V., Molokov, V. V., Stupina, S. A., (2019). *State and prospects of ensuring the drug safety of society: based on the results of monitoring studies in the Krasnoyarsk Territory: monograph.* Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii. (In Russ.).

Shinkevich, V. E., Teplyashin, P. V., Rubleva, T. Yu., Lisikhina, N. V., Ben, E. N., Molokov, V. V., Mamai, E. A., Krasovskaya, E. A., Khukhra, M. A. (2021). *The structure of the drug market and the dynamics of drug use of the opium group in the Russian Federation: sociological, criminological and medical aspects: monograph.* Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Владимир Ефимович Шинкевич — д-р социол. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Красноярск, Россия.

Vladimir E. Shinkevich — Dr. Sci. (Sociology), Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 18.05.2022;
одобрена после рецензирования 27.05.2022;
принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 18.05.2022;
approved after reviewing 27.05.2022;
accepted for publication 06.06.2022.

Научная статья / Research Article

УДК 331.1

DOI: 10.14258/SSI(2022)2-06

Технологии диагностики профессиональной мотивации научно-педагогических кадров

Полянская Наталья Михайловна

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия,
natali_mz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6387-6494>

Аннотация. На качество формирования человеческого капитала и создание предпосылок нашего общего будущего существенное влияние оказывает система образования. Вместе с тем результативность образовательного процесса зависит от внутренней профессиональной направленности, мотивации и удовлетворенности трудом, а также намеренности каждого педагога трудиться с полной отдачей и заниматься постоянным самосовершенствованием. Психоэмоциональное состояние педагога, как правило, существенно влияет на настроение студентов, их отношение к учебе, на уровень усвоения ими знаний и умений, а также на общую направленность формирования личностных и профессиональных качеств студентов. Мотивированные педагоги, наряду с тем, что сами непрерывно и систематически профессионально развиваются, стремятся к освоению и внедрению инноваций в учебный процесс, а также стараются обмениваться опытом. Со стороны руководства образовательной организации очень важно постоянно поддерживать высокую профессиональную мотивацию научно-педагогических кадров, необходимый уровень их удовлетворенности своей работой и всемерно стараться предотвращать профессиональное «выгорание». Для этого необходимо использовать методы диагностики и оценки мотивации. В настоящей статье на основе осмысления и обобщения собственного опыта автором описаны основные элементы технологии диагностики профессиональной мотивации научно-педагогических кадров. Научный вклад состоит в актуализации значения процесса управления профессиональной мотивацией научно-педагогических кадров, в описании основных инструментов оценки ее уровня, разработке блиц-опросника по выявлению и оценке значимости факторов удовлетворенности трудом, а также в выработке приоритетных мер по повышению профессиональной мотивации. Предполагается, что предложенные меры способны помочь руководству и трудовому коллективу образовательных организаций решить проблему возможного снижения мотивации труда педагогов и повысить уровень удовлетворенности их своим трудом. Автор обращает внимание руководства образовательных организаций на необходимость комплексной и своевременной разработки и реализации мер повышения профессиональной компетенции и самоидентификации научно-педагогических кадров с использованием соответствующих форматов коммуникаций и взаимодействия.

Ключевые слова: образование, профессиональная мотивация, удовлетворенность трудом, диагностика, педагог, управление, развитие, стратегия, человеческий капитал

Для цитирования: Полянская Н.М. Технологии диагностики профессиональной мотивации научно-педагогических кадров // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 2. С. 90–105. doi: 10.14258/ssi(2022)2-06.

Technologies of Diagnostics of Professional Motivation of Scientific and Pedagogical Personnel

Natalya M. Polyanskaya

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia,
natali_mz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6387-6494>

Abstract. The quality of human capital formation and the creation of prerequisites for our common future is significantly influenced by the education system. At the same time, the effectiveness of the educational process depends on the internal orientation, motivation and satisfaction with work, as well as the intention of each teacher to work with full dedication and engage in self-improvement. The psycho-emotional state of the teacher, as a rule, significantly affects the mood of students, their attitude to study, the level of assimilation of their knowledge and skills, as well as the general orientation of the formation of personal and professional qualities of students. In addition, motivated teachers, along with the fact that they are continuously and systematically developing professionally, strive to master and introduce innovations into the educational process, try to exchange experiences. On the part of the management of an educational organization, it is very important to constantly maintain high professional motivation of scientific and pedagogical personnel, the necessary level of their satisfaction with their work and prevent professional „burn-out“. To do this, it is necessary to use methods of diagnosis and evaluation of motivation. In this article, based on the understanding and generalization of the existing experience, the author describes the main elements of the technology of diagnostics of professional motivation of scientific and pedagogical personnel. The scientific contribution consists in updating the importance of the process of managing professional motivation of scientific and pedagogical personnel, in describing the main tools for assessing its level, developing a blitz questionnaire to identify and assess the significance of factors of job satisfaction, as well as in developing basic measures to increase professional motivation. It is assumed that the proposed measures can help the management and the workforce of educational organizations to solve the problem of a possible decrease in the motivation of teachers and increase their satisfaction with their work. The author draws the attention of the management of educational organizations to the need for comprehensive and timely development and implementation of measures to improve professional competence and self-identification of scientific and pedagogical personnel using appropriate communication and interaction formats.

Keywords: education, professional motivation, job satisfaction, diagnostics, teacher, management, development, strategy, human capital

For citation: Polyanskaya, N. M. (2022). Technologies of Diagnostics of Professional Motivation of Scientific and Pedagogical Personnel. *Society and Security Insights*, 5(2), 90–105. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-06.

Введение

Народное образование оказывает существенное влияние на качество формирования человеческого капитала, на создание предпосылок нашего общего будущего. Поэтому одной из задач развития любого образовательного учреждения является всестороннее устойчивое развитие педагогического коллектива, постоянное совершенствование профессионализма кадров, повышение их мотивации и удовлетворенности трудом.

Деятельность педагога вуза состоит не только в передаче студентам основных знаний, необходимых им для будущей профессиональной деятельности, но и в том, чтобы сформировать у каждого из молодых людей жизненно важный социальный, профессиональный опыт, воспитать правильную систему нравственных ценностей, основы истинного патриотизма и навыки рационального экономического поведения. Соответственно результативность педагогической деятельности зависит от внутренней профессиональной направленности, мотивации и удовлетворенности трудом, а также намеренности самого педагога заниматься самосовершенствованием. Лучшее воспитание и обучение — это собственный пример.

Подчеркнем, что определяющее значение при этом имеют высокая мотивация и удовлетворенность сотрудников результатами своей работы. От профессионального настроя и эмоционального состояния преподавателей зависят многие процессы, обеспечивающие достижение социально-экономического эффекта от предоставления образовательных услуг. Собственный профессиональный опыт позволяет нам утверждать, что «тональность» психоэмоционального состояния педагога оказывает непосредственное влияние на отношение к учебе и качество восприятия учебного процесса студентами, на направленность формирования их личностных и профессиональных качеств. Поэтому в системе кадрового менеджмента очень важно постоянно поддерживать высокую профессиональную мотивацию научно-педагогических кадров, необходимый уровень их удовлетворенности результатами своей работы, а также предотвращать эмоциональное выгорание педагогов.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы на основе осмысления и обобщения имеющегося в науке и практике опыта дать авторское описание технологии диагностики профессиональной мотивации научно-педагогических кадров. Для достижения цели решены следующие задачи:

- актуализирована значимость процесса управления профессиональной мотивацией научно-педагогических кадров;
- изложена характеристика основных инструментов оценки и анализа уровня профессиональной мотивации и удовлетворенности трудом научно-педагогических кадров;
- разработан блиц-опросник по выявлению и оценке значимости факторов удовлетворенности трудом;

- определены и предложены основные меры в области повышения профессиональной мотивации и уровня удовлетворенности трудом.

Результаты исследования могут быть полезны административному аппарату образовательных организаций для того, чтобы еще более эффективно и рационально управлять научно-педагогическими кадрами и в целом стратегией развития учреждения.

Профессиональная мотивация научно-педагогических кадров — двигатель и катализатор прогрессивного развития образовательного учреждения

Профессиональная мотивация и удовлетворенность трудом, как две стороны одной медали, являются главными движущими силами, влияющими на эффективность деятельности организации. Создавая предпосылки роста заинтересованности работников в результатах работы, а также всемерно стимулируя эту заинтересованность, руководство организации сможет обеспечить максимальное достижение целей корпоративного развития и роста. Мотивация — это «побуждение работников к действию, через удовлетворение их собственных потребностей, а стимулирование — это комплекс мер, направленных на повышение эффективности труда и его качество» (Павлова, Щанина 2019; Попова, Щанина, 2021). Профессиональную мотивацию научно-педагогических кадров мы определяем как многогранный и многоуровневый процесс сопряжения целей развития образовательного учреждения с целями преподавателя для максимального удовлетворения потребностей и ожиданий обеих сторон. Именно профессиональная мотивация и стремление к саморазвитию предопределяют формирование модели трудового поведения каждого педагога и закладывают качественные основы его трудовой активности и эффективности его труда. Трудовое поведение выражается в том, как сотрудник воспринимает себя в данной организации и как он относится к труду. Важной социальной движущей силой роста эффективности труда каждого отдельного педагога и всей организации является «не только высокий уровень мотивации к высокоэффективному труду и саморазвитию, но и стремление к длительному и продуктивному долголетию, оптимальному образу жизни, сохранению потенциала своего здоровья, направленность на социальную активность» (Черепанова, Сафронова, Максимов, Илюшников, 2021). В феномене «мотивация» сосредоточено сопряжение наиболее важных потребностей и интересов человека-работника с потребностями и интересами организации-работодателя. То есть мотивация — это взаимовыгодное для обеих сторон сотрудничество, но никак не «игра в одни ворота».

В. И. Герчиков (2008) подразделяет мотивацию на два вида: мотивацию избегания и мотивацию достижения (рис. 1).

В мотивации избегания В. И. Герчиков выделил один тип мотивации — люмпенизированный, при котором сотрудник не заинтересован в результатах своего труда, в определенной мере асоциален и испытывает безразличие к своей работе и коллективу. Очевидно, главной «движущей силой» люмпенизированного педагога является острое желание ничего не делать. Как правило, это низкоквалифицированные кадры, не старающиеся из-за лени повышать свой профессионализм.

Никакие знания на практике они применять не собираются. К таким работникам нужен особый подход. Но списывать их со счетов, конечно, не надо. Нужно найти «ключики», «пин-коды». И в этом состоит задача руководителя учреждения и его команды.

Рисунок — Типы профессиональной мотивации

Figure — Types of professional motivation

В мотивации достижения В.И. Герчиковым выделены четыре типа: инструментальный (характеризуется ценой труда, которую получает работник), профессиональный (заключается в интересе работника к содержанию и качеству своей работы), патриотический (состоит в ценности для работника идеи и общественного признания), хозяйский (работник по своей инициативе берет ответственность на себя).

Диагностика типа мотивации педагогов, анализ причинно-следственных связей и составление динамичной базы данных могут сформировать ценнейшую управленческую информацию, которая может стать основой для выработки мотивационных мер. Тем более что это очень интересная исследовательская прикладная работа.

Эффективность и конкурентоспособность деятельности образовательной организации, максимальное достижение ее текущих и стратегических целей возможны только при наивысшем или хотя бы оптимальном сопряжении интересов обеих сторон. Эффективность и конкурентоспособность вуза определяются не только объемом финансовых ресурсов и материально-технической оснащённостью, которыми располагает данная организация, не только численностью

и уровнем квалификации персонала, но также степенью заинтересованности сотрудников в индивидуальном и коллективном успехе работы. Высокая мотивированность кадров может компенсировать многие недостатки других функций управления (организации, координации, целеполагания, прогнозирования и планирования, учета, анализа, контроля и др.). А низкую мотивированность сотрудников практически невозможно чем-нибудь компенсировать.

Особенности формирования и поддержания высокой профессиональной мотивации педагога определяются спецификой его труда. Современный педагог «должен обладать способностями организатора, оратора, аналитика, психолога; должен владеть строгой логикой педагогического процесса и воспитания, литературной устной и письменной речью. Современный преподаватель должен быть высококомпетентным специалистом в своей научной области, а также эрудитом в других сферах знаний. Никакая другая профессия не имеет такой многоплановой, развернутой квалификационной характеристики. Преподаватель — это не только профессия, состоящая в транслировании знаний, но и высокая миссия сотворения и воспитания личности студента, утверждения человека в человеке» (Полянская, 2015).

Проблема поддержания профессиональной мотивации и повышения уровня удовлетворенности трудом особенно актуальна для образовательных учреждений и именно в отношении профессиональной деятельности педагогов. Это связано с тем, что педагогическая профессия характеризуется особым статусом среди других профессий. И основание здесь не столько в сложности и эмоциональной напряженности педагогического труда, в потенциальной конфликтности современной образовательной среды, сколько в той степени ответственности, в условиях которой работает педагог, — в высокой ответственности за формирование личности молодого поколения и развитие системы общечеловеческих ценностей.

Мотивационная сфера педагога — это основная движущая сила, которая, с одной стороны, задает содержание, определяет профессиональное развитие самого педагога, с другой стороны, является одним из главных элементов эффективности педагогического труда. Педагог, которому «ничего не надо, ничего не хочется», которого «ничто не волнует и не интересует», в глазах которого читается усталость и просьба: «не трогайте меня», вряд ли сможет обеспечить полноценное, здоровое формирование личности молодежи, вряд ли при необходимости окажет педагогическую поддержку родителям (Труфанова, Шалагинова, 2017). Как отмечается, такого педагога самого еще нужно воспитывать и профессионально корректировать.

Неспроста считается, что истинные педагоги трудятся «на голом энтузиазме», сохраняют преданность своей профессии, несмотря на интенсивную нагрузку и сравнительно невысокую заработную плату. В этой связи, на наш взгляд, стратегически мыслящий руководитель образовательной организации не будет недооценивать значимость такой важной области кадрового менеджмента, как управление профессиональной мотивацией и профилактика эмоционального выгорания научно-педагогических кадров.

Инструменты оценки уровня профессиональной мотивации и удовлетворенности трудом научно-педагогических кадров

Для профилактики снижения мотивации труда педагогов и предотвращения снижения удовлетворенности их своим трудом нужны соответствующие систематические управленческие действия со стороны руководства учреждения. Необходима программа комплексных мер, направленных на гармонизацию психологического климата в трудовом коллективе, повышение моральной и материальной заинтересованности сотрудников.

Для этого можно использовать соответствующие технологии: командные принципы работы персонала, приемы укрепления корпоративного духа, планирование и реализацию мероприятий по профилактике снижения мотивации, регулярную учебу (профессиональную подготовку и переподготовку, повышение квалификации) персонала за счет средств учреждения, справедливую систему поощрений персонала за достижения в профессиональной деятельности, привлечение помощи опытных тренеров в области психологии, профессионального и личностного роста.

К числу инструментов и методов, которыми может быть вооружен руководитель образовательного учреждения для изучения уровня мотивации труда педагогов и удовлетворенности их своим трудом, а также разработки соответствующих управленческих действий, относятся опросы, анкетирование, тестирование, тренинги, консультирование, мастер-классы и др.

Общий круг вопросов или областей исследования можно обозначить, даже не будучи экспертом в сфере психологии и социологии. Однако разработку вопросника, обработку и интерпретацию полученных в результате опроса ответов целесообразно все-таки доверять профессиональным психологам-педагогам, социологам.

Между тем на основе собственного опыта полагаем, что, например, вопросник, позволяющий оценить уровень удовлетворенности трудом, может включать следующие вопросы: Какие мотивы двигали Вами при выборе профессии педагога? Насколько Вы удовлетворены режимом работы и условиями труда; уровнем организации труда; взаимоотношениями в трудовом коллективе? Насколько удобно и рационально, по Вашему мнению, организовано информационное, методическое и техническое обеспечение Вашей работы? Хватает ли Вам информационных, методических и технических ресурсов для полноценного выполнения своих трудовых обязанностей? Насколько Вас устраивает степень самостоятельности в работе? Какова вероятность того, что Вы в обозримом будущем смените работу? Как Вы оцениваете уровень своей профессиональной и личностной активности? Насколько Вас устраивает величина получаемой Вами зарплаты? Нуждаетесь ли Вы в дополнительных источниках дохода? В зависимости от содержания задаваемого вопроса ответ может выражаться через отметки, например, с широким диапазоном — от «1» до «10», либо с более узким — от «1» до «5», а также через слова «да», «нет», «очень низко», «низко», «средне», «высоко», «очень высоко» и т.п.

Также следует включить вопросы типа «Что могло бы способствовать повышению Вашей заинтересованности в работе и уровня Вашей профессиональной

и личностной активности?»». Возможных, интересных вопросов очень много, и их состав следует формировать исходя из поставленных задач исследования, имеющих проблем, и обязательно — с учетом рекомендаций специалиста (психолога, социолога).

Таблица 1.

Вопросы для блиц-опроса по выявлению и оценке значимости факторов удовлетворенности трудом*

Table 1.

Questions for a blitz survey to identify and assess the significance of factors of job satisfaction

Вопросы	Предлагаемые варианты ответов
1. Двигаемые Вами мотивы выбора педагогической профессии (можно выбрать несколько вариантов ответа)	1. Желание и возможность работать с молодым поколением 2. Возможность удовлетворить свое стремление к определенной социальной власти 3. Стремление к самоутверждению, повышению своего социального статуса, престижа 4. Стремление к самовыражению, проявлению творческих талантов и способностей 5. Интерес к педагогической деятельности, желание непрерывно саморазвиваться 6. Осознание социальной полезности педагогического труда 7. Другое (можно перечислить)
2. Какие факторы оказывают влияние на Вашу удовлетворенность трудом? (можно выбрать несколько вариантов ответа)	1. Интерес к научно-педагогической деятельности 2. Возможность самореализации и дальнейшего профессионального развития 3. Профессиональная ответственность 4. Удобный график работы 5. Достойная зарплата и социальные льготы от учреждения 6. Оптимальные условия труда, охрана труда и здоровья 7. Хорошие отношения с руководством учреждения 8. Хорошие отношения с коллегами 9. Положительные отзывы студентов и их родителей 10. Достигнутые профессиональные успехи и полученные результаты в учебно-методической и научно-исследовательской работе 11. Другое (можно перечислить)
3. Как Вы оцениваете общий уровень удовлетворенности своей профессиональной деятельностью? (один вариант ответа)	1. Очень низкий 2. Низкий 3. Средний 4. Высокий 5. Очень высокий

*Составлено автором

Следуя опыту теоретиков и практиков (Ленская, Казакова, 2021; Батаршев, Барабанер, Васеха, 2009), в первую очередь целесообразно проведение в учреждении блиц-опроса, направленного на выявление и оценку факторов удовлетворенности трудом. Эту работу можно поручить специально созданной рабочей группе из числа специалистов данного образовательного учреждения либо привлеченному эксперту (группе экспертов), возможно, на основе хоздоговора. Участников опроса целесообразно предварительно разделить на несколько групп по возрастному признаку, что необходимо в связи с тем, что факторы мотивации у представителей разных возрастных групп могут отличаться, как могут быть различными и составляющие их удовлетворенности трудом. В ходе предлагаемого блиц-опроса каждому из участников предстоит ответить на указанные в таблице 1 вопросы. При этом в вопросах 1 и 2 респонденты должны распределить свои ответы по степени важности от 1 до 5 баллов: «очень слабо», «слабо», «средне», «сильно», «очень сильно». В вопросе 3 — просто выбрать один вариант ответа (табл. 1).

Технически проведение блиц-опроса в условиях возможностей цифровых технологий представляется несложным — практически в каждой образовательной организации есть электронные ресурсы, виртуальные площадки, сервис «личный кабинет», посредством которых можно удаленно провести такое исследование.

На основе обработки и анализа полученных результатов специалисты проводят диагностику влияния тех или иных факторов на уровень удовлетворенности педагогом своим трудом и определяют необходимость более глубокого опроса и анализа.

Основные меры повышения профессиональной мотивации и уровня удовлетворенности трудом

Исходя из собственного опыта и обобщения подходов, изложенных в разных научных публикациях, мы составили перечень этапов приоритетных мероприятий в комплексе решений по профилактике снижения мотивации труда педагогов и предотвращению снижения удовлетворенности их своим трудом (табл. 2).

Представленные в таблице 2 приоритетные меры призваны помочь руководителю и всему трудовому коллективу решить проблему снижения мотивации труда педагогов и предотвращения снижения удовлетворенности их своим трудом. Руководству учреждения следует комплексно использовать разработку и практическое применение мер повышения профессиональной компетенции педагогических кадров, использовать формат группового психологического тренинга, стресс-менеджмента, технологии в области конфликтологии и другие подходящие и зарекомендовавшие себя методы.

На последующих этапах комплекса мероприятий можно организовать исследование, позволяющее установить и оценить взаимосвязь результатов учебно-методической и научно-исследовательской деятельности от уровня удовлетворенности педагогическим трудом. Полагаем, для этого целесообразно изучить и проанализировать соответствующие отчеты и данные мониторинга об эффективности работы данного образовательного учреждения за несколько последних

лет. Статистика показателей позволит сформировать информационную базу для оценки исследуемой взаимосвязи.

Таблица 2.

Приоритетные меры по профилактике снижения мотивации труда педагогов и предотвращению снижения удовлетворенности их своим трудом*

Table 2.

Priority measures to prevent a decrease in the motivation of teachers and to prevent a decrease in their satisfaction with their work

Наименование этапов	Краткое содержание этапа	Объем, периодичность
1. Обеспечение систематического повышения уровня профессиональной компетенции педагогов	1. Организация курсов (направление на курсы, в том числе в дистанционной форме) повышения квалификации педагогов	36 ч. (72 ч.) ежегодно
	2. Участие в профильных семинарах, конференциях, форумах, способствующих саморазвитию в своей профессии	Ежегодно
	3. Организация психологического сопровождения педагогов	По потребности
	4. Создание условий для самообразования педагогов	Постоянно
	5. Проведение профессиональных конкурсов, смотров достижений среди педагогов	Ежегодно
2. Организация и проведение группового психологического занятия	1. Психологическая лекция по просвещению педагогов и повышению профессиональной мотивации. 2. Упражнение «Мой автопортрет». 3. Упражнение «Вырази конструктивную критику в адрес самого себя». 4. Упражнение «Конструктивно похвали самого себя»	По 60 минут, один раз в семестр
3. Проведение тренинга по управлению стрессом	1. Мини-лекция по развитию рационального и позитивного реагирования на стрессовые ситуации и обучению навыкам релаксации и саморегуляции. 2. Упражнение «Продумай всё заранее». 3. Упражнение «Настрой свое настроение». 4. Упражнение «Назови плюсы и минусы». 5. Мастер-класс по самомассажу	По 60 минут, один раз в семестр
4. Оптимизация психологического климата	1. Упражнение «Давайте знакомиться и давайте дружить». 2. Упражнение «Без маски». 3. Упражнение «Круг доверия»	По 60 минут, один раз в семестр

Наименование этапов	Краткое содержание этапа	Объем, периодичность
5. Повышение компетенции в области конструктивного решения конфликтов	1. Упражнение «Поставь себя на место другого человека». 2. Мастер-класс по развитию эмпатичности. 3. Упражнение «Я могу быть терпеливым и терпимым». 4. Упражнение «Я хочу, я должен, я всё могу»	По 60 минут, один раз в семестр

*Составлено автором

Под эффективностью работы образовательного учреждения понимается степень реального выполнения запланированных параметров деятельности и степень достижения заданных (ожидаемых) результатов. Эффективность предполагает не только обучение, воспитание, развитие студентов и саморазвитие педагогов, но и результативное участие педагогов в грантовых проектах, научных конкурсах, семинарах, конференциях, мастер-классах, научных публикациях международного уровня, тематических конкурсах профессионального мастерства и т.п., а также качественный уровень освоения студентами образовательных программ, вовлечение их в различные мероприятия (конкурсы исследовательских работ, научных публикаций, участие в общественных движениях, социальных проектах и др.).

На основе перечисленных и иных характеристик руководство образовательного учреждения может установить критерии, составить методику оценки эффективности научно-педагогической деятельности и использовать ее для систематического исследования взаимосвязи результатов научно-педагогической деятельности и уровня удовлетворенности педагогическим трудом.

Опыт свидетельствует, что исследование зависимости результатов научно-педагогической деятельности от уровня удовлетворенности педагогическим трудом, как правило, показывает следующие взаимосвязи: педагоги, «отмечающие у себя высокий уровень удовлетворенности трудом, характеризуются наибольшей результативностью педагогической деятельности: у них отмечаются положительные значения почти всех критериев» (Ленская, Казакова, 2021). Такие педагоги сами, «без пинка» охотно участвуют в различных мероприятиях, способствующих их профессиональному развитию и росту, приобретению передового опыта и знаний, а также активно привлекают студентов к участию в научно-исследовательской работе и социально значимых мероприятиях — конкурсах, общественно-полезных программах, социальных проектах, движении волонтеров и т.п.

«Результативных» педагогов, как правило, отличает непрерывность и систематичность профессиональной деятельности, склонность к изучению нового, полезного и передового, а также активное стремление к обмену опытом.

Управление процессом повышения мотивации и удовлетворенности трудом должно быть комплексным, сочетать в себе использование технологий админи-

стративного, экономического, психологического воздействия с учетом ситуационного характера большинства мотивов профессиональной деятельности педагогических работников. Руководству образовательного учреждения непременно необходимо постоянно наблюдать и периодически оценивать уровень удовлетворенности трудом и уровень мотивации педагогических работников. Такие процедуры помогут своевременно выявить проблемы, в определенной мере предотвратить снижение мотивации труда педагогов и в итоге — повысить эффективность работы учреждения. Профессионально подкованное руководство организации — это то руководство, которое знает, что «не все сотрудники имеют одинаковые притязания» (Питухина, 2016). В идеале такое руководство, используя внутренние взаимосвязи в организационной структуре, способно безошибочно распознавать актуальные мотивы почти каждого из своих сотрудников, стремиться по возможности удовлетворять запросы каждого с целью повышения общего совокупного результата. Нет предела совершенству.

В этой связи поддерживаем позицию исследователей (Климчук, 2018), отмечающих, что мотивация работает только в том случае, если руководитель хорошо знает своих сотрудников, знаком с их желаниями и устремлениями. При этом особое внимание необходимо уделять ценностным ориентирам сотрудников и, используя организационную структуру, постараться подобрать индивидуальный «ключик», «пин-код» к каждому педагогу. Это поможет найти соответствующий подход к стимулированию деятельности каждого сотрудника и в итоге — всего коллектива.

Существенным инструментом повышения мотивации персонала и удовлетворенности трудом является обеспечение сплоченности педагогического коллектива. Этому способствует организация неформальных мероприятий — выездов и выходов «на природу», в театры, музеи, на художественные выставки, в кино, в кафе. Проведение корпоративных спортивных мероприятий («веселых стартов», эстафет, турниров и т.п.), а также организация вечеров отдыха, творческих встреч (песен под гитару, караоке, чтения стихов и т.п.) способствуют усилению сплоченности и укреплению дружественности трудового коллектива, улучшают коммуникативные способности и взаимопонимание. Люди лучше узнают друг друга, находят друг в друге что-то родственное, общее (взгляды, идеи, увлечения, способности) и в итоге находят общий язык. Это помогает педагогам также выстраивать эффективные профессиональные коммуникации друг с другом, со студентами и их родителями. Формируемый синергетический импульс позволяет получить высокий учебно-воспитательный и в целом социальный эффект благодаря организации корпоративного духа, его укреплению и сплочению коллектива руководства вуза, педагогов, студентов и их родителей.

Эффективные коммуникации, общение на понятном друг другу языке позволяют быстрее и полнее достигать поставленных целей и повышать результативность учебно-методического, воспитательного и научно-исследовательского процесса, увеличивать и пролонгировать полезный эффект деятельности образовательного учреждения.

Немаловажным инструментом мотивации является обеспечение здоровой конкуренции между сотрудниками. Принимая участие в разных профессиональных мероприятиях, рейтингах, педагоги стремятся достичь наилучших результатов, следовательно, между ними образуется здоровая конкуренция, и они тем самым прогрессивно развиваются, повышают свое мастерство и профессионализм.

Руководитель любого звена (вуза в целом, института, факультета, кафедры) вооружен элементарным, бесплатным инструментом мотивации — возможностью устной похвалы. Есть люди, которым нужны не столько денежные премии, сколько общественное признание и похвала, высокая оценка их труда. Таких людей достаточно не забывать периодически хвалить, подбадривать. При этом надо отмечать их действительные достижения и успехи, а не просто так хвалить «ни за что», иначе потом не будет доверия, похвала просто обесценится. Конечно, и таким сотрудникам периодически нужны и материальные стимулы, поскольку время сейчас такое, что одной похвалой кредит не заплатишь, детей не накормишь и не оденешь. Поэтому руководитель должен проявить все свои умения и способности, чтобы гармонично сочетать моральные и материальные средства стимулирования и мотивации труда (Маслоу, 1999).

Мотивированный преподаватель ощущает себя полноправной, важной частью любого процесса, происходящего не только в самом учреждении, но и в обществе в целом. Поэтому в каждом образовательном учреждении необходимо создание и развитие системы мотивации труда педагогов. В соответствии с действующими образовательными стандартами образовательные учреждения должны обеспечить условия, необходимые для роста качества предоставляемых образовательных услуг, для максимально полного удовлетворения запросов всех участников образовательного процесса. Научно-образовательным сообществом вуза должны быть также созданы предпосылки более эффективной социализации обучаемых, формирования их перспективной конкурентоспособности на рынке труда и успешной адаптации в обществе, где объективно действуют рыночные экономические законы, усиленные глобализацией.

Заключение

Высокая значимость профессиональной мотивации научно-педагогических кадров, как и высокая значимость ее диагностики и в целом управления ею, несомненны. Стратегически мыслящий руководитель образовательной организации всегда уделяет внимание такой существенной области кадрового менеджмента, как управление профессиональной мотивацией научно-педагогических работников.

Обоснованные решения в области управления профессиональной мотивацией будут способствовать максимальной мобилизации имеющегося кадрового потенциала образовательной организации для более полного и эффективного достижения целей ее деятельности. Понимание и практическое использование такого инструмента, как мотивация, поможет повысить удовлетворенность работой, оптимизировать психологический климат, общий настрой трудового коллектива, а также улучшить имидж данного образовательного учреждения, повысить его общественное

признание и конкурентоспособность на рынке образовательных услуг. Последнее особенно актуально в условиях сложившихся экономических и демографических ограничений, а также значительного оттока абитуриентов из многих регионов.

Список источников

Батаршев А. В., Барабанер Х. З., Васеха В. В. Психология управления персоналом : учебное пособие для специалистов, работающих с персоналом. М. : Институт психотерапии, 2009. 624 с.

Герчиков В. И. Управление персоналом: работник — самый эффективный ресурс компании : учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2008. 282 с.

Климчук А. С. Развитие системы мотивации труда педагогов как фактор эффективности управления образовательной организацией // Образование сегодня: векторы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2018. С. 188–190.

Ленская И. Ю., Казакова А. Ф. Удовлетворенность трудом как основополагающий фактор результативности педагогической деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 7 (160). С. 16-25.

Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 350 с.

Павлова Е. А., Щанина Е. В. Основы построения эффективной системы мотивации и стимулирования персонала // Традиционное, современное и переходное в условиях модернизации российского общества : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Пенза, 27–28 декабря 2019 года. Пенза: Приволжский Дом знаний, 2019. С. 109–112.

Питухина А. Н. Теоретические аспекты удовлетворенности трудом педагогов образовательной организации // Материалы круглого стола, проведенного в рамках серии круглых столов «Анализ опыта деятельности образовательных комплексов в столичном регионе». М., 2016. С. 82–88.

Полянская Н. М. Роль преподавателя в повышении качества образовательного процесса в высшем учебном заведении // Мир науки. 2015. № 3. <http://mir-nauki.com/PDF/48PDMN315.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

Попова М. А., Щанина Е. В. Удовлетворенность трудом персонала организации как фактор роста производительности труда // Социальное неравенство и социальная справедливость в российском обществе: содержательный и коммуникативный аспекты : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск, 2021. С. 70-73.

Труфанова Е. В., Шалагинова К. С. Опыт организации работы с педагогами по созданию условий повышения трудовой мотивации // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 5. С. 80-83.

Черепанова М. И., Сафронова Е. Ю., Максимов М. Б., Илюшников К. К. Социально-экономические условия функционирования человеческого капитала в регионах России // Society and Security Insights. 2021. Т. 4. № 4. С. 31–43.

REFERENCES

- Batarshev, A. V., Barabaner, H. Z., Vasekha, V. V. (2009). *Psychology of personnel management: training manual for specialists working with personnel*. Moscow: Institut psihoterapii. (In Russ.).
- Gerchikov, V. I. (2008). *HR management: the employee is the most effective resource of the company*. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).
- Klimchuk, A. S. (2018). Development of the system of motivation of teachers as a factor of the effectiveness of the management of an educational organization. *Education Today: Development Vectors: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Moscow (pp. 188–190). (In Russ.).
- Lenskaya, I. Yu., Kazakova, A. F. (2021). Job satisfaction as a fundamental factor in the effectiveness of pedagogical activity. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 7(160), 16–25. (In Russ.).
- Maslow, A. (1999). *Motivation and personality*. Saint-Petersburg: Evraziya. (In Russ.).
- Pavlova, E. A., Shchanina, E. V. (2019). Fundamentals of building an effective system of motivation and stimulation of personnel. In *Traditional, modern and transitional in the conditions of modernization of Russian society: a collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, Penza, December 27–28, 2019*. Penza: Privolzhskij Dom znanij (pp. 109–112). (In Russ.).
- Pituhina, A. N. (2016). Theoretical aspects of satisfaction with the work of teachers of an educational organization. In *Materials of a round table conducted as part of a series of round tables „Analysis of the experience of educational complexes in the metropolitan region“*. Moscow (pp. 82–88). (In Russ.).
- Polyanskaya, N. M. (2015). The role of the teacher in improving the quality of the educational process in higher education. *Mir Nauki*, 3 <http://mir-nauki.com/PDF/48PD-MN315.pdf>. (In Russ.).
- Popova, M. A., Shchanina, E. V. (2021). Satisfaction with the work of the organization's personnel as a factor of labor productivity growth. In *Social inequality and social justice in Russian society: substantive and communicative aspects: a collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Ul'yanovsk (pp. 70–73). (In Russ.).
- Trufanova, E. V., Shalaginova, K. S. (2017). Experience in organizing work with teachers to create conditions for increasing work motivation. *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*, 5, 80–83. (In Russ.).
- Cherepanova, M. I., Safronova, E. Yu., Maksimov, M. B., Ilyushnikov, K. K. (2021). Socio-economic conditions of human capital functioning in the regions of Russia. *Society and Security Insights*, 4(4), 31–43. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Михайловна Полянская — канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия.

Natalya M. Polyanskaya — Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Applied Economics, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 14.04.2022;
принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 14.04.2022;
accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья / Research Article

УДК 616.89:614.4

DOI: 10.14258/SSI(2022)2-07

Психическое здоровье и пути его сбережения во время пандемии COVID-19

Татьяна Васильевна Милаева

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия,
Tasha20012001@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1675-2915>

Аннотация. Актуальность статьи заключается в том, что на фоне пандемии COVID-19 люди сталкиваются с серьезными психологическими проблемами. Большинство живущих ныне россиян никогда не испытывали на себе потрясения войны или глобальных катастроф, поэтому эмоции, которые они сейчас переживают, им незнакомы. Затяжная тревога приводит к развитию психических нарушений. В зоне Севера России эта проблема стоит еще более остро, поскольку проживание в суровых климатических условиях создает дополнительную нагрузку на психику населения. Цель статьи — проанализировать причины ухудшения психического здоровья и факторы, способствующие его сохранению. Рассмотрены подходы к проблеме отечественных и зарубежных исследователей, приведены возможные пути сохранения психического здоровья. Сделан вывод, что в данной ситуации необходимы усовершенствование системы оказания психологической и психиатрической помощи населению и изучение психоэмоциональных последствий пандемии не только в настоящий момент, но и в будущем.

Ключевые слова: COVID-19, психическое здоровье, психические расстройства, психологическая и психиатрическая служба, постковид, группы риска, совладание

Финансирование: исследование выполнено в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Для цитирования: Милаева Т.В. Психическое здоровье населения и пути его сбережения во время пандемии COVID-19 // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 2. С. 106–119. doi: 10.14258/ssi(2022)2-07.

Mental Health and Ways to Save it During the COVID-19 Pandemic

Tatiana V. Milaeva

Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS, Syktyvkar, Russia, Tasha20012001@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1675-2915>

Abstract. The relevance of the article lies in the fact that against the background of the COVID-19 pandemic, people face serious psychological problems. Most Russians living today have never experienced the shocks of war or global catastrophes, so the emotions they are experiencing now are unfamiliar to them. Prolonged anxiety leads to the development of mental disorders. In the zone of the North of Russia, this problem is even more acute, since living in harsh climatic conditions creates an additional burden on the psyche of the population. The purpose of the article is to analyze the causes of mental health deterioration and the factors contributing to its preservation. Approaches to the problem of domestic and foreign researchers are considered, possible ways of preserving mental health are given. It is concluded that in this situation it is necessary to improve the system of providing psychological and psychiatric care to the population and to study the psycho-emotional consequences of the pandemic not only at the moment, but also in the future.

Keywords: COVID-19, mental health, mental disorders, psychological and psychiatric service, post-COVID, risk groups, coping

Financial Support: the study was carried out within the framework of the research project „Human resources of the northern regions of Russia: development potential or limitation of economic growth“ (No. GR 122012700169-9, 2022–2024).

For citation: Milaeva, T. V. (2022). Mental Health and Ways to Save it During the COVID-19 Pandemic. *Society and Security Insights*, 5(2), 106–119. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-07.

Введение

С начала пандемии сохраняющийся по сию пору постоянный тревожный информационный фон с повторением негативных фактов и психологическим давлением, периодическая отмена и возврат ограничений вызывают рост психических расстройств у населения, что подтверждается последними данными из Китая (Xiang et al., 2020), Италии (Rossi et al., 2020) и США (Schwartz, 2020).

Учитывая серьезность ситуации, ВОЗ выпустила особое предупреждение (World Health Organization, 2020), а британские психиатры разработали специальное руководство для населения по профилактике психологического стресса и психических нарушений в условиях пандемии COVID-19 (Mental Health UK, 2020). Отечественные исследователи также неоднократно указывали на высокую вероятность возникновения подобной симптоматики при социальном стрессе и чрезвычайных ситуациях (Александровский, 1996: 689–694; Дмитриева и др., 2001; Кекелидзе, Портнова, 2009; Courtet et al., 2020). Наряду с расстройствами

адаптации описывается появление и более тяжелых психических нарушений: депрессии, тревоги, панических атак, роста случаев суицидов, бредовых идей (Courtet et al., 2020). Ограничение социальной активности, страх новой вынужденной изоляции, обострение внутрисемейных проблем, злоупотребление алкоголем, бессонница, постоянно поступающая тревожная информация и негативные переживания являются факторами повышенного суицидального риска (Goyal et al., 2019).

Российские ученые связывают последствия карантина и жизни в период пандемии с возникновением как психических нарушений (агрессия, тревога, панические атаки, страхи, обсессивно-компульсивное расстройство, суицид), так и с проблемой толерантности к неопределенности, с поиском новых смыслов и ценностей, личностной трансформацией, с субъективным благополучием, с жизнестойкостью личности (Первушина и др., 2020; Холмогорова, 2020).

Несмотря на принимаемые правительством меры, пандемия не сдает своих позиций и ведет к увеличению количества психических расстройств не только у людей со склонностью к подобным заболеваниям, но и у значительной массы населения, которая не сталкивалась с этой проблемой ранее (Сорокин и др., 2002).

В условиях Севера эта проблема стоит еще более остро, так как дополнительную нагрузку на психику человека создают низкая температура, слабая солнечная активность, ультрафиолетовое голодание, геомагнитные и экологические факторы. Само по себе проживание и работа в таких условиях требуют достаточно много и физических, и душевных сил. Северная жизнь очень часто сопровождается состоянием повышенной нервозности, раздражительности, переутомления, вялости. На сегодняшний день к зоне Севера в России полностью или частично относятся 28 субъектов Федерации, что составляет около 70% территории страны.

Пандемия COVID-19 — уникальное явление, отдаленные последствия которого еще предстоит изучить. Наиболее тяжелые психологические последствия прогнозируются у людей, переболевших новой инфекцией.

Последствия перенесенной коронавирусной инфекции для психического здоровья

Врачи считают, что специфические последствия коронавирусной инфекции испытывают до 20% переболевших людей. Легкая форма заболевания (без пневмонии) может пройти бесследно, а более серьезные случаи оставляют различные последствия: длительное время сохраняется слабость, человек не может сосредоточиться, не хватает сил на обычную работу, уже с утра чувствует себя уставшим, часто испытывает головные и мышечные боли. Может сохраняться одышка, особенно после физической нагрузки. Температура тела тоже может изменяться — от чрезвычайно низкой до 37–37,5 °С. Этот симптом связан с поражением терморегулирующего центра в головном мозге. Возможна потеря обоняния или его искажение. Этот симптом также связан с поражением обонятельного центра. Отмечается, что в среднем каждый четвертый человек, переболевший COVID-19, сталкивается с психическими расстройствами: депрессией, тревожными расстройствами, хронической бессонницей и деменцией (слабоумием). Различные

варианты тревожных расстройств — паническое, генерализованное тревожное и посттравматическое стрессовое расстройства отмечаются у 60–70% людей, переболевших COVID-19, депрессии — у 25–30%, хроническая бессонница — у 15–20%, деменция — у 8–10% пожилых пациентов. Чаще всего психические нарушения проявляются в сроки от 14 до 90 дней после перенесенной инфекции — это относится как к впервые выявленным психическим заболеваниям, так и к обострениям уже имеющихся. COVID-19 вдвое увеличивает риск возникновения тревожно-депрессивных расстройств, по сравнению со средним риском в популяции. У переболевших пожилых людей деменция развивается в 2–3 раза чаще.

Эксперты считают, что причинами развития психических нарушений являются как психологический стресс, связанный с опасным заболеванием, вынужденной самоизоляция и социальным дистанцированием, так и непосредственное влияние коронавируса Sars-CoV-2 на центральную нервную систему. Коронавирус поражает обонятельный нерв (из-за этого пропадает обоняние), а через него попадает в лимбическую систему — участок мозга, ответственный за регуляцию эмоций, сна, памяти, способности к обучению, сексуальной активности и других высших психических функций. Это ведет к многочисленным неблагоприятным последствиям в психической сфере. Поражение ЦНС после коронавируса может произойти даже при легких формах заболевания, поскольку вирус, попадая в организм человека через нос и проникая в обонятельный нерв, распространяется по клеткам центральной нервной системы.

Существует еще один путь проникновения — через гематоэнцефалический барьер, это связано с повреждением эндотелия кровеносных сосудов головного мозга, через дефекты в которых вирус проникает в головной мозг.

Помимо этого, пациенты с тяжелым течением заболевания нередко сталкиваются с кислородным голоданием, влияющим на работу головного мозга.

Многие переболевшие, которые не сделали ранее прививку, думают о ней, однако нет точных данных, насколько безопасна вакцина при симптомах «постковида». Предполагается, что заболевание должно пройти в более легкой форме, которая не исключает развитие симптомов постковида, но нет никакой гарантии, что человек не заразится повторно. С приходом новой волны заболевания со штаммом омикрон мы наблюдаем множественные случаи повторного заражения среди привитых и непривитых людей. По словам переболевших, вопреки мнению врачей, у тех, кто переболел тяжело, постковид развивается как раз реже, чем у тех, кто переболел в легкой форме. Возможно, что вирус выбирает два пути: либо он спускается в легкие и поражает их, либо проникает в мозг и поражает нервную систему.

Американская психиатрическая ассоциация (АРА) в своих рекомендациях по восстановлению после COVID-19, опубликованных в начале 2021 г., полагает, что люди с психическими расстройствами должны быть включены в группу приоритетной вакцинации от COVID-19. По их мнению, чем тяжелее расстройство психики, тем тяжелее может протекать COVID-19. К заболеваниям с наибольшими рисками относят шизофрению, БАР, тяжелые депрессии, а также любое другое психическое расстройство. В эту категорию фактически попадают и любые малые

психические расстройства: тревожные, депрессивные, психосоматические и другие. Сочетание нескольких психических расстройств у одного человека еще более увеличивает риски.

В международной медицинской практике для обозначения явления введены термины PostCovid-19 и LongCovid, с официальным врачебным кодом U09.9, который означает «Состояние после COVID-19, неуточненное». В России этой терминологии пока нет, в картах пациентов с жалобами на постковидный синдром указывают привычные диагнозы, сходные по симптоматике.

Часто люди, не надеясь на понимание в поликлинике, стараются сами справиться с постковидом. Большую тревогу у них вызывает возможное воздействие вируса на мозг, поскольку оно может быть не только необратимым, но и прогрессировать. Невозможно предсказать, какие последствия проявятся в будущем, поскольку с начала пандемии прошло критически мало времени.¹

Значимость сбережения психического здоровья во время пандемии

Поскольку психическое здоровье — интеллектуальный и нравственный потенциал нации, основа эффективного функционирования общества, проблема его сохранения приобретает особенную значимость в периоды кризиса, в т.ч. вызванного вспышкой новой коронавирусной инфекции.

Всемирная организация здравоохранения определяет психическое здоровье (духовное или душевное, ментальное здоровье, (англ. mental health)) как состояние благополучия, при котором человек способен реализовывать свой потенциал, справляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно работать, а также вносить вклад в жизнь своего сообщества (Психическое здоровье, 2018).

Критериями для определения психического здоровья являются: осознание непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «я»; постоянство и идентичность переживаний в однотипных ситуациях; критичность к себе, своей психической деятельности и ее результатам; соответствие психических реакций (адекватность) силе и частоте воздействий среды, социальным обстоятельствам и ситуациям; способность к регуляции своего поведения в соответствии с социальными нормами и правилами; способность к планированию собственной жизнедеятельности и реализации планов; умение изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств.

В реальной жизни эти критерии проявляются в степени включенности личности в общество, уравновешенности, духовности, стремлении к саморазвитию. Психически здоровый человек адекватно оценивает действительность, демонстрирует интерес к окружающему миру, согласовывает свое поведение и реакцию на происходящее с условиями среды, способен к самоанализу и рефлексии.

Психическое нездоровье проявляется в дезориентации личности, уходе от ответственности, аддикциях, пассивности, повышенной тревожности, утрате веры в себя, враждебности по отношению к окружающим.

Следует различать понятия «психическое» и «психологическое здоровье». Несмотря на распространенное употребление термина «психологическое здоро-

¹ Постковид. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/postkovid/>

вье» как синонима к психическому, между ними имеются отличия. Психическое здоровье — набор психических установок, позволяющих адекватно реагировать и приспосабливаться к условиям среды, соответствие субъективных представлений объективной реальности, адекватное восприятие себя, умение мыслить критически и др. **Психологическое здоровье** — более широкое понятие, оно характеризует личность в целом, с учетом особенностей волевой, мотивационной, познавательной, эмоциональной деятельности (Здоровый образ жизни, 2020).

В Аналитической записке ООН от 13 мая 2020 г. отмечается (ООН, 2020), что психическое здоровье имеет неотъемлемую ценность, поскольку оно соотносится с самой сутью того, что делает нас людьми. Хорошее психическое здоровье помогает людям проявлять нормальное поведение, которое позволяет обеспечить безопасность и здоровье их самих и окружающих во время пандемии. Оно способствует выполнению людьми функций в семье и обществе, таких как уход за детьми и престарелыми или содействие экономическому восстановлению общества. Меры по обеспечению хорошего психического здоровья имеют огромное значение для усилий каждой страны по борьбе с COVID-19 и последующему восстановлению.

В то же время психическое здоровье — один из наиболее обделенных вниманием аспектов здоровья. Несмотря на последствия психических заболеваний для отдельных лиц, семей и общества, в его охрану вкладывается очень мало средств. В среднем на охрану психического здоровья страны тратят лишь 2 процента своего бюджета, выделяемого на сферу здравоохранения.

По мнению экспертов ООН, наиболее подверженными риску влияния пандемии на психическое здоровье являются следующие группы населения:

- работники, находящиеся на передовой линии борьбы с пандемией, особенно в сфере здравоохранения и долгосрочного ухода. Закономерно, что они находятся в состоянии стресса, сталкиваясь с чрезмерной рабочей нагрузкой, принятием сложных решений и риском заражения и распространения инфекции в своих семьях, а также становясь свидетелями смерти пациентов. Известны случаи, когда медицинские работники пытались покончить с собой и погибли в результате самоубийств;
- пожилые люди и люди с ранее существовавшими заболеваниями более остальных подвержены риску опасных для жизни осложнений, связанных с COVID-19. Примерно 8 из 10 случаев смерти во время первой волны коронавируса — это люди в возрасте 65 лет и старше в США и люди в возрасте 70 лет и старше в Германии. Следовательно, многие пожилые люди и люди с ранее существовавшими заболеваниями крайне обеспокоены тем, что они могут заразиться коронавирусом;
- дети, так как вынужденное нахождение дома часто негативно влияет на их эмоциональное состояние и поведение. Кроме того, иногда дети подвергаются особому риску жестокого обращения во время пандемии. Особенно уязвимы дети-инвалиды и дети, живущие в стесненных условиях;
- подростки и молодые люди являются группой риска, поскольку многие психи-

ческие расстройства развиваются именно в этом возрасте. Молодые люди почувствовали негативное влияние пандемии на их будущее. В числе основных источников стресса они отмечали беспокойство по поводу здоровья родных, закрытия школ и вузов, нарушения привычного хода вещей и разрушения социальных связей;

- женщины также являются группой населения, подвергающейся особому риску. Беременные женщины и молодые матери особенно часто испытывают беспокойство в связи с ограниченным доступом к услугам и социальной поддержке, страх перед инфекцией. Иногда в семьях увеличивается нагрузка на женщин из-за появления дополнительных обязанностей по уходу, таких как обучение детей на дому и уход за престарелыми родственниками. Нередко состояние стресса и ограничения на передвижение приводят к росту бытового насилия в отношении женщин.

Возможные пути и способы сохранения психического здоровья

Детерминантами сохранения психического здоровья, социального благополучия и смягчения негативного влияния пандемии являются совместные усилия со стороны здравоохранения и самих людей.

На уровне здравоохранения возникает необходимость во временной реорганизации психологической и психиатрической службы для оказания помощи наиболее уязвимым группам населения.

С. Н. Мосолов в своей работе «Проблемы психического здоровья в условиях пандемии COVID-19» (2020) указывает, что в условиях эпидемиологической ситуации в нашей стране в соответствии с принципами оказания психолого-психиатрической помощи в чрезвычайных ситуациях (Кекелидзе, 2001) необходимо организовать дистанционную психологическую поддержку и, в случае необходимости, психотерапевтическую и психиатрическую помощь наиболее уязвимым для развития психических нарушений категориям населения: длительно пребывающим в режиме самоизоляции или карантине, пожилым людям, лицам с положительным тестом на коронавирусную инфекцию, заболевшим COVID-19, перенесшим COVID-19, медицинскому персоналу, находящемуся в контакте с заболевшими COVID-19, психически больным, находящимся под наблюдением в режиме самоизоляции.

Для работы с населением и медицинским персоналом следует организовать «горячую линию» или «телефон доверия» (экстренная психологическая поддержка по телефону). Поскольку количество обращений за психологической помощью может резко увеличиться, нужно заранее создать и обучить группу психологов и психотерапевтов, готовых работать с обратившимися за помощью. При временной реорганизации психологической и психиатрической службы в первую очередь необходимо разделить потоки людей, нуждающихся в психологической поддержке и психиатрической помощи: 1) здоровые люди, испытывающие стресс; 2) заболевшие COVID-19 в легкой форме или тяжелой форме; 3) медицинский персонал, оказывающий помощь заболевшим COVID-19; 4) психически больные, находящиеся на амбулаторном наблюдении; 5) психически больные, заболевшие

COVID-19, нуждающиеся в госпитализации в специализированные стационары или домашнем карантине (Мосолов, 2020).

Необходимо четко определить маршрутизацию этих потоков и методы оказания помощи, поскольку задержка в организации такой помощи может привести к острому психологическому кризису с попытками суицида или последующему переходу симптоматики в хроническое течение с формированием признаков ПТСР, а у индивидов с психическими расстройствами — к серьезному обострению заболевания (Garriga et al., 2020).

В брифинге Генерального секретаря ООН по психическому здоровью¹ содержатся три важных рекомендации:

1. Вопросы психического здоровья и психосоциальной поддержки должны быть одним из ключевых моментов всех мер, которые принимаются для борьбы с пандемией. Это целый ряд комплексных, в том числе социально-экономических мероприятий, которые позволяют сохранить психическое здоровье, уменьшить факторы риска для психического здоровья людей.
2. В этой ситуации все службы, неотложная помощь и основные компоненты помощи людям с психическими заболеваниями, которые они имели до пандемии, должны продолжать работать, и необходимая помощь должна оказываться в нужном объеме, поскольку эти люди могут быть особенно подвержены пандемии и связанным с этим обстоятельствам в сфере психического здоровья.
3. COVID-19 оказывает огромную нагрузку на систему здравоохранения и социальной помощи, но при этом позволяет увидеть те проблемы, которые могут быть решены, и это может стать импульсом для развития в правильном направлении. Поскольку вопросы психического здоровья обычно не являются приоритетными в любой стране, как раз ситуация с COVID-19 показывает, что психическое здоровье и вопросы его охраны — это чрезвычайно важная составляющая системы здравоохранения. То, что сейчас испытывают многие страны, многие люди, позволяет еще раз пересмотреть отношение к психическому здоровью, роли охраны психического здоровья в системе здравоохранения и социальной помощи, и это может действительно подтолкнуть к положительным изменениям, включая развитие дистанционных служб оказания помощи, большему вниманию к психическому здоровью людей, к созданию новых методов по сбережению психического здоровья в кризисных ситуациях.

Однако не все люди одинаково подвержены возникновению проблем с психическим здоровьем на фоне вспышки новой инфекции. Их эмоциональная реакция зависит от предшествующего опыта, индивидуальных особенностей, отличных от других людей, от социального окружения.

Рассмотрим, что предпринимают непосредственно сами люди для совладания со стрессом, страхом, повышенной тревожностью с целью сохранения психического здоровья и способности к профессиональной деятельности. В со-

¹ Эксперт ВОЗ: COVID-19 разрушает не только организм, но и психику. URL: <https://news.un.org/ru/interview/2020/05/1378122>

временных научных исследованиях способам поведения в кризисных ситуациях уделяется значительное внимание.

Термин «копинг» (англ. coping) был использован Л. Мерфи в исследовании проблемы преодоления детьми трудностей, провоцирующих кризис психического развития. В контексте когнитивной теории Р. Лазаруса «копинг», или «преодоление стресса», рассматривается как психическая деятельность, направленная на поддержание баланса между требованиями стрессовой ситуации и внутренними ресурсами личности (Яковлева, 2012: 259–263).

Е. И. Рассказова, Д. А. Леонтьев и А. А. Лебедева исследовали связь совладания и тревоги по поводу коронавируса и субъективного благополучия в ситуации пандемии (Рассказова, Леонтьев и Лебедева, 2020: 90–108). Авторами сделаны выводы, что к числу наиболее распространенных стратегий совладания в ситуации пандемии относятся позитивное переформулирование и личностный рост, принятие, планирование, активное совладание, юмор. К числу наиболее редких — использование «успокоительных» средств, включая алкоголь, обращение к религии, отрицание. Женщины чаще используют мысленный уход от проблемы, концентрацию на эмоциях, социальную поддержку, обращение к религии, принятие. Мужчины чаще говорят об активном совладании, юморе и подавлении конкурирующей деятельности. Люди более старшего возраста чаще прибегают к религии, немного чаще используют активные стратегии совладания и немного реже — мысленное отвлечение и юмор, по сравнению с молодыми людьми.

А. Ш. Тхостов и Е. И. Рассказова соотносят различные виды тревоги в ситуации пандемии коронавируса с поиском информации о нем и защитными действиями. Авторы считают, что существенную долю угрозы обществу несут средства массовой информации. В структуре действий по защите от вируса отмечаются дезинфекция рук, ношение масок и перчаток. Подобные действия доказали свою эффективность в борьбе с вирусом. Также авторы обратили внимание на нетипичные стратегии, которые включают в себя медицинские и физические попытки поддержания иммунитета, в частности, покупка продуктов и медикаментов впрок. Структура тревоги представлена двумя важными аспектами — это страх заражения и тревога по поводу экономических последствий пандемии. Авторы полагают, что осознанный контроль и ограничение поступающей информации о коронавирусе может способствовать снижению уровня тревоги населения (Тхостов, Рассказова, 2020: 70–89).

Н. В. Чистякова и П. С. Фролова (2020: 53–57) в качестве ведущего копинг-ресурса личности рассматривают локус контроля. Согласно Дж. Роттеру, под локусом контроля следует рассматривать способность личности приписывать свои неудачи внутренним либо внешним факторам (Кочуров, 2020: 40–43). Личности с интернальным и экстернальным локусом внутреннего контроля отличаются жизненной позицией, а также способом совладания со стрессовой ситуацией, т.е. копингом.

Интерналы воспринимают пандемию как испытание силы воли, возможность попробовать свои силы в преодолении трудностей, в то время как экс-

терналы отказываются от принятия ответственности и обращаются к внешним факторам, беспомощно и тревожно переживая события, связанные с пандемией коронавирусной инфекции.

Уровень субъективного контроля поведения представляет собой важную характеристику адаптационного потенциала, определяющую направленность собственных усилий, способность к конструктивному социальному взаимодействию в условиях переживания стресса.

Установлено, что активное совладание требует понимания перспективы ситуации, знания того, какие конкретно действия можно предпринять. Люди учатся применять позитивные стратегии совладания в новой ситуации, и этот процесс не имеет готовых, однозначно эффективных решений.

Рекомендации ВОЗ

В марте 2020 г. ВОЗ выпустила рекомендации по сохранению психического здоровья и борьбе со стрессом в период пандемии¹. ВОЗ отмечает, что чувство грусти, замешательства, страха или досады в кризисной ситуации — это нормальная реакция организма.

Рекомендуется:

- не забывать о здоровом образе жизни, правильном питании, режиме сна и физической активности;
- больше общаться с близкими, используя современные средства связи, если личное общение невозможно;
- отказаться от курения и распития алкогольных напитков для подавления эмоций;
- снизить информационный поток, если негативные новости приводят к повышенной тревожности;
- обратиться к личному опыту переживания стрессовых ситуаций в прошлом, понять, какие навыки помогли вам сохранить стабильное психическое состояние, и обратиться к ним снова;
- если стресс и отрицательные эмоции слишком сильны, не пытаться справиться с ними самостоятельно и обратиться за медицинской помощью.

Заключение

На основании проведенных зарубежными и отечественными учеными исследований можно сделать вывод, что даже если удастся прекратить физическое распространение заболевания применением карантинных мер и соблюдения социальной дистанции, в долгосрочной перспективе вероятны его долгосрочные негативные последствия для психического здоровья. Следовательно, в сложившейся сложной ситуации необходима слаженная работа представителей всех наук о психическом здоровье, является целесообразным изучать психоневрологические и психоэмоциональные последствия пандемии не только в настоящий период, но и в будущем. Результаты исследований могли бы помочь в разработке

¹ Mental health and psychological resilience during the COVID-19 pandemic. Рекомендательное письмо ВОЗ от 27.03.2020. <https://www.euro.who.int/>

мер здоровьесбережения и реагирования на будущие волны инфекции с позиции предотвращения ущерба, наносимого ими психическому здоровью населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

COVID-19 и необходимость принятия мер по охране психического здоровья: Аналитическая записка. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_covid_and_mental_health_russian.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

Александровский Ю. А. Социально-стрессовые расстройства // РМЖ. 1996. № 3 (11). С. 689–694.

Дмитриева Т. Б., Воложин А. И., Александровский Ю. А., Кекелидзе З. И., Коган Б. М., Положий Б. С., Румянцева Г. М., Субботин Ю. К. Социальный стресс и психическое здоровье. М. : Всероссийский учебно-научно-методический центр по непрерывному медицинскому и фармацевтическому образованию, 2001.

Здоровый образ жизни. URL: <https://4brain.ru/zozh/psy.php> (дата обращения: 01.03.2022).

Кекелидзе З. И. Принципы оказания психолого-психиатрической помощи при чрезвычайных ситуациях // Психиатрия и психофармакотерапия. 2001. № 3 (4). С. 123–125.

Кекелидзе З. И., Портнова А. А. Критерии диагностики посттравматического стрессового расстройства // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2009. № 109 (12). С. 4–7.

Кочуров М. Г. Связь копинг-стратегий с локусом контроля // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 1 (91). Ч. 2. С. 40–43.

Мосолов С. Н. Актуальные задачи психиатрической службы в связи с пандемией COVID-19 // Современная терапия психических расстройств. 2020. № 2.

Мосолов С. Н. Проблемы психического здоровья в условиях пандемии COVID-19 // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2020. № 120 (5). С. 7–15.

Первушина О. Н., Фёдоров А. А., Дорошева Е. А. Восприятие COVID-19 в контексте толерантности к неопределенности. 2020. URL: <https://fp.nsu.ru/nauchnaya-deyatelnost/covid19/covid.php> (дата обращения: 16.02.2022).

Психическое здоровье // ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (дата обращения: 01.03.2022).

Рассказова Е. И., Леонтьев Д. А., Лебедева А. А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 2. С. 0–108.

Сорокин М. Ю., Касьянов Е. Д., Рукавишников Г. В., Макаревич О. В., Незнанов Н. Г., Лутова Н. Б., Мазо Г. Э. Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2002. № 2. С. 87–94.

Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг»

- тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 2. С. 70–89.
- Холмогорова А. Б. Предисловие главного редактора // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 2. С. 5–7.
- Чистякова Н. В., Фролова П. С. Субъективный контроль поведения как копинг-ресурс в период пандемии COVID-19 // Международный журнал экспериментального образования. 2020. № 3. С. 53–57
- Яковлева С. А. Особенности совладающего поведения старшеклассников с учётом локуса контроля // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2012. № 5. С. 259–263.
- Courtet P., Olie E., Debien C., Vaiva G. Keep socially (but not physically) connected and carry on: preventing suicide in the age of COVID-19 // Journal of Clinical Psychiatry. 2020. № 81(3):20 com13370. URL: <https://doi.org/10.4088/JCP.20com13370> (дата обращения: 16.02.2022).
- Garriga M., Agasi I., Fedida E., Pinzon-Espinosa J., Vazquez M., Pacchiarotti I., Vieta E. The role of Mental Health Home Hospitalization Care during the COVID-19 pandemic // Acta Psychiatrica Scandinavica. 2020. URL: <https://doi.org/10.1111/acps.13173> (дата обращения: 16.02.2022).
- Goyal K., Chauhan P., Chhikara K., Gupta P., Singh M. P. Fear of COVID 2019: first suicidal case in India! // Asian Journal of Psychiatry. 2020. № 49. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.101989> (дата обращения: 16.02.2022).
- Rossi R., Soggi V., Talevi D., Mensi S., Niolu C., Pacitti F., Di Marco A., Rossi A., Siracusano A., Di Lorenzo G. COVID-19 pandemic and lockdown measures impact on mental health among the general population in Italy. An N=18147 web-based survey. 2020. medRxiv preprint. URL: <https://doi.org/10.1101/2020.04.09.200578023> (дата обращения: 16.02.2022).
- Schwartz B. J. New Poll: COVID-19 Impacting Mental Well-Being: Americans Feeling Anxious, Especially for Loved Ones // APA News releases. March 25, 2020. URL: <https://www.psychiatry.org/newsroom/news-releases/new-poll-covid-19-impacting-mental-well-being-americans-feeling-anxious-especiallyfor-loved-ones-older-adults-are-less-anxious> (дата обращения: 16.02.2022).
- World Health Organization. Mental Health and Psychosocial Considerations During COVID-19 Outbreak. 2020: URL: <https://who.sprinklr.com/> (дата обращения: 16.02.2022).
- Xiang Y.-T., Yang Y., Li W., Zhang L., Zhang Q., Cheung T., Ng Ch. Timely mental health care for the 2019 novel coronavirus outbreak is urgently needed // The Lancet Psychiatry. 2020. № 7 (3). P. 228-229.

REFERENCES

- COVID-19 and the need to take measures to protect mental health: Analytical note.* https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_covid_and_mental_health_russian.pdf (In Russ.).
- Aleksandrovskij, Yu. A. (2020). Social stress disorder. *RMZh*, 3(11), 689–694 (In Russ.).

Dmitrieva, T. B., Volozhin, A. I., Aleksandrovskij, Yu. A., Kekelidze, Z. I., Kogan, B. M., Polozhij, B. S., Rummyantseva, G. M., Subbotin, Yu. K. (2001). *Social stress and mental health*. Moscow : Vserossijskij uchebno-nauchno-metodicheskij centr po nepreryvnomu medicinskomu i farmacevticheskomu obrazovaniyu. (In Russ.).

Healthy lifestyle. <https://4brain.ru/zozh/psy.php> (In Russ.).

Kekelidze, Z. I. (2001). Principles of psychological and psychiatric care in emergency situations. *Psychiatry and psychopharmacotherapy*, 3(4), 123–125. (In Russ.).

Kekelidze, Z. I. (2009). Diagnostic criteria for post-traumatic stress disorder. *Journal of Neurology and Psychiatry named after C. C. Korsakov*, 109(12), 4–7. (In Russ.).

Kochurov, M. G. (2020). Connection of coping strategies with the locus of control. *International Research Journal*, 1(91). Part 2, 40–43.

Mosolov, S. N. (2020). Actual tasks of the psychiatric service in connection with the COVID-19 pandemic. *Modern therapy of mental disorders*, 2. (In Russ.).

Mosolov, S. N. (2020). Mental health problems in the context of the COVID-19 pandemic. *Journal of Neurology and Psychiatry named after S.S. Korsakov*, 120(5), 7-15. <https://doi.org/10.17116/jnevro20201200517> (In Russ.).

Pervushina, O. N., Fedorov, A. A., Dorosheva, E. A. *Perception of COVID-19 in the context of tolerance to uncertainty* (2020). URL: <https://fp.nsu.ru/nauchnaya-deyatelnost/covid19/covid.php> (accessed: 02/16/2022). (In Russ.).

Mental Health // WHO. <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (In Russ.).

Rasskazova, E. I., Leontiev, D. A., Lebedeva, A. A. (2020). Pandemic as a challenge to subjective well-being: anxiety and coping. *Consultative psychology and psychotherapy*, 28(2), 90–108. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205> (In Russ.).

Sorokin, M. Yu., Kasyanov, E. D., Rukavishnikov, G. V., Makarevich, O. V., Neznanov, N. G., Lutova, N. B., Mazo, G. E. (2002). Psychological reactions of the population as a factor of adaptation to the COVID-19 pandemic. *Review of psychiatry and medical psychology named after V.M. Bekhterev*, 2, 87–94. (In Russ.).

Tkhostov, A. Sh., Rasskazova, E. I. (2020). Psychological content of anxiety and prevention in the situation of infodemia: protection from coronavirus or a «vicious circle» of anxiety? *Consultative psychology and psychotherapy*, 28(2), 70–89. (In Russ.).

Kholmogorova, A. B. (2020). Preface of the editor-in-chief. *Consultative psychology and psychotherapy*, 28(2), 5–7. URL: <https://psyjournals.ru/mpj/2020/n2/Kholmogorova.shtml> (accessed: 08/16/2020). (In Russ.).

Chistyakova, N. V., Frolova, P. S. (2020). Subjective control of behavior as a coping resource during the COVID-19 pandemic. *International Journal of Experimental Education*, 3, 53–57. (In Russ.).

Yakovleva, S. A. (2012). Features of coping behavior of high school students taking into account the locus of control. *Scientific notes of ZabGU. Series: Pedagogical Sciences*, 5, 259–263. (In Russ.).

Courtet, P., Olie, E., Debien, C., Vaiva, G. (2020). Keep socially (but not physically)

connected and carry on: preventing suicide in the age of COVID-19. *J Clin Psychiatry*, 81(3):20com13370. <https://doi.org/10.4088/JCP.20com13370>

Garriga, M., Agasi, I., Fedida, E., Pinzon-Espinosa, J., Vazquez, M., Pacchiarotti, I., Vieta, E. (2020). The role of Mental Health Home Hospitalization Care during the COVID-19 pandemic. *Acta Psychiatrica Scandinavica*. <https://doi.org/10.1111/acps.13173>

Goyal, K., Chauhan, P., Chhikara, K., Gupta, P., Singh, M. P. (2020). Fear of COVID 2019: first suicidal case in India! *Asian J Psychiatry*. 49, 101989. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.101989>

Rossi, R., Socci, V., Talevi, D., Mensi, S., Niolu, C., Pacitti, F., Di Marco, A., Rossi, A., Siracusano, A., Di Lorenzo, G. *COVID-19 pandemic and lockdown measures impact on mental health among the general population in Italy*. An N=18147 web-based survey. 2020. medRxiv preprint. <https://doi.org/10.1101/2020.04.09.200578023>

Schwartz B. J. New Poll: COVID-19 Impacting Mental Well-Being: Americans Feeling Anxious, Especially for Loved Ones. *APA News releases*. March 25, 2020. <https://www.psychiatry.org/newsroom/news-releases/new-poll-covid-19-impacting-mental-well-being-americans-feeling-anxious-especiallyfor-loved-ones-older-adults-are-less-anxious>

World Health Organization. (2020). *Mental Health and Psychosocial Considerations During COVID-19 Outbreak*. <https://who.sprinklr.com/>

Xiang, Y.-T., Yang, Y., Li, W., Zhang, L., Zhang, Q., Cheung, T., Ng, Ch. (2020). Timely mental health care for the 2019 novel coronavirus outbreak is urgently needed. *The Lancet Psychiatry*, 7(3), 228-229. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30046-82](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30046-82)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Васильевна Милаева — канд. психол. наук, доцент, старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Сыктывкар, Россия.

Tatiana V. Milaeva — Cand.Sci. (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS, Syktyvkar, Russia.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022;
одобрена после рецензирования 5.05.2022;
принята к публикации 10.05.2022.

The article was submitted 11.04.2022;
approved after reviewing 5.05.2022;
accepted for publication 10.05.2022.

Научная статья / Research Article

УДК 338:004

DOI: 10.14258/SSI(2022)2-08

Современный тренд развития экономики и общества: цифровое общество как особая стадия информационного общества

Марина Владимировна Жукова¹,
Данила Владимирович Крюков²

¹ Рубцовский институт (филиал)

Алтайского государственного университета, Рубцовск, Россия,
krukova@rb.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1074-6426>

² Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,
danila.kryukov.dev@yandex.ru

Аннотация. Актуальность предложенного в статье исследования обусловлена необходимостью изучения проблем цифрового общества как особой стадии информационного общества. Цифровизация пришла на смену информатизации и компьютеризации, является важным процессом, который влияет практически на все стороны жизни социума и оказывает непосредственное воздействие на формирование нового вида общества — цифрового. Анализ отечественной и зарубежной литературы в данной сфере позволил рассмотреть сущность цифровизации. В статье представлена интерпретация понятия «цифровизация» в узком и широком смысле. Обозначены предпосылки цифровизации на государственном уровне в России, на уровне отраслевой цифровизации, уровне отдельной компании и в обычной жизни граждан. Рассмотрены результаты исследований, посвященных анализу цифрового разрыва между регионами Российской Федерации и отдельными социально-профессиональными группами, готовности человека к внедрению цифровых технологий, а также изучению особенностей современного этапа развития цивилизации и социологической интерпретации цифрового общества и социологического портрета человека цифровой цивилизации. Авторы работы представили результаты собственного социологического исследования отношения населения к цифровизации. Данное исследование проведено методом анкетного опроса жителей городов и сельских поселений Алтайского края в возрасте от 17 до 75 лет ($n = 154$). Обработка эмпирических данных была проведена методом частотного анализа высказываний относительно различных аспектов отношения населения к цифровизации. В результате исследования были получены данные о доступности и особенностях использования населением интернета в домашних условиях, о цифровых навыках, об отношении населения к цифровизации и роботизации, которые представлены в сравнении со статистическими данными, отражающими уровень развития цифровой экономики в России. В заключение авторами подчеркивается

значимость исследований проблем цифрового общества как особой стадии информационного общества, обобщаются результаты частотного анализа высказываний населения Алтайского края в отношении цифровизации. Отмечается, что исследования проблематики цифрового общества как особенности современного этапа развития цивилизации позволяют не только расширить представления о цифровой реальности, но и оптимизировать процесс цифровой трансформации государства и общества и обеспечить безопасность в цифровом обществе.

Ключевые слова: информационное общество, цифровое общество, цифровая трансформация, цифровые технологии, роботизация, предпосылки цифровизации, преимущества и проблемы цифровизации

Для цитирования: Жукова М.В., Крюков Д.В. Современный тренд развития экономики и общества: цифровое общество как особая стадия информационного общества // Society and Security Insights. 2022. Т.5, № 2. С. 120–139. doi: 10.14258/ssi(2022)2-08.

Modern Trend in the Development of the Economy and Society: Digital Society as a Special Stage of the Information Society

Marina V. Jukova¹,
Danila V. Kryukov²

¹ Rubtsovsk institute (branch of) Altai State University, Rubtsovsk, Russia, krukova@rb.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1074-6426>

² Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, danila.kryukov.dev@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the need to study the problems of the digital society as a special stage of the information society. The article presents interpretations of the concept of digitalization. The prerequisites for digitalization are indicated. The results of studies of the digital divide between the regions of the Russian Federation and individual socio-professional groups, as well as the features of the current stage of the development of civilization and the sociological interpretation of the digital society, the sociological portrait of a person of digital civilization are considered. The results of a sociological study of the attitude of the population towards digitalization are presented. The study was conducted by the method of a questionnaire survey of residents of the Altai Territory aged 17 to 75 years (n = 154). Empirical data processing was carried out by the method of frequency analysis. The results of the study are presented in the article in comparison with statistical data reflecting the level of development of the digital economy in Russia. In conclusion, the article emphasizes the importance of research into the problems of the digital society, summarizes the results of a study of the opinion of the population of the Altai Territory regarding digitalization. It is noted that studies of the problems of the digital society make it possible to expand the understanding of digital reality and optimize the process of digital transformation of the state and society, to ensure security in the digital society.

Keywords: information society, digital society, digital transformation, digital technologies, robotization, prerequisites for digitalization, advantages and problems of digitalization

For citation: Jukova, M.V., Kryukov, D.V. (2022). Modern Trend in the Development of the Economy and Society: Digital Society as a Special Stage of the Information Society. *Society and Security Insights*, 5(2), 120–139. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-08.

Введение

Знание и информация становятся стратегическими потенциалами развития современного общества. Исследователи констатируют, что масштабы использования информационного ресурса сопоставимы с использованием традиционных ресурсов, а величина суммарных затрат на него имеет макроэкономическую значимость (Чернов, 2003). Индустрия информатизации на современном этапе развития человечества является наиболее динамично развивающейся сферой мировой экономики, способной конкурировать по доходности с топливно-энергетическим комплексом, автомобилестроением, производством сельскохозяйственной продукции (Шерстюк, 2005).

Данные трансформации происходят в результате совершенствования коммуникационных систем и способов использования космического пространства для передачи информации, а также интенсивного развития цифровых информационных и телекоммуникационных технологий, способствующих появлению мощных информационных потоков (связанных с созданием, распространением, использованием, интеграцией информации и манипулированием ей), выходящих за рамки национальных отношений и интернирующихся в мировое информационное пространство. Что, в свою очередь, придает принципиально новое качество информационному обмену и становится движущей силой социальных изменений в мире, особенно в таких экономических институтах, как торговля, финансы и трудовые отношения (а также в образовании, здравоохранении, культурной и политической жизни общества), способствует возможности оказывать значительное влияние на отношения как между отдельными лицами, так и между странами на мировом уровне.

В настоящий период осуществляется глобальный переход к цифровому формату представления информации. Цифровизация пришла на смену информатизации и компьютеризации, когда речь шла в основном об использовании вычислительной техники, компьютеров и информационных технологий для решения отдельных экономических задач (Жукова, 2018).

Под цифровизацией в узком смысле (Negroponte, 1995; Халин, Чернова, 2018) понимается преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей и т.д. Свойства информации, представленной в цифровом формате, — возможность использования разнообразных физических принципов ее представления, запоминания и передачи информации, в том числе возможность зашифровать сообщение, передать его в такой форме, а потом снова дешифровать; возможность передачи информации с использованием различных материальных носителей; копирование

и распространение информации без потери ее точности; многократное увеличение плотности ее записи и скорости передачи, а также «неуменьшение» и «неисчезновение» ее при потреблении. Поэтому ее алгебраические свойства способствовали созданию цифровых технологий, более эффективных по сравнению с аналоговыми.

Большое число конкретных преобразований информации в цифровую форму приводит к таким существенным положительным последствиям, которые обуславливают применение термина «цифровизация» в широком смысле: как переход к цифровой информации всех сторон экономической и социальной жизни. Цифровизация из простого метода улучшения разных частных сторон жизни превращается в драйвер мирового общественного развития. Большие возможности цифрового представления информации приводят к тому, что цифровизация формирует уже целостные технологические «среды обитания» (экосистемы, платформы), в рамках которых пользователь может создавать для себя нужное ему дружественное окружение (технологическое, инструментальное, методическое, документальное, партнерское и т.п.) с тем, чтобы решать уже целые классы задач.

Поэтому под цифровизацией в широком смысле понимается современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни людей путем увеличения скорости обмена, доступности и защищенности информации, а также возрастания роли автоматизации как базы цифровизации.

Однако следует отметить, что цифровизацию можно рассматривать как тренд эффективного мирового развития только в том случае, если цифровая трансформация информации отвечает следующим требованиям: она охватывает производство, бизнес, науку, социальную сферу и обычную жизнь граждан; сопровождается лишь эффективным использованием ее результатов; ее результаты доступны пользователям преобразованной информации; ее результатами пользуются не только специалисты, но и рядовые граждане; пользователи цифровой информации имеют навыки работы с ней (Халин, Чернова, 2018).

В эпоху глобальной цифровизации государство и его институты сталкиваются с объективной необходимостью включиться в этот процесс, так как он затрагивает практически все сферы жизнедеятельности социума и оказывает непосредственное влияние на формирование нового вида общества — цифрового.

Основополагающими документами цифровой трансформации российского общества и экономики являются «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 2032¹, и программа «Цифровая экономика Российской Федерации», принятая Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р².

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 N° 203. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1>.

² Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N°1632-р. URL: <http://government.ru/docs/28653/>.

К предпосылкам цифровизации на государственном уровне в России можно отнести: глобализацию экономики, стирающую границы национальных экономик; функционирование действующих и создание новых экономических зон и единого экономического пространства; активное развитие интернет-технологий; рост вычислительной мощности процессоров; повсеместное распространение мобильных устройств; глубокую интеграцию в жизнь социальных сетей; появление цифровых стартапов, с которыми «традиционным» и зачастую консервативным предприятиям приходится конкурировать; понимание необходимости цифровой трансформации как условия выживания в цифровом пространстве мировой экономики.

К тем возможностям, которые, в свою очередь, могут быть обеспечены государством для реализации этих предпосылок, можно отнести создание и/или совершенствование необходимой нормативно-правовой базы, участие государства в электронном взаимодействии со всеми субъектами, обеспечение одновременной цифровизации всего общества, предполагающей проникновение цифровых отношений на все уровни взаимодействия ее участников — от личных до государственных.

Предпосылками отраслевой цифровизации являются большой объем информации как основного отраслевого ресурса (например, в финансовом секторе, городском хозяйстве, ЖКХ), а также потребность в инновационных решениях, которые могут быть найдены на основе цифровой трансформации и могут привести к оптимизации бизнес-процессов в отрасли, сокращению расходов и появлению новых источников отраслевых доходов.

Общими предпосылками цифровизации на уровне отдельной компании в условиях конкурентной среды являются осознание и понимание со стороны руководства компании острой необходимости улучшения процессов производственно-хозяйственной деятельности, адаптации действующей бизнес-модели к новым условиям, видения ИКТ как фактически единственного способа повышения эффективности компании, повышения корпоративной культуры на базе цифровой трансформации. При этом существенной конкретной предпосылкой цифровизации на уровне компании (отдельной производственно-хозяйственной единицы) является электронное ведение хозяйственной деятельности.

К основной предпосылке цифровизации в обычной жизни граждан можно отнести использование персональных компьютеров и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Хотя уровень использования их в России ниже, чем в Европе, и серьезный разрыв в цифровых навыках между отдельными группами населения существует (Халин, Чернова, 2018).

Следует отметить, что, когда речь идет о готовности человека к внедрению цифровых технологий, это в первую очередь означает, что он согласен и (или) желает использовать предлагаемые ему цифровые решения и понимает, как это можно сделать, а во-вторых, чувствует безопасность и надежность при их использовании.

На основе микроданных Выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий

и информационно-телекоммуникационных сетей за 2016–2019 гг. проведено исследование, в ходе которого был проанализирован цифровой разрыв между регионами Российской Федерации и отдельными социально-профессиональными группами (Оценка цифровой готовности..., 2021).

Анализ цифровой готовности населения подтвердил наличие серьезного разрыва в уровнях цифровых компетенций, обусловленного как уровнем образования, возрастом, типом населенного пункта, так и частотой использования Интернета, уровнем материального состояния и принадлежностью к определенной социально-профессиональной группе.

В исследовании подчеркивается, что игнорирование уровней цифровой готовности и серьезного цифрового разрыва в России полностью нивелирует все инициативы и меры, которые предпринимаются сегодня Правительством Российской Федерации в целях цифровой трансформации государства и общества (Оценка цифровой готовности населения России, 2021).

В своей работе «Социология цифрового общества» Л. А. Василенко и Н. Н. Мещерякова рассматривают особенности современного этапа развития цивилизации (становление экономики суперумного общества 5.0) и возможности изучения цифрового общества, а также предпринимают попытку дать социологическую интерпретацию цифровому обществу и составить социологический портрет (описание основных социальных, ценностных, духовных, культурных и других личных качеств) человека цифровой цивилизации (*Homo digitals*) (Василенко, Мещерякова, 2021).

Л. А. Василенко и Н. Н. Мещерякова отмечают, что цифровое общество — это заключительный этап внедрения цифровых технологий. Цифровизация — механизм перехода постиндустриального общества в свою завершающую стадию — цифровое общество. Это этап гибридного общества, которое авторы понимают как взаимопроникновение виртуального и реального миров (Василенко, Мещерякова, 2021: 63).

Цифровое общество авторы видят как суперумное, соответствующее шестому технологическому укладу, характеризующееся трансгрессией виртуальных отношений в реальный социокультурный мир с умным использованием гибридного коллективного интеллекта (Василенко, Мещерякова, 2021: 64).

Этими учеными выделен ряд угроз, возникающих при развитии современных технологий. Это прежде всего потеря контроля над ними, использование во вред природе, обществу и человеку. Уже эмпирически фиксируются рост эксплуатации, безработица, возникновение новых форм неравенства и сужение социальной базы постиндустриального общества (Василенко, Мещерякова, 2021: 81–82). Авторы заключают, что смарт-общество — это общество нового типа неравенства, цифрового, когда обнаружится неспособность большинства направлять свои усилия и свободное время на приумножение собственного социального капитала (Василенко, Мещерякова, 2021: 85).

Л. А. Василенко и Н. Н. Мещерякова приходят к выводу, что цифровое общество не может быть внутренне однородным. По их мнению, в нем можно вычлени-

такие человекообразные подсистемы, как Digital User (цифровой пользователь), Digital Creator (цифровой создатель) и Digital Outsiders — оставшиеся вне цифровизации. На самом вершине этой новой социальной пирамиды, по мнению авторов, необходимо разместить Digital Owners — собственников онлайн-сервисов и компьютерных и программных компаний (Василенко, Мещерякова, 2021: 93).

С целью изучения отношения населения к цифровизации нами был проведен пилотажный социологический онлайн-опрос пользователей интернета. Исследование проводилось в ноябре и декабре 2021 г. Анкетирование позволило получить представление о доступности и особенностях использования населением интернета в домашних условиях, цифровых навыках, об отношении населения к цифровизации и роботизации.

Методы

В исследовании применялся метод количественного сбора данных с помощью онлайн-опроса пользователей интернета ($n = 154$, возраст опрошенных — 17–75 лет) при помощи стандартизированной анкеты. Полученные данные были проанализированы с использованием математико-статистического метода обработки информации (программа обработки SPSS 20.0) — частотного анализа. Использовался также метод сравнения (статистических данных, отражающих уровень развития цифровой экономики в России, и результатов проведенного нами исследования).

Результаты

Доступ к интернету в домашних условиях имеют 100% респондентов. Данный результат был получен после интернет-опроса, поэтому вероятность отсутствия доступа к интернету сведена к нулю. Согласно статистическим данным в России на 2019 г. доступ к интернету был на уровне 76,9%, а к широкополосному интернету — 73,6% (Цифровая экономика, 2021).

В результате опроса было выяснено, что в основном используются такие типы подключения к Интернету, как мобильный интернет (61,04%) и кабельное подключение (54,5%), а также в 21,4% случаев — USB-модемы и другие мобильные интернет-устройства; 12,3% — оптоволоконное подключение; 12,3% — цифровая абонентская линия; 5,2% — спутниковый интернет. Следует отметить, что коммутируемое соединение для подключения к Интернету респондентами не используется.

Используют интернет дома практически каждый день 89% респондентов, 9,1% опрошенных используют интернет дома еженедельно, а 0,6% — раз в месяц, 1,3% — иногда.

Респонденты отмечают, что для выхода в интернет чаще всего используют мобильные устройства (98,1%) и персональный компьютер (83,1%), а также смарт-телевизор (32,5%) и игровую консоль (8,4%).

Среди мобильных устройств наибольшую популярность получили мобильные телефоны (99,4%). Ноутбуки, нетбуки используют в 38,3% случаев, планшеты — 8,4%.

В статистическом сборнике (Цифровая экономика, 2021) отмечается, что по использованию мобильных устройств населением для выхода в интернет на первом месте — мобильный телефон (59,2%), на втором — ноутбуки, нетбуки (9,0%) и на третьем — планшет (7,0%).

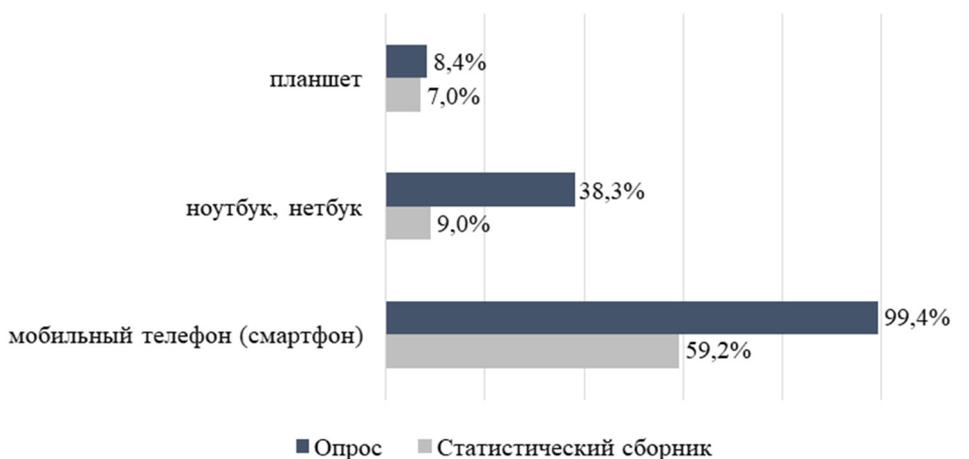

Рисунок 1 — Использование населением мобильных устройств для выхода в интернет, %.

Figure 1 — Use of mobile devices by the population to access the Internet, %.

Возможно, с течением времени с 2019 по 2021 г. мобильные телефоны, а также ноутбуки и нетбуки приобрели наибольшую популярность, что наблюдается в разнице процентной представленности данных по использованию мобильных устройств (рис. 1).

По мнению респондентов, распространение использования интернета сдерживают такие факторы, как отсутствие необходимости, которое проявляется в нежелании пользоваться интернетом (43,5%), отсутствие технической возможности подключения (39,6%), недостаток навыков для работы в интернете (39,0%), высокие затраты на подключение (34,4%), а также соображения безопасности и конфиденциальности (24,7%).

В статистическом сборнике (Цифровая экономика, 2021) отмечается, что население чаще указывает в качестве факторов, сдерживающих развитие интернета, отсутствие необходимости, которое проявляется в нежелании пользоваться интернетом (74,0%), и недостаток навыков для работы в интернете (32,9%). Остальные факторы: высокие затраты на подключение (15,3%), отсутствие технической возможности подключения (4,8%), соображения безопасности и конфиденциальности (3,4%) — указываются в редких случаях.

Следует отметить, что в обоих исследованиях наибольшее значение набирают такие факторы, как отсутствие необходимости (нежелание пользоваться, нет интереса) и недостаток навыков для работы в интернете (рис. 2).

Рисунок 2 — Факторы, сдерживающие использование интернета населением, %.

Figure 2 — Factors hindering the use of the Internet by the population, %.

В большинстве случаев опрошиваемые отмечали, что обладают следующими навыками: копирование или перемещение файла или папки (88,3%); работа с текстовым редактором (85,7%); отправка электронной почты с прикрепленными файлами (84,4%); использование инструмента копирования и вставки в документе (78,6%); создание электронных презентаций с использованием специальных программ (66,9%); передача файлов между компьютером и периферийными устройствами (66,2%); работа с электронными таблицами (65,6%); подключение и установка новых устройств (60,4%); использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов (60,4%).

Реже были отмечены такие навыки, как поиск, загрузка, установка и настройка программного обеспечения (50,6%); установка новой или переустановка операционной системы (31,2%) и самостоятельное написание программного обеспечения с использованием языков программирования (18,8%).

Сравнивая полученные нами результаты с данными статистического сборника (Цифровая экономика, 2021), следует отметить, что аналогично населением обозначались чаще всего следующие навыки: работа с текстовым редактором (40,4%); отправка электронной почты с прикрепленными файлами (39,7%); копирование или перемещение файла или папки (36,3%); передача файлов между компьютером и периферийными устройствами (31,0%); использование инструмента копирования и вставки в документе (24,9%); работа с электронными таблицами (22,0%); использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов (21,9%); подключение и установка новых устройств (15,3%); создание электронных презентаций с использованием специальных программ (9,0%).

Реже населением отмечаются такие навыки, как поиск, загрузка, установка и настройка программного обеспечения (5,8%); установка новой или переустановка операционной системы (2,9%) и самостоятельное написание программного обеспечения с использованием языков программирования (1,2%).

Рисунок 3 — Цифровые навыки населения, %.

Figure 3 — Population digital skills, %.

Следует отметить, что в обоих вариантах исследований чаще отмечаются населением навыки, характерные для пользователей, реже — навыки профессионального порядка (рис. 3).

Чуть более половины респондентов (52,6%) полностью поддерживают цифровизацию, 43,2% респондентов в большей степени склоняются к положительной оценке цифровизации. Незначительная часть (3,2%) респондентов отмечают негативное отношение к цифровизации.

В большей степени респондентам знакомы такие направления цифровизации, как виртуальная реальность (66,2%); 3D-моделирование и 3D-печать (61,7%); интернет вещей (53,2%); робототехника (50%), технологии искусственного интеллекта (46,8%). В меньшей — автоматизация процессов с минимизацией участия человека (38,3%); дополненная реальность (35,7%) и технологии машинного обучения (27,9%).

Большая часть опрошенных дают оценку преимуществ цифровизации как значимые и очень значимые. Так, возможность получения услуги в любое

время и в любом месте оценивается как значимое преимущество 29,9% респондентов и очень значимое преимущество — 37,0% респондентов. Сокращение финансовых затрат (на поездки, оплату услуг) — 34,4% и 24,7% соответственно. Повышение качества предоставляемых услуг — 29,9% и 24,7%. Экономия времени — 33,8% и 23,4%. Активизация граждан в контроле за качеством услуг — 23,4% и 23,4% (рис. 4).

Рисунок 4 — Оценка респондентами преимуществ цифровизации, %.

Figure 4 — Respondents' assessment of digitalization benefits, %.

Большая часть опрошиваемых считают проблемы цифровизации важными: риск утечки персональных данных оценивают как значимую проблему 35,7% и очень значимую — 26,6%; усиление контроля со стороны государства — и да и нет — 18,8%, значимую — 26,6%, очень значимую — 27,3%; неприкосновенность частной жизни — значимую — 29,9%, очень значимую — 29,9%; безопасность людей не только в сети Интернет, но и за ее пределами — значимую — 29,9%, очень значимую — 30,5%.

Стоит отметить, что проблема отсутствия навыков, позволяющих использовать цифровые технологии, для половины респондентов явилась либо неважной, либо незначительной: 16,9% респондентов считают ее совсем незначимой, 16,2% — незначимой, 16,2% — и да и нет (рис. 5).

Большая часть опрошенных отмечают, что в своей повседневной жизни используют следующие цифровые технологии: онлайн-покупки — 73,4% респондентов; в здравоохранении (медицинские информационные системы, приложение для Территориального центра медицины катастроф) — 61,7%; образовательные техно-

логии (дистанционные образовательные технологии) — 54,5%; онлайн-кинотеатр, спектакль и т.п. — 54,1%; удаленный формат работы (видео- или телеконференции, виртуальная АТС, электронный документооборот, CRM-система, корпоративный файловый сервер и т.д.) — 51,3%; предоставление госуслуг — 51,3%.

В меньшей степени отмечается использование таких цифровых технологий, как голосовой помощник (Amazon Echo, Alexa, «Алиса», Google Home) — 46,1%; бытовая техника со смарт-функциями (например, умные кофеварки, холодильники, стиральные машины, пылесосы, кондиционеры, телевизоры и т.д.) — 32,5%; чат-бот — 28,6%; онлайн-тренировки (например, система Smart Fitness) — 27,3%; программно-аппаратный комплекс домашней автоматизации (умный дом) — 13,6%.

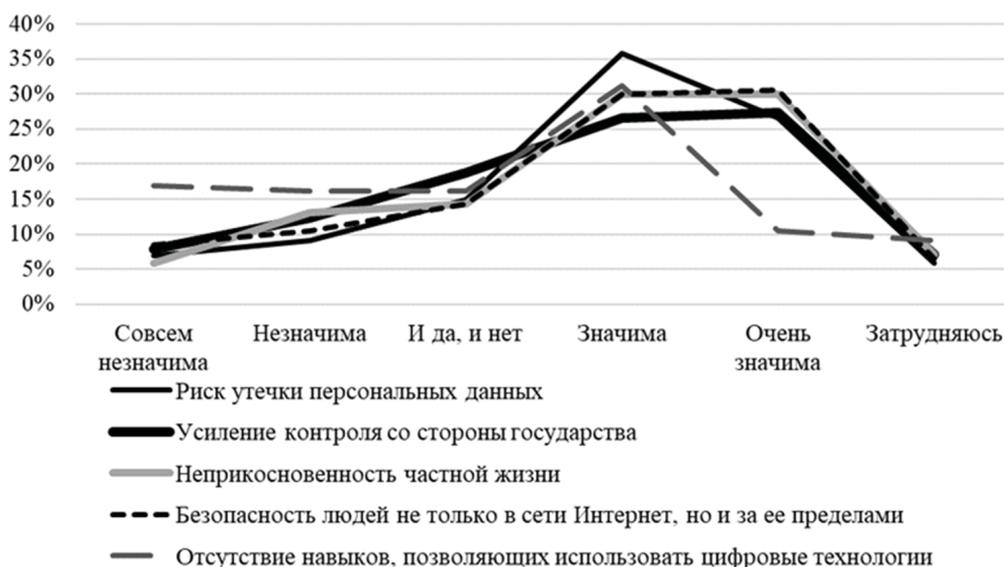

Рисунок 5 — Оценка респондентами проблем цифровизации, %.

Figure 5 — Respondents' assessment of digitalization problems, %.

Почти половина респондентов высказывает мнение, что робот может лишь частично заменить человека (49,4%), 22,1% респондентов отмечают, что роботы могут заменить человека по большей части, а 13,6% — ни в какой степени.

На вопрос, является ли робот благом для человека, 39% опрошенных считают, что является; 36,4% затруднились ответить, а 24,7% — заявили, что не является.

Респонденты не дают однозначной оценки появлению роботов в своей жизни. Только 34,4% опрошенных дают высокую оценку, придерживаясь позиции, что роботы являются благом для человечества. Половина респондентов (52,6%) заняла срединную позицию, роботы могут стать благом для человечества, но могут создать угрозу для безопасности человека, 13% респондентов склоняются к позиции, что широкое использование роботов создает угрозу для безопасности человека.

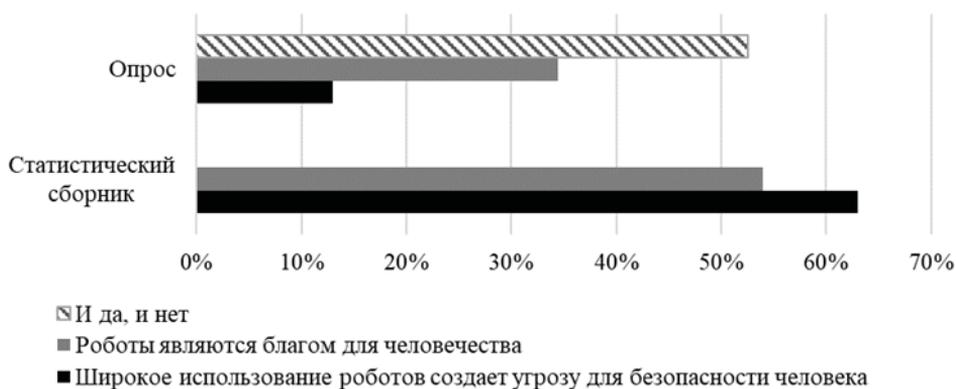

Рисунок 6 — Восприятие населением роботов, %.

Figure 6 — Public perception of robots, %.

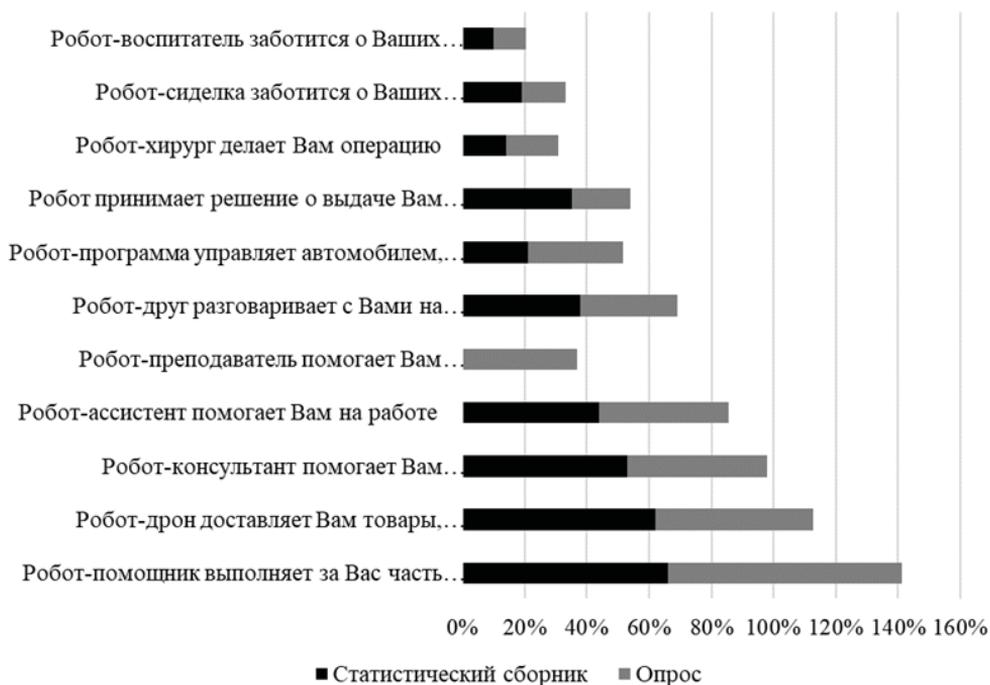

Рисунок 7 — Отношение населения к использованию роботов, %.

Figure 7 — Attitude of population towards the use of robots, %.

Рисунок 8 — Оценка населением роли роботов на рынке труда.

Figure 8 — Population's assessment of the role of robots in the labor market.

В статистическом сборнике (Цифровая экономика, 2021) отмечается, что население в большей степени придерживается мнения о том, что использование роботов может создать угрозу для безопасности человека (63%), а 54% считают роботов благом для человечества. Нами обозначается неоднозначная позиция оценки роботов между благом и угрозой безопасности человечеству. Однако в нашем исследовании респонденты в большей степени склоняются к более позитивному восприятию роботов, а в статистическом сборнике — негативному (рис. 6).

По мнению большинства респондентов в проведенном опросе, роботы могут быть использованы как: робот-помощник, который выполняет за вас часть домашних дел (75,3%); робот-дрон, который доставляет вам товары, покупки из магазина (50,6%).

Многими респондентами отмечались также следующие варианты использования роботов: робот-консультант помогает вам разобраться в юридических вопросах (44,8%); робот-ассистент помогает вам на работе (41,6%); робот-преподаватель помогает вам освоить образовательную программу (37,0%); робот-друг разговаривает с вами на интересную вам тему (31,2%); робот-программа управляет автомобилем, в котором вы едете (30,5%).

Реже всего респондентами выбирались такие варианты использования роботов, как: робот принимает решение о выдаче вам кредита (18,8%); робот-хирург делает вам операцию (16,9%); робот-сиделка заботится о ваших пожилых родителях (14,3%); робот-воспитатель заботится о ваших детях в детском саду (10,4%).

Согласно данным статистического сборника (Цифровая экономика, 2021) респонденты чаще всего отмечали, что чувствовали бы себя комфортно в следу-

ющих ситуациях: робот-помощник выполняет за вас часть домашних дел (66%); робот-дрон доставляет вам товары, покупки из магазина (62%).

Многими респондентами отмечались и такие варианты: робот-консультант помогает вам разобраться в юридических вопросах (53%); робот-ассистент помогает вам на работе (44%); робот-друг разговаривает с вами на интересную вам тему (38%); робот принимает решение о выдаче вам кредита (35%).

Реже всего респондентами выбирались такие ситуации, как: робот-программа управляет автомобилем, в котором вы едете (21%); робот-сиделка заботится о ваших пожилых родителях (19%); робот-хирург делает вам операцию (14%); робот-воспитатель заботится о ваших детях в детском саду (10%) (рис. 7).

Несмотря на то что, согласно данным статистического сборника, в большей степени фиксируется негативное восприятие роботов, следует отметить готовность населения (по данным обоих исследований) к взаимодействию с роботами в качестве домохозяек и курьеров. Однако в обоих исследованиях фиксируется недоверие к роботам при взаимодействии их с близкими (престарелыми родителями и детьми), а также в ситуациях, связанных с личной безопасностью (управление автомобилем, хирургическая операция, выдача кредита), т.е. в ситуациях, связанных с риском и отсутствием полного контроля за действиями робота.

При оценке роли роботов на рынке труда респондентами были даны следующие ответы: 44,2% респондентов считают, что роботы необходимы, так как они могут выполнять работу, которая слишком тяжела или опасна для человека; 27,9% респондентов высказывают мнение, что благодаря использованию роботов многие нынешние профессии могут исчезнуть; 8,4% респондентов заявляют, что роботы скоро заменят людей на большинстве рабочих мест; 19,5% респондентов присоединились к вышеперечисленным вариантам ответов.

В статистическом сборнике (Цифровая экономика, 2021) аналогично в качестве самого популярного ответа представлен: роботы необходимы, так как они могут выполнять работу, которая слишком тяжела или опасна для человека (89%); далее — благодаря использованию роботов многие нынешние профессии могут исчезнуть (74%); и реже выбирается ответ, что роботы скоро заменят людей на большинстве рабочих мест (55%) (рис. 8).

Согласно результатам обоих исследований, население считает, что роботы необходимы прежде всего для выполнения работы, которая слишком тяжела или опасна для человека. Конечно, данная потребность, по мнению населения, может привести к изменениям на профессиональном рынке. В связи с этим у части населения есть страхи, связанные с полной заменой людей роботами и отсутствием понимания образа жизни и предназначения людей в данной ситуации.

Заключение

Исследование проблем цифрового общества как особой стадии информационного общества является актуальным направлением современной социологической науки. Значимость изучения данного феномена повышается в условиях инновационного этапа развития экономики современного российского общества.

В настоящее время проводятся исследования в области оценки цифровой готовности населения, изучения отношения населения к цифровизации, предпринимаются попытки дать социологическую интерпретацию цифровому обществу и составить социологический портрет человека цифровой цивилизации.

В проведенном нами исследовании по изучению отношения населения к цифровизации были получены следующие выводы:

1. Подавляющее число опрошенных используют интернет дома практически каждый день.
2. Широко распространены такие типы подключения к Интернету, как мобильный интернет и кабельное подключение. Иногда используются USB-модемы, редко — оптоволоконное подключение, цифровая абонентская линия и спутниковый интернет.
3. Для выхода в интернет используются мобильные устройства (в основном мобильные телефоны, редко — ноутбуки, нетбуки, иногда — планшеты) и персональный компьютер. Также в отдельных случаях используются смарт-телевизор и игровая консоль.
4. Распространение использования интернета прежде всего сдерживают такие факторы, как отсутствие необходимости (проявляется в нежелании пользоваться интернетом), отсутствие технической возможности подключения и недостаток навыков для работы в интернете.
5. Население в большинстве случаев владеет навыками уровня пользователя (копирование или перемещение файла или папки; работа с текстовым редактором; отправка электронной почты с прикрепленными файлами; использование инструмента копирования и вставки в документе; создание электронных презентаций с использованием специальных программ; передача файлов между компьютером и периферийными устройствами; работа с электронными таблицами; подключение и установка новых устройств; использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов). В отдельных случаях — навыками профессионального порядка (поиск, загрузка, установка и настройка программного обеспечения; установка новой или переустановка операционной системы и самостоятельное написание программного обеспечения с использованием языков программирования).
6. Отмечается положительное отношение к цифровизации. Хорошо знакомы следующие направления цифровизации: виртуальная реальность; 3D-моделирование и 3D-печать; интернет вещей; робототехника и технологии искусственного интеллекта.
7. Таким преимуществам цифровизации, как возможность получения услуги в любое время и в любом месте, сокращение финансовых затрат (на поездки, оплату услуг), повышение качества предоставляемых услуг, активизация граждан в контроле за качеством услуг, дается оценка как значимые и очень значимые.
8. Проблемы цифровизации (риск утечки персональных данных; усиление контроля со стороны государства; неприкосновенность частной жизни; безопасность людей не только в сети Интернет, но и за ее пределами) оцениваются

как значимые и очень значимые. Исключением является проблема отсутствия навыков, позволяющих использовать цифровые технологии, — она является либо неважной, либо незначительной.

9. В повседневной жизни используются следующие цифровые технологии: онлайн-покупки; медицинские информационные системы; дистанционные образовательные технологии; онлайн-кинотеатр, спектакль и т.п.; удаленный формат работы (видео- или телеконференции, виртуальная АТС, электронный документооборот, CRM-система, корпоративный файловый сервер и т.д.); дистанционное предоставление госуслуг.

В меньшей степени используются такие цифровые технологий, как голосовой помощник (Amazon Echo, Alexa, «Алиса», Google Home); бытовая техника со смарт-функциями (например, умные кофеварки, холодильники, стиральные машины, пылесосы, кондиционеры, телевизоры и т.д.); чат-бот; онлайн-тренировки (например, система Smart Fitness); программно-аппаратный комплекс домашней автоматизации (умный дом).

10. В большей степени роботы позитивно воспринимаются населением. Комфортными считаются следующие ситуации: робот-помощник выполняет за вас часть домашних дел; робот-дрон доставляет вам товары, покупки из магазина.

Допустимы следующие ситуации: робот-консультант помогает вам разобраться в юридических вопросах; робот-ассистент помогает вам на работе; робот-преподаватель помогает вам освоить образовательную программу; робот-друг разговаривает с вами на интересную вам тему; робот-программа управляет автомобилем, в котором вы едете.

Фиксируется недоверие к роботам в таких ситуациях, когда робот принимает решение о выдаче вам кредита; робот-хирург делает вам операцию; робот-сиделка заботится о ваших пожилых родителях; робот-воспитатель заботится о ваших детях в детском саду.

11. Широко распространено мнение, что роботы необходимы прежде всего для выполнения работы, которая слишком тяжела или опасна для человека. Данная потребность, по мнению населения, может привести к изменениям на профессиональном рынке. В связи с этим у части населения есть страхи, связанные с полной заменой людей роботами и отсутствием понимания образа жизни и предназначения людей в данной ситуации.

В заключение следует отметить, что цифровизация является следующим шагом развития цивилизации. Осуществляется всеобщая трансляция мысли, что цифровой формат представления информации направлен на повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни населения. Пока нам сложно представить цифровую реальность. Поэтому исследования в данной области актуальны и необходимы, чтобы предусмотреть меры по осуществлению безболезненной цифровой трансформации государства и общества и обеспечению безопасности в цифровом обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н. Социология цифрового общества : монография. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2021. 226 с.

Жукова М. В. Информационная безопасность: понятие и правовая основа ее обеспечения в глобальном информационном обществе // Коммуникация в современном мире : монография. Рубцовск, 2018. 175 с.

Кудрявцева Т. Ю., Кожина К. С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. № 3 (44). С. 149–151.

Оценка цифровой готовности населения России: докл. к XXII Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Н. Е. Дмитриева (рук. авт. кол.), А. Б. Жулин, Р. Е. Артамонов, Э. А. Титов. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 86 с.

Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия СПбГЭУ. 2018. №4 (112). С. 16–24.

Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения : монография. Нижний Новгород : Профессиональная наука, 2018. 131 с.

Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. №10 (118). С. 46–63.

Хомякова С. С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне // Молодой ученый. 2019. № 41 (279). С. 9–12.

Цифровая экономика: 2021 : краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг и др. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 124 с.

Цифровая экономика : коллективная монография / И. А. Павлинов, Л. К. Скодорова, Е. И. Павлинова и др. Рыбница : ПГУ, 2019. 260 с.

Цифровизация экономических систем: теория и практика : монография / под ред. А. В. Бабкина. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. 796 с.

Чернов А. А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы М.: Дашков и К°, 2003. 232 с.

Шерстюк В. П. МГУ: научные исследования в области информационной безопасности // Информационное общество. 2005. №1 С. 37–45.

Юдина Т. Н. Цифровизация как тенденция современного развития экономики Российской Федерации: Pro y contra // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. №3. С. 139–143.

Gobble M. M. Digital Strategy and Digital Transformation // Research Technology Management. 2018. Vol. 68, no. 5. P. 66–71.

Negroponte N. Being Digital. NY : Knopf, 1995.

REFERENCES

- Vasilenko, L. A., Meshcheryakova, N. N. (2021). *Sociology of the digital society: monograph*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. (In Russ.).
- Zhukova, M. V. (2018). Information security: the concept and legal basis for its provision in the global information society. In: *Communication in the modern world: monograph*. Rubtsovsk. (In Russ.).
- Kudryavtseva, T. Yu., Kozhina, K. S. (2021). Basic concepts of digitalization. *Vestnik Akademii znaniy*, 3(44), 149–151. (In Russ.).
- Dmitrieva, N. E., Zhulin, A. B., Artamonov, R. E., Titov, E. A. (Eds.) (2021). *Assessment of digital readiness of the population of Russia: report. to XXII Apr. intl. scientific conf. on Problems of Development of the Economy and Society, Moscow, 13–30 April. 2021*. Moscow: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki. (In Russ.).
- Plotnikov, V. A. (2018). Digitalization of production: theoretical essence and prospects for development in the Russian economy. *Izvestiya SPbGEU*, 4(112), 16–24. (In Russ.).
- The development of the digital economy in Russia as a key factor in economic growth and improving the quality of life of the population: monograph (2018)*. Nizhny Novgorod: Professional'naya nauka. <http://scipro.ru/conf/DigitalEconomy.pdf>. (In Russ.).
- Khalin, V. G., Chernova, G. V. (2018). Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 10(118), 46–63. (In Russ.).
- Khomyakova, S. S. (2019). Transformation and consolidation of the term „digitalization“ at the legislative level. *Molodoj uchenyj*, 41(279), 9–12. (In Russ.).
- Abdrakhmanova, G. I., Vishnevsky, K. O., Gohberg, L. M. et al. (Eds.) (2021). *Digital economy: 2021: a brief statistical collection*. Moscow: NIU VShE. (In Russ.).
- Pavlinov, I. A., Skodorova L. K., Pavlinova E. I. (2019). *Digital economy: Collective monograph*. Rybnitsa: PGU. (In Russ.).
- Babkin, A. V. (Ed.). (2020). *Digitization of economic systems: theory and practice: monograph*. St. Petersburg: POLYTECH-PRESS. (In Russ.).
- Chernov, A. A. (2003). *Formation of the global information society: problems and prospects*. Moscow.: Dashkov and Co. (In Russ.).
- Sherstyuk, V. P. (2005). MSU: scientific research in the field of information security. *Informacionnoe obshchestvo*, 1, 37–45. (In Russ.).
- Yudina, T. N. (2017). Digitalization as a trend in the modern development of the economy of the Russian Federation: Pro y contra. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 3, 139–143. (In Russ.).
- Gobble, M. M. (2018). Digital Strategy and Digital Transformation. *Research Technology Management*, 68(5), 66–71. <https://doi.org/10.1080/08956308.2018.1495969>.
- Negroponte, N. (1995). *Being Digital*. NY: Knopf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Марина Владимировна Жукова — канд. социол. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и права Рубцовского филиала Алтайского государственного университета, г. Рубцовск, Россия.

Marina V. Jukova — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of State and Municipal Management and Law, Rubtsovsk Institute (Branch) of the Altai State University, Rubtsovsk, Russia.

Данила Владимирович Крюков — студент, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.

Danila V. Kryukov — student, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 07.05.2022;
одобрена после рецензирования 25.05.2022;
принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 07.05.2022;
approved after reviewing 25.05.2022;
accepted for publication 01.06.2022.

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

Научная статья / Research Article

УДК 316.3

DOI: 10.14258/SSI(2022)2-09

Зарубежный опыт обеспечения равенства полов: социально-правовое исследование

Юлия Владимировна Головинова

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия,
yu.golovinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8493-2902>

Аннотация. Статья посвящена выявлению зарубежного позитивного опыта стран Северной Европы в конструировании социальной политики гендерного равноправия. На основе привлечения к текстологическому контент-анализу широкой нормативно-правовой базы, в которой закрепляются механизмы обеспечения принципа равенства полов, автор отмечает многогранность и системность в составлении стратегий и направлений политики и социальной практики равноправия мужчин и женщин. Автором акцентируется, что, в частности, в Финляндии минимизация и выравнивание гендерной асимметрии поддерживается национальной системой квотирования. Такой подход направлен на всестороннее обеспечение нейтральной гендерной конфигурации социальных практик. Подобная гуманистическая траектория политики гендерного равенства находит закрепление на уровне специального законодательства. В публикации установлено, что на основе как императивных, так и диспозитивных начал в данной группе стран была принята и эффективно реализуется целая система антидискриминационного законодательства. Путем

учреждения специальных органов публичной власти в Норвегии, Финляндии, Исландии и Швеции полноценно обеспечиваются государственные гарантии принципа гендерного равноправия.

Ключевые слова: гендерное равенство, права человека, социум, государственные гарантии, Северная Европа

Для цитирования: Головинова Ю.В. Зарубежный опыт обеспечения равенства полов: социально-правовое исследование // *Society and Security Insights*. 2022. Т. 5, № 2. С. 140–148. doi: 10.14258/ssi(2022)2-09.

Foreign Experience in Ensuring Gender Equality: Social and Legal Research

Yuliya V. Golovinova

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia,
yu.golovinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8493-2902>

Abstract. The article is devoted to identifying the foreign positive experience of the Nordic countries in the construction of a social policy of gender equality. Based on the involvement of a wide regulatory framework in textual content analysis, which consolidates the mechanisms for ensuring the principle of gender equality, the author emphasizes the versatility and consistency in the development of strategies and policies and social practices for equal rights for men and women. The author emphasizes that, in particular, in Finland, the minimization and leveling of gender asymmetry is supported by the national quota system. This approach is aimed at comprehensively ensuring a gender-neutral configuration of social practices. Such a humanistic trajectory of the policy of gender equality finds consolidation at the level of special legislation. The publication found that guided by both imperative and dispositive principles in this group of countries, a whole system of anti-discrimination legislation was adopted and is being effectively implemented. Through the establishment of special public authorities in Norway, Finland, Iceland and Sweden, state guarantees of the principle of gender equality are fully ensured.

Keywords: gender equality, human rights, society, state guarantees, Northern Europe

For citation: Golovinova Yu. V. (2022). Foreign Experience in Ensuring Gender Equality: Social and Legal Research. *Society and Security Insights*, 5(2), 140–148. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-09.

Введение

В настоящее время проблематика гендерного равенства не перестает терять своей актуальности. Надо признать, что обеспечение социальных механизмов реализации прав человека в современной России может быть эффективным только в условиях, удовлетворяющих интересам всех субъектов правоотношений, в том

числе независимо от половой принадлежности. Разумеется, отечественной правовой и социальной системе присуща конструкция полного гендерного равноправия. Вместе с тем сложившиеся стереотипы в рамках российского правосознания, в фокусе прежде всего прав женщин, и иные преграды создают проблемы на пути полноценного равенства полов в каждой сфере общественной жизни. В этом отношении как эталонный и признанный, по мнению подавляющего большинства исследователей, стоит рассматривать опыт западных стран.

Единого мнения относительно определения гендерного равенства не закреплено на универсальном уровне, и исходя из положений отечественного и зарубежного права под гендерным равенством следует понимать закрепление и реализацию равных прав, свобод, обязанностей и возможностей мужчин и женщин во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

В рамках теории права и гендерной социологии наблюдается активная дискуссия о сущности и способах обеспечения принципа гендерного равноправия (Клецина, 2013; Поленина, 2014). Одинаковые возможности для представителей обоих полов выступают общепринятой парадигмой равенства мужчины и женщины. В правовом смысле главным элементом конструкции фактического и формально-юридического равенства является обеспечение условий, при которых женщины и мужчины будут беспрепятственно сосуществовать в абсолютно каждой сфере общественного бытия (Воронина, 2004). Концептуально важным в этом контексте видится идеал социального партнерства представителей обоих полов. Данный концепт должен выражать равный личный статус, от чего напрямую зависит успешная реализация правового и социального положения каждого пола (Бутакова, 2009).

В свою очередь, понятие «гендерное равенство» в социологическом ракурсе все чаще понимается как конструкт как раз той самой гармонизации данных партнерских взаимоотношений представителей каждого пола. В социально-правовом контексте равноправие немислимо без инициации потенциала реализации всех возможных социальных ролей. На уровне общественного сознания это также должно выражаться в совокупности гуманистических ценностей и адекватной оценке самим социумом гендерных статусов.

Методология исследования

Чтобы оценить и понять позитивный опыт европейских государств в деле социально-правового обеспечения равенства полов, в исследовании был применен междисциплинарный подход. Подобный инструментарий в рамках настоящей работы основан на синтезе методологии гендерной социологии и формально-юридической методологии. Настоящее исследование также базируется на идеалах социального конструктивизма, с его ориентацией на определение мужчин и женщин как гетерогенных групп со значимыми гендерными различиями. Вместе с тем в исследовании широко применялся метод текстологического контент-анализа зарубежных нормативных актов.

Результаты и их обсуждение

Поистине впечатляющих результатов в деле эффективного развития и реализации социальной политики гендерного равенства демонстрирует опыт государств Северной Европы.

Примечателен опыт гендерной социальной политики в Финляндии, основанный на платформе нейтральности. Схожесть социального положения и идентичные по сути своей социальные роли женщин и мужчин составляют так называемую гендерную нейтральность. Создание и воплощение в жизнь фактического и верифицируемого равноправия разных полов в этой североευропейской стране обеспечивается грандиозным комплексом государственно-правовых гарантий и юридических механизмов. Законодатель Финляндии учредил даже специальный нормативный акт с говорящим наименованием — Закон о гендерном равноправии. Принятый в 1987 г., этот документ закрепил абсолютный запрет всякого рода дискриминационных проявлений по гендерному признаку. Последовательно реализуя политику равенства полов, финны учредили Министерство социального обеспечения и здравоохранения, к полномочиям которого отнесли составление, инициацию и разработку поправок к законодательству о равноправии. Данный орган государственной власти с 2000 г. приобрел тем самым статус контрольного и обеспечивающего ведомства в реализации и развитии стратегий равенства мужчин и женщин. Кроме того, и судебная власть в Финляндии активно задействована в защите гендерного равноправия. Как следует из учредительных актов Суда справедливости Финляндии, обеспечение механизмов планомерной и всесторонней защиты равенства женщин и мужчин — это прямая обязанность председателя данного судебного органа. Однако финские граждане не часто прибегают к судебным тяжбам по вопросам гендерной асимметрии. В суд поступает незначительное количество исковых заявлений о правонарушениях дискриминирующего характера. Любопытно, что чаще всего население финского государства готово обращаться за защитой своих прав к омбудсмену при правительстве (Королева, 2012).

Стоит особо отметить, что на примере Финляндии минимизация и выравнивание гендерной асимметрии поддерживается национальной системой квотирования. Такой подход направлен на всестороннее обеспечение нейтральной гендерной конфигурации социальных практик. Подобная гуманистическая траектория политики гендерного равенства находит закрепление на уровне специального законодательства. В положениях Закона о равенстве установлено, что государственные органы, комиссии и комитеты, консультационные советы считаются правомочными в своих действиях, если в их состав входит не менее 40% женщин или же 40% мужчин. Сложившаяся гендерная конфигурация распространяется также и на уровень местного самоуправления, исключение могут составлять лишь муниципальные советы. Как видно, механизмы обеспечения политики гендерного равноправия в данном государстве носят комплексный характер. Успехи в реализации принципа равенства полов вполне могут быть объяснимы обстоятельствами объективного порядка. Сюда можно отнести

традиции, благоприятную социально-экономическую обстановку и собственно историю.

Так, в условиях развития техники, технологий и производства периода Второй мировой войны в Европе по вынужденным причинам женщины активно задействовались в производственных процессах. Это было обусловлено тем, что девушки выполняли традиционно «мужскую» работу, и причиной тому является массовый уход мужчин на фронт (Какителашвили, 2016). Ситуация с привлечением женского пола в процессы производства сохранялась также и в послевоенный период, вплоть до 1960-х гг. — до так называемого периода экономического роста. В таких условиях женщинам приходилось совмещать свои семейные обязанности с трудовыми обязательствами. Как следствие, представительницы женского пола фактически предложили мужчинам разделить с ними часть их обязательств, и государства Европы предприняли в этом направлении целый ряд серьезных реформаторских шагов. Блок реформ подобного направления пришелся на 1970-е гг. когда правительства большинства северных европейских стран провозгласили поддержку семьи, что выражалось во внедрении в практику института поочередного использования родителями отпуска по уходу за ребенком. В этом смысле Норвегия оказалась одной из самых последовательных стран. В 1990-х гг. здесь была реализована практика предоставления отцам четырехнедельного отпуска по уходу за ребенком. Кстати, этим правом воспользовались около 80% мужского населения страны (Штылева, 2011; Лошакова, 2011). В конечном счете все эти меры привели женщин к экономической максимальной независимости от мужчин, что, в свою очередь, минимизировало проявления дискриминации.

Позитивный опыт борьбы с дискриминирующими факторами свойствен современной Швеции. Само понятие «дискриминация» ясно сформулировано и определено на уровне нормативного регулирования. Шведский законодатель конкретизирует также проявления и формы дискриминирующих действий. Конструктивно определяя состав противоправного деяния — дискриминации, шведы его рассматривают сквозь призму парадигмы равноправия. В целом дискриминация как раз и понимается как непосредственное посягательство на концепт равенства полов.

Подход к равноправию в шведском государстве основан на выявлении абстрактной и конкретной формы равенства полов. Интерес представляет именно абстрактное равенство, под которым понимается система социальных и политических практик применения буквы закона совершенно одинаково по отношению как к женщинам, так и к мужчинам. Очевидно, что данная конструкция лежит на платформе правовой государственности и очень хорошо вписывается в призмат верховенства закона.

Конкретное же равенство предполагает применение нормы права только с учетом всех обстоятельств каждой личности, так как возможны дискриминационные проявления в тех случаях, когда норма права применяется одинаково ко всем лицам без учета личных обстоятельств каждого субъекта.

По праву можно считать Швецию одним из лидеров и мастодонтов в нелегком деле обеспечения реализации политики гендерного равенства. Правовая си-

стема этого государства изобилует актами и всевозможными документами, которые призваны обеспечивать равные возможности для представителей каждого пола. Обращает на себя внимание, что уже на уровне высшего учредительного акта страны гарантируется равенство мужчин и женщин (Конституции, 1997). Помимо Конституции шведы приняли и специальные законы, развивающие общие положения конструкции гендерного равноправия (Закон). В числе таких актов — Закон о равных возможностях и специализированный документ — Закон о запрете дискриминации. Мы полагаем, что шведский законодатель, проявляя исключительную заботу по отношению к женскому народонаселению, в нормативных предписаниях закрепляет ответственность за сексуальные домогательства. В этом вопросе особо ответственен работодатель или представитель нанимателя, в обязанности которого, согласно законодательству Швеции, включены мероприятия, способствующие защите сотрудников от принуждений сексуального характера. Решительно выступая против гендерной асимметрии, государство предписывает работодателю, имеющему больше десяти работников, обеспечить фактическую равную оплату труда всем сотрудникам, вне зависимости от половой принадлежности. Такая экономическая мера считается очень эффективной и работоспособной. Гендерное равноправие, как видно в доктрине и политической практике Швеции, неразрывно связано с правами женщин, как наиболее уязвимой части единого, но делимого социума. Для поддержки «женского права» в этой североевропейской стране полностью запрещена проституция и ее любые проявления (Табаринцева-Романова, Романенко, 2020). В случае приобретения услуг сексуального характера к юридической ответственности привлекается не только продавец «запрещенки», но и приобретатель подобных услуг. Именно консолидированная ответственность, по нашему мнению, вполне позволяет практически полностью свести на нет «самую древнюю женскую профессию».

В общем тоне концептуального подхода стран Северной Европы действуют все без исключения государства данной географической зоны. Генеральной линией, характерной для группы этих стран, является путь создания специфических органов государственной власти и муниципалитетов. При герменевтическом анализе основных законов североевропейских государств обнаруживается ключевая роль правительственных структур в обеспечении и защите принципа равенства полов. Примечателен опыт Исландии, где при правительстве активно действует специальный центр по вопросам равенства обоих полов. Вместе с тем полномочиями в сфере содействия реализации гендерного равноправия наделен Комитет жалоб Исландии. К числу государственных структур, которые непосредственно реализуют национальную гендерную политику, относится также Ведомство по гендерному равенству. Путем регулярных консультаций и живой работы с гражданами данная группа ведомств на постоянной основе обеспечивает государственные гарантии равноправия мужчин и женщин.

Не отстают от своих соседей и норвежцы. Здесь также можно наблюдать концепцию учреждения специализированных правительственных структур. Мини-

стерство по делам детей и семьи Норвегии включает особый отдел по гендерному равноправию. Все это объективно содействует эффективному конструированию государственной социальной политики по продвижению истинного равенства представителей обоих полов.

Обращаясь к анализу механизмов политики гендерного равенства как системы социальных и юридических средств, невозможно не упомянуть о долгом и изнурительном пути, который проделали страны Европы. Сама политическая история западных стран иллюстрирует многообразие факторов развития законодательства, направленного на поиск оптимальных механизмов реализации прав и свобод человека и обеспечения конституционно-правовых гарантий для их четкого соблюдения. Что очевидно — в период после окончания Второй мировой войны в основных законах государств Запада существенно усилилась социальная составляющая конструкции прав человека.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что впечатляющих успехов в выработке механизмов и осуществлении социально-политических стратегий равенства полов достигли преимущественно государства Северной Европы. Посредством постоянной поддержки женского общественно-политического движения и защищая само «женское право», в этих странах нашли воплощение конструкции активного включения представительниц прекрасной половины человечества в политическую и социально-экономическую жизнь. На основе как императивных, так и диспозитивных начал в данной группе стран была принята и эффективно реализуется целая система антидискриминационного законодательства. Путем учреждения специальных органов публичной власти в Норвегии, Финляндии, Исландии и Швеции полноценно обеспечиваются государственные гарантии фактического и юридического принципа гендерного равноправия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М. : Едиториал УРСС, 2004. 246 с.

Закон о запрете дискриминации. URL: <https://lagen.nu/> 2008:567 (дата обращения: 27.12.2021).

Закон о равных возможностях. URL: <https://lagen.nu/> 1991:433 (дата обращения: 27.12.2021).

Конституции государств Европейского Союза. М, 1997. 286 с.

Королева Т. А. Обеспечение равенства женщин в Финляндии: специфика гендерной политики // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 4 (1). С. 134–138.

Кашина М. А. О научном подходе в дискуссии о значении гендерных исследований и гендерного законодательства для России. Власть. 2016. №6. С. 138–144.

Кашина М. А., Пяхкель А. А. Обеспечение реализации гендерного равноправия де-юре и де-факто: опыт стран Европейского союза // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. №2. С. 56–71.

Какителашвили М. М. О дискриминации по гендерному принципу. Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 95–99.

Клецина И. С. Современное состояние и перспективы исследований гендерных отношений в сфере социологического и психологического знания // Женщина в российском обществе. 2013. № 2(67). С. 3–13.

Лошакова Ю. П. Защита прав женщин в контексте гендерного равноправия (На материалах законодательства Швеции) // Женщина в российском обществе. 2011. № 2. С. 55–58.

Петрушина Е. А. Особенности конституционно-правового статуса женщин в различных странах // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2008. №2. С. 146–148.

Поленина С. В. Тенденции и перспективы демократизации правотворчества в свете соотношения гендерной политики и патриархатной практики в Российской Федерации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 337–340.

Табаринцева-Романова К. М., Романенко П. Д. Развитие гендерной политики Европейского союза после 2010 года // ARS ADMINISTRANDI. 2020. №1. С. 161–175.

Штылева М. В. Политика гендерного равенства стран Северной Европы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 14–16.

REFERENCES

Voronina, O. A. (2004). *Feminism and gender equality*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).

Law on the Prohibition of Discrimination. URL: <https://lagen.nu/2008:567>

Equal Opportunity Law. URL: <https://lagen.nu/1991:433>

Constitutions of the states of the European Union (1997). Moscow. (In Russ.).

Koroleva, T. A. (2012). Ensuring the equality of women in Finland: the specifics of gender policy. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 4(1), 134–138. (In Russ.).

Kashina, M. A. (2016). On the scientific approach in the discussion about the importance of gender studies and gender legislation for Russia. *Vlast'*, 6, 138–144. (In Russ.).

Kashina, M. A., Pyakhkel, A. A. (2020). Ensuring the implementation of gender equality de jure and de facto: the experience of the countries of the European Union. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya*, 2, 56–71. (In Russ.).

Kakitelashvili, M. M. (2016). On gender discrimination. *Zakony Rossii: опыт, analiz, praktika*, 6, 95–99. (In Russ.).

Kletsina, I. S. (2013). The current state and prospects of research on gender relations in the field of sociological and psychological knowledge. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 2(67), 3–13. (In Russ.).

Loshakova, Yu. P. (2011) Protection of Women's Rights in the Context of Gender Equality (Based on Swedish Legislation). *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, 2, 55–58. (In Russ.).

Petrushina, E. A. (2008) Features of the constitutional and legal status of women in var-

ious countries. *Vestnik Cheboksarskogo kooperativnogo instituta*, 2, 146–148. (In Russ.).

Polenina, S. V. (2014) Trends and prospects for the democratization of lawmaking in the light of the relationship between gender policy and patriarchal practice in the Russian Federation. *Yuridicheskaya tehnika*, 8, 337–340. (In Russ.).

Tabarintseva-Romanova, K. M., Romanenko, P. D (2020). Development of gender policy in the European Union after 2010. *ARS ADMINISTRANDI*, 1, 161–175. (In Russ.).

Shtyleva, M. V. (2011) Politics of gender equality in the Nordic countries. *Aktualnye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 3, 14–16. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юлия Владимировна Головинова — канд. ист. наук, доцент кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия.

Yuliya V. Golovinova — Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of Law and Methods of Teaching Socio-Economic Disciplines, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.05.2022;
одобрена после рецензирования 17.05.2022;
принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 01.05.2022;
approved after reviewing 17.05.2022;
accepted for publication 01.06.2022.

Научная статья / Research Article

УДК 338.49

DOI: 10.14258/SSI(2022)2-10

Тенденции развития инфраструктуры социально-культурного назначения сельских территорий

Оксана Сергеевна Ласточкина

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия,

lasto4kina543@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8344-7710>

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для социально-экономической системы региона проблема развития инфраструктуры социально-культурного назначения сельских территорий. Целью исследования является изучение особенностей и тенденций развития инфраструктуры социально-культурного назначения в сельской местности. Автор рассматривает динамику показателей социально-культурной инфраструктуры сельских территорий на основе анализа данных Росстата, Федеральной службы государственной статистики, статистических сборников Российской Федерации и Вологодской области. Проведено изучение состояния и основных тенденций развития инфраструктуры социально-культурного назначения сельских территорий в современных условиях. Отмечена потеря сельскими муниципальными учреждениями способности удовлетворять социально-культурные потребности населения. Предлагается также анализ результатов социологического опроса ВолНЦ РАН «Социокультурный портрет регионов», проведенного при участии автора в 2019 и 2021 гг., целью которого являлось изучение социально-культурных характеристик населения Вологодской области, данные приводятся по двум крупным городам области (г. Вологда и г. Череповец) и по районам. Способ проведения опроса — анкетирование по месту жительства респондента, объем выборки — 1500 чел., выборка репрезентативная, ошибка не превышает 5%. Вопросы анкеты изучают применяемые жителями области культурные практики, при анализе сделан упор на место проживания (городская и сельская местность). Анализ результатов опроса жителей Вологодской области выявил изменения в составе досуговых потребностей, а также в способах их удовлетворения среди населения сельской местности. В частности, в 2021 г. наблюдалось увеличение интереса населения сельских территории к применению менее популярных ранее культурных практик (музеи, кинотеатры, театры). Проведенный анализ приводит автора к мысли о наметившемся среди жителей сельских местностей расширении перечня предпочитаемых культурных практик. Полученные данные и результаты исследования могут быть использованы федеральными и областными органами власти при выработке управленческих решений, составлении стратегических программ развития инфраструктуры социально-культурного назначения и сферы культуры и досуга.

Ключевые слова: сельские территории, инфраструктура социально-культурного назначения, качество и уровень жизни населения, досуговые потребности, культурные практики

Для цитирования: Ласточкина О. С. Тенденции развития инфраструктуры социально-культурного назначения сельских территорий // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 2. С. 149-169. doi: 10.14258/ssi(2022)2-10.

Trends in the Development of Socio-cultural Infrastructure Assignments of Rural Territories

Oksana S. Lastochkina

Vologda Research Center of The Russian Academy of Science, Vologda, Russia,
lasto4kina543@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-8344-7710>

Abstract. The article deals with the problem of developing the infrastructure of socio-cultural purpose of rural territories, which is relevant for the socio-economic system of the region. The purpose of the study is to study the features and trends of the development of socio-cultural infrastructure in rural areas. The author examines the dynamics of indicators of socio-cultural infrastructure of rural areas based on the analysis of data from Rosstat, the Federal State Statistics Service, statistical collections of the Russian Federation and the Vologda Oblast. The study of the state and main trends in the development of socio-cultural infrastructure of rural areas in modern conditions. The loss of the ability of rural municipal institutions to meet the socio-cultural needs of the population was noted. The article also offers an analysis of the results of the sociological survey of the National Research Center of the Russian Academy of Sciences „Socio-cultural portrait of regions“ conducted with the participation of the author in 2019 and 2021, the purpose of which was to study the socio-cultural characteristics of the population of the Vologda region, data are provided for two major cities of the region (Vologda and Cherepovets) and by districts. The method of conducting the survey is a questionnaire at the respondent's place of residence, the sample size is 1500 people, the sample is representative, the error does not exceed 5%. The questionnaire questions used in the study study the cultural practices used by the residents of the region, the analysis focuses on the place of residence (urban and rural areas). An analysis of the results of a survey of residents of the Vologda Oblast revealed changes in the composition of leisure needs, as well as in ways to meet them among the rural population. In particular, in 2021, there was an increase in the interest of the population of rural areas in the use of previously less popular cultural practices (museums, cinemas, theaters). The analysis leads the author to think about the expansion of the list of preferred cultural practices among the inhabitants of rural areas. The obtained data and the results of the study can be used by federal and regional authorities in the development of management decisions; drawing up strategic programs for the development of socio-cultural infrastructure and the sphere of culture and leisure.

Keywords: rural areas, socio-cultural infrastructure, quality and standard of living of the population, leisure needs, cultural practices

For citation: Lastochkina, O.S. (2022). Trends in the Development of Socio-cultural Infrastructure Assignments of Rural Territories. *Society and Security Insights*, 5(2), 149–169. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-10.

Актуальность

По состоянию на 1 января 2020 г. на территории Российской Федерации проживает более 146 млн чел., из них свыше 37 млн чел. в сельской местности, т.е. четвертая часть всего населения страны, но при этом это на 3 млн меньше, чем в 2000 г.¹ Миграционный отток населения из сельской местности — действительность, с которой надо считаться. Инфраструктура социально-культурного назначения городской местности отличается от сельской, наблюдается дифференциация в уровне доступа к культурным благам, недостаточное разнообразие оказываемых услуг, а также высокая степень износа материально-технической базы. Потребности в организации досуга и рекреации, имеющиеся у сельского населения, не удовлетворяются полностью, потому вопрос более полного использования на селе возможностей инфраструктуры социально-культурного назначения весьма актуален. Тем более что длительное время одним из приоритетных направлений развития сельских территорий выступали ресурсная база в виде социально-экономических благ и преимуществ (полезные ископаемые, сложившиеся торгово-бытовые сети, производственные объекты), повышение эффективности аграрно-промышленного комплекса, заготовительной и перерабатывающей отрасли, развитие личных подсобных хозяйств с перспективой их расширения до объектов предпринимательской деятельности. Меры, направленные на поддержку этих видов деятельности, приносили положительные результаты, но не решали проблемы организации свободного времени и удовлетворения культурных потребностей сельского населения. Сейчас в ряде исследований ученые смещают акцент экономического развития с производства на социально-культурную составляющую сельских территорий (Костяев, 2014), аргументируя значимость села, наряду с городом, следующим комплексом задач: расселение граждан России; обеспечение социального контроля над территориями; сохранение освоенных земельных угодий; обеспечение продовольственной безопасности страны; сохранение исторических традиций и этнокультурного разнообразия российского общества; обеспечение экологического благополучия страны; обеспечение качества жизни населения и др. (Хагуров, 2009). Следует отметить, что часть благ, поставляемых селом, обладает уникальностью, которую не способна воспроизвести городская среда. Тем не менее в последние годы отставание в развитии сельских территорий, вызванное изменениями мировой экономической и политической ситуации, только усиливается. Негативными факторами являются более тяжелые условия жизнедеятельности и условий труда для жителей сельских территорий, а также худшие условия для культурного развития и проведения досуга (Костяев; Никонов, 2014). В последние годы на всех уровнях власти говорят о необходимости сохранения человеческого капитала сельских тер-

¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.08.2021).

риторий и развитии социально-культурной инфраструктуры. Мы считаем, что отдельного внимания заслуживает изменение и расширение способов получения услуг в сфере культуры (переход получателей социально-культурных услуг в интернет). Такие традиционные популярные ранее формы культурных практик, как просмотр телевидения, чтение, посещение физкультурно-оздоровительных учреждений, в новой реальности дополнились формами с использованием цифровых технологий: просмотр кинофильмов, спектаклей, посещение музеев, выставок и даже занятия спортом, самообразование и повышение квалификации. Причем сельским жителям, имеющим культурные потребности, услуги предоставляют ограниченное количество институтов, на сельских территориях чаще всего расположены учреждения культурно-досугового типа, библиотеки, и новая форма институтов — автоклубы, по которым статистика отсутствует. В этом случае интернет может быть рассмотрен как еще один инфраструктурный объект, но для сельской местности все еще актуален вопрос недостаточных темпов цифровизации. Развитие инфраструктуры социально-культурного назначения в большей степени зависит от мер поддержки государства, поскольку в качестве источника финансирования ее институтов на всех уровнях выступают бюджетные средства, а значит, требуется детальное исследование основных изменений, происходящих в ней.

Целью исследования является изучение особенностей и тенденций развития инфраструктуры социально-культурного назначения в сельской местности.

Материалы, методическая база

Информационной базой исследования выступили отечественные и зарубежные научные труды по рассматриваемой теме, нормативно-правовые документы Российской Федерации, статистические справочники Государственного комитета по статистике РФ и Вологодской области, в частности сборники статистических показателей «Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019», «Информационное общество — 2019», «Цифровая трансформация сельского хозяйства в России» и «Россия в цифрах», «Вологодская область в цифрах», информация из сети Интернет, а также использованы данные регионального опроса населения, проведенного в Вологодской области в 2019 и 2021 гг. (объем выборки — 1500 чел., выборка репрезентативная, ошибка не превышает 5%, способ проведения — анкетирование по месту жительства респондента).

Инфраструктура социально-культурного назначения: понятие, классификации институтов

Исторически сложившиеся связи, нормы и ценности, накопленные социумом на различных этапах развития цивилизации, аутентичны и неповторимы. Их носителем и транслятором является социально-культурная среда, сформированная многими поколениями. Ее элементами выступают институты социально-культурной инфраструктуры, деятельность которой направлена на удовлетворение социально-культурных потребностей населения. Инфраструктурные элементы социально-культурной сферы обеспечивают воспроиз-

водство духовных, интеллектуальных и профессиональных качеств личности, а доступность социальных и культурных институтов формирует привлекательность сельской местности и создает комфортные условия для жизни населения (Никонов, 2004). Впервые определение инфраструктуры социально-культурной сферы было предложено в 2018 г. на Межпарламентской Ассамблее стран — участников Содружества Независимых Государств. Под ней принято понимать совокупность материальных, организационных, финансово-экономических, кадровых, информационно-методических и иных условий осуществления социально-культурной деятельности, обеспечивающих удовлетворение духовных потребностей граждан¹. В научной литературе встречается следующее определение инфраструктуры социально-культурного назначения: совокупность институтов, видов деятельности и предприятий социально-культурной сферы, которые обеспечивают комплексное воспроизводство сил человека, удовлетворяют его личные, общественные и духовные потребности через предоставление услуг в социальной и культурной сфере (Долженкова, Мурзина, 2014). Таким образом, объекты инфраструктуры фактически предоставляют возможность населению получать услуги в социально-культурной сфере на территории проживания для удовлетворения их нематериальных потребностей. Ориентируясь на методику Росстата и общероссийский классификатор видов экономической деятельности² (ОКВЭД), мы можем отнести к объектам инфраструктуры деятельность следующих объектов инфраструктуры: библиотек, музеев и выставок, зрелищных предприятий, клубных учреждений, парков культуры и отдыха, ботанических садов и зоопарков, телевидения и радиовещания. В таблице 1 представлены научные подходы к классификации институтов социально-культурной инфраструктуры, группировка по категориям осуществляется на основе их функций и видов предоставляемых услуг.

Вслед за исследователями будем рассматривать инфраструктуру социально-культурного назначения как общественно-коммуникационную систему, обеспечивающую комфортную среду обитания и необходимое количество и качество предоставляемых и потребляемых культурных услуг населению. Ее особенностью является то, что она одновременно выступает в качестве производителя и потребителя различных видов услуг и духовных благ (Шарипов, 1990). Мы также допускаем изменение и расширение функционала учреждений социально-культурной сферы, учитывая, как в классификации А.В. Соколова, необходимость коммуникации и между ними, и между потребителями услуг (населением). В качестве объектов инфраструктуры социально-культурного назначения будем исследовать социально-культурные институты и другие действующие субъекты социально-культурной деятельности, расположенные на территории Вологодской области, с учетом распределения их в городской и сельской местности.

.....
¹ Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. 2018. № 69.

² ОКВЭДы для организаций досуга. URL: <https://xn--b1aeeqp1f.xn--p1ai/qa/okvedy-dlya-organizatsii-dosuga.html> (дата обращения: 20.08.2021)

Таблица 1.

Классификация институтов инфраструктуры социально-культурного назначения

Table 1.

Classification of socio-cultural infrastructure institutions

Название классификации	Категория	Виды учреждений
Институты социально-культурной деятельности (М. А. Ариарский)	Культурно-просветительные учреждения	Музеи; историко-мемориальные комплексы; выставки
	Культурно-досуговые учреждения	Клубы, дворцы и дома культуры; парки культуры; кинотеатры; центры досуга, дома художественного, технического творчества и др.
Социально-культурные институты (Т. Г. Киселёва, Ю. Д. Кра-силльников)	Институты, преимущественно занятые коммуникацией, трансляцией духовных ценностей	Архивы и библиотеки; музеи и выставки; пресса, радио, телевидение и др.
	Институты, преимущественно проявляющие себя в организации различных видов неформальной творческой деятельности	Клубные и садово-парковые учреждения; инициативные культурозащитные общества и движения и др.
Общественная коммуникационная система (А. В. Соколов)	Некумулятивные институты (не исполняющие функцию социальной памяти)	Культурно-досуговая система
	Кумулятивные институты (исполняющие социально-мнемическую функцию)	Библиотечно-библиографическое дело; музейное дело

Составлено автором (Ариарский, 2009; Киселёва, 2004; Соколов А. В.)

Российский опыт развития социально-культурной инфраструктуры

Ресурсы Нацпроекта и Госпрограмм, направленные на развитие села, призваны замедлить кризисные явления в сельской местности. В нашей стране программы государственной политики, направленные на поддержку сельских территорий, опираются на сочетание отраслевого и территориального подходов. В качестве основных выступают федеральные и региональные программы развития сельского хозяйства, рынка продовольствия, социального развития села, которые косвенно затрагивают вопросы улучшения качества жизни и устойчивого развития сельских территорий. Но прописанные в целевых программах меры часто носят общестимулирующий характер и не оказывают влияния на существующие территориальные диспропорции доступности инфраструктуры социально-культурного назначения. Тем не менее при разработке государственных программ ведущую позицию занимает цель — добиться территориального раз-

вития с повышением уровня и качества жизни сельского населения.

На федеральном уровне необходимость мероприятий, направленных на развитие села, в том числе социальной сферы, а в ее составе и социально-культурной инфраструктуры, осознали в начале 2000-х гг. Одной из первых программ, направленных на поддержку села, стали Федеральная целевая программа 2002 г. «Социальное развитие села до 2010 года», продленная в дальнейшем до 2013 г., Нацпроект «Развитие АПК» на 2006–2007 гг., Государственная программа развития сельского хозяйства на 2008–2012 гг. В качестве ключевых задач обозначены создание комфортных условий жизни на селе через удовлетворение запроса на благоустроенное жилье и обустройство сел объектами социальной инфраструктуры. В настоящее время утвержден ряд стратегических документов, являющихся логическим продолжением ранее реализуемых федеральных мер поддержки по обустройству инфраструктуры села, диверсификации сельской экономики, повышения занятости сельского населения и роста его доходов:

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации (Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р). В качестве целей наравне с экономическим ростом и сокращением неравенства между регионами делается упор на вопрос национальной безопасности.
2. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. (Распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р) направлена на создание условий для обеспечения стабильного повышения качества и уровня жизни сельского населения на основе преимуществ сельского образа жизни. Акцент в документе делается на уникальности сельской местности, ее экологической привлекательности и историко-культурной аутентичности. Ее реализация позволит сохранить социальный и экономический потенциал сельских территорий и обеспечит выполнение ими общенациональных функций — производственной, демографической, трудоворесурсной, пространственно-коммуникационной, сохранение историко-культурных основ идентичности народов страны, поддержание социального контроля и освоенности сельских территорий.
3. Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» на период 2020–2025 гг. (Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696) направлена на сохранение доли сельского населения в общей численности населения России на уровне не менее 25,3%, достижение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 80%, повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населённых пунктах до 50%. В ней в большей степени решаются вопросы материального характера.

Инвестиции в комплексное развитие сельских территорий регулярно растут. По данным Счетной палаты РФ только в 2020 г. по программам было реализовано 23,3 млрд руб., что в три раза больше финансирования в 2018 г. (рис. 1). Несмотря на пандемию, в 2020 г. были расширены статьи расходов, в частности, появились мероприятия по комплексному развитию территорий (более 10 млрд

руб.). При этом, по мнению Счетной палаты РФ, предпринимаемые меры не достаточны, уровень жизни на селе, включая состояние социальной и инженерной инфраструктуры, существенно отстает от городского.

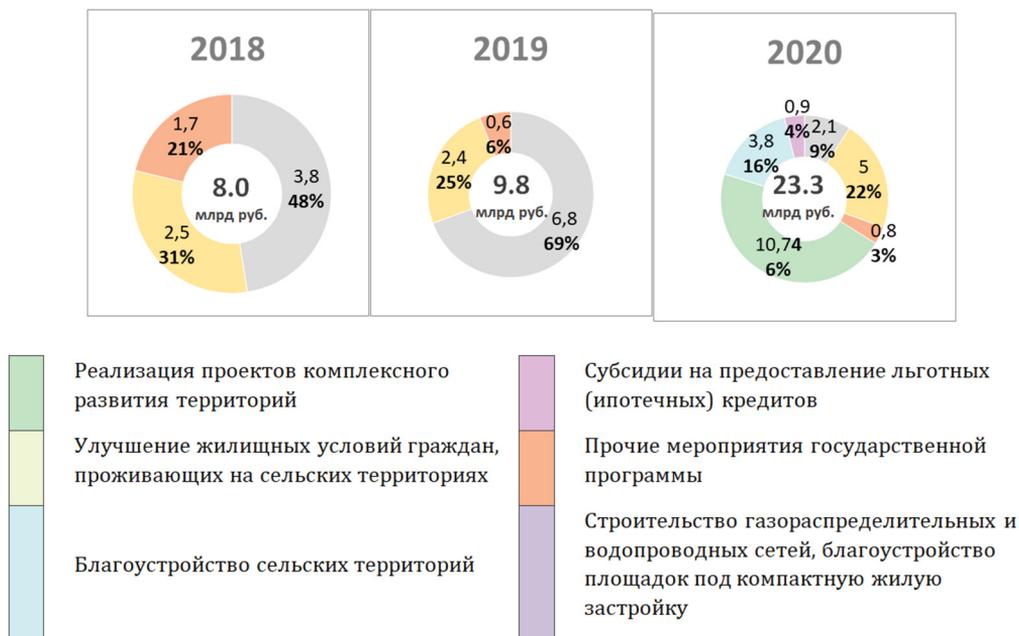

Рисунок 1 — Финансовое обеспечение реализации мероприятий комплексного развития сельских территорий 2018–2020 гг.

Figure 1 — Financial support for the implementation of measures for the integrated development of rural areas 2018–2020.

Таким образом, комплекс мероприятий, нацеленных на развитие инфраструктуры российских сельских территорий, еще только начал реализовываться, но уже демонстрирует незначительные положительные результаты. Низкая эффективность проводимых мероприятий подтверждается демографическими показателями, все еще демонстрирующими либо незначительную, либо отрицательную динамику (табл. 2). Доля сельских жителей в 2019 г. составляла 25% от общей численности населения, и это на 1% меньше, чем в 2010 г., очевидно, что численность сельского населения продолжает сокращаться. Данная тенденция наблюдается как в целом по стране, так и в Вологодской области, в которой с 2010 г. из села в город переехало более 2% населения. Причем для Вологодской области в сравнении с показателями по стране характерен более высокий процент сельских жителей (около 27%), соответственно доля городского населения несколько меньше общероссийской (около 73% против 70%), все большее количество населения сел выбирает городской образ жизни.

Используемые государственные ресурсы в рамках нацпроекта и госпро-

грамм замедлили нарастание кризисных явлений, однако для радикального изменения сложившейся ситуации их недостаточно. Вопрос о комфорте проживания в сельской местности все еще актуален, потому одной из первоочередных государственных задач является необходимость развития социально-культурной инфраструктуры села, отвечающей за формирование человеческого капитала, а также удовлетворение социальных и культурных потребностей населения, возникающих в процессе его жизнедеятельности. Мы считаем, что решение этой задачи позволит улучшить привлекательность сельских территорий в качестве предпочитаемого места жительства, и миграционный отток населения из села в город замедлится.

Таблица 2.

Доля городского и сельского населения в общей численности населения, процент от общей численности

Table 2.

The share of urban and rural population in the total population, in % of the total population

Население	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2019, %	
	Российская Федерация										к 2010	к 2018
Городское	74	74	74	74	74	74	74	74	74	75	1,4	1,4
Сельское	26	26	26	26	26	26	26	26	26	25	-3,8	-3,8
Вологодская область											к 2010	к 2018
Городское	70	70,8	71,2	71,3	71,6	71,9	72	72,2	72,4	72,6	3,7	0,3
Сельское	30	29,2	28,8	28,7	28,4	28,1	28	27,8	27,6	27,4	-8,7	-0,7

Источник: Общая численность населения субъектов Российской Федерации (России). URL: <https://численность-населения.рф> (дата обращения: 19.08.2021)

Анализ результатов

Ученые выделяют различные блоки проблем, препятствующих развитию инфраструктуры сельских территорий: законодательные противоречия и ограничения, острая потребность в переходе села на новый технологический уклад (Шулепов, Задумкин, Щербакова, 2020), отдельно акцентируется внимание на недофинансировании социально-культурной сферы в целом. Следует заметить, что при анализе собранной базы данных была выявлена проблема отсутствия представленности ряда показателей по сельским территориям в статистике Росстата. Например, среди учреждений культуры, являющихся структурными элементами инфраструктуры социально-культурного назначения села, отсутствуют данные о количестве в сельской местности туристических объектов, музеев, выставочных залов, театров, зоопарков и цирков, а также показателей доступа к цифровым ресурсам. Доступны только показатели по библиотекам и учреждениям культурно-досугового типа, что затрудняет разработку методических рекомендаций.

Отсюда вытекают основные тенденции развития инфраструктуры социаль-

но-культурного назначения сельских территорий:

1. Сокращение числа учреждений инфраструктуры социально-культурного назначения. Отдельные ученые еще в начале 2000-х гг. прогнозировали их сокращение на 60% при условии сохранения наметившихся негативных тенденций (Шубин, 2006). Реализуемая с 2010-х гг. государственная политика, реформа местного самоуправления и реформа бюджетного сектора привели к оптимизации сети учреждений социально-культурной сферы, которая достигалась путем их реструктуризации (слияние, разделение, ликвидация)¹, тем самым практически подтвердив эти прогнозы. Главной целью реновации является увеличение качества и объемов услуг, предоставляемых учреждениями отрасли культуры, вовлечение различных социальных групп в культурную деятельность. Положительным моментом реформ стало появление новых форм учреждений: культурно-спортивные центры, дома ремесел, клуб-библиотека, образовательно-культурные центры и пр. (Ветлицина, 2007). Это, с одной стороны, привело к мультифункциональности и многозадачности подобных учреждений, но не решило проблему предоставления и востребованности социально-культурных услуг на селе. С другой стороны, их появление отлично укладывается в рамки программ по стратегическому развитию села. В данном случае выгоду могут получить и учреждения социально-культурного назначения, через межучрежденческое сотрудничество, реализуя на базе своих учреждений совместные с городскими организациями и активными жителями программы. Поиск инвестора для проектов социально-культурной направленности облегчен, так как в качестве получателей услуги выступают не только жители населенного пункта, но и городские жители, которых привлекает экзотика сельской жизни. Подобная программа, направленная на привлечение туристов на село, реализуется на территории Вологодской области («программа развития сельского туризма») и включает в себя 162 объекта размещения, расположенные в сельской местности (гостевые дома, базы отдыха). Получение услуги активно реализуется с применением возможностей интернета, запущен сайт «Насело», позволивший перевести удовлетворение части потребностей населения в онлайн-формат².

Таким образом, в сельской местности примерно за 20 лет произошло более значительное сокращение числа организаций культурно-досугового типа в сравнении с городом, при этом наблюдается незначительный рост показателя, тогда как в городской местности их количество находится в периоде стагнации. 2015 г. можно назвать переломным для учреждений культурно-досугового типа, расположенных в сельской местности, появилась незначительная положительная динамика показателя (табл. 3), что соизмеримо с показателями в целом по стране. Мы предполагаем, что повлиять на положение дел могло появление негосударствен-

¹ Распоряжение Министерства культуры РФ от 29 апреля 2016 г. № Р-547 «О Методических рекомендациях субъектам РФ и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71289546/#ixzz74Lgaj08T> (дата обращения: 20.05.2020)

² Деревенский туризм // Официальный портал правительства Вологодской области.. URL: https://vologda-oblast.ru/o_regione/turizm/derevenskiy_turizm/ (дата обращения: 20.08.2021)

ных учреждений культуры, способных функционировать в рыночной среде. Отрицательную динамику демонстрируют и библиотеки, вторые по популярности учреждения социально-культурного назначения. Численность общедоступных библиотек в целом по стране к 2018 г. сократилась на четверть. При этом в сельской местности показатель чуть ниже общероссийского значения, но, в отличие от организаций культурно-досугового назначения, преломления негативной динамики не наблюдается. Ежегодное сокращение численности библиотек замедлилось с 3000 в начале 2000-х гг. до 600 учреждений к 2017 г., в 2018 г. в сравнении с 2017-м число библиотек не изменилось, что можно объяснить началом действия национального проекта «Культура».

Таблица 3.

Динамика численности учреждений культуры, 2000–2018 гг., тыс. ед., Российская Федерация

Table 3.

Dynamics of the number of cultural institutions 2000–2018, thousand units, Russian Federation

Вид учреждения	2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018	Темп роста 2018, %	
									к 2000	к 2017
Число организаций культурно-досугового типа	54,8	51,4	46,6	42,1	40,3	41,3	42,5	42,8	-21,9	0,7
в городах и поселках городского типа	6,7	6,2	5,5	5,2	4,9	5,0	4,9	4,9	-26,9	0,0
сельская местность	48,1	45,2	41,1	36,9	35,4	36,3	37,6	37,9	-21,2	0,8
Общедоступные библиотеки	51,2	49,5	46,1	40,1	38,9	38,2	37,4	37,1	-27,5	-0,8
сельская местность	38,8	38,2	35,8	30,6	30,0	29,6	28,9	28,9	-25,5	0,0

Источник: Статистика культуры-2016 : Ежегодное справочное издание о состоянии культуры Российской Федерации в цифрах. М., 2017; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: Стат. сб. М., 2019.

Сокращение учреждений социально-культурного профиля ведет к снижению доступности услуг, так как для их получения жители вынуждены ездить в другие населенные пункты. Вполне логично, что наиболее полный перечень социально-культурных услуг получают жители тех населенных пунктов, которые расположены на незначительном расстоянии от города, поскольку они имеют возможность получить доступ к отсутствующим на селе услугам в городских инфраструктурных объектах. Данная тенденция усугубляется общим падением интереса сельского населения к получению услуг в социально-культурной сфере.

Изменения показателей учреждений культурно-досугового типа отражены

в таблице 4. Для анализа используются последние доступные данные за пять лет; мы видим, что, несмотря на увеличение числа подобных организаций на селе, средняя вместимость зала сокращается, при этом посещают культурные мероприятия примерно одно и то же число участников. Также при неизменном числе культурно-массовых мероприятий мы видим, что существует определенная нехватка кадрового потенциала, так как в 2018 г. проводили их меньшее количество специалистов, чем в 2014 г. Заметно сокращение платных мероприятий, причина может крыться как в меньшем спросе со стороны населения на подобные мероприятия, так и в отсутствии возможностей учреждений предоставлять платные услуги. Помимо Гражданского и Бюджетного кодексов РФ платная услуга должна быть оформлена в соответствии с требованиями значительного количества законодательных актов, что также затрудняет предоставление услуг.

Таблица 4.

Динамика показателей учреждений культурно-досугового типа
в сельской местности 2014–2018 гг., Российская Федерация

Table 4.

Dynamics of indicators of cultural and leisure type institutions
in rural areas 2014–2018, Russian Federation

	2014	2015	2016	2017	2018	2018, %	
						к 2014	к 2017
Средняя вместимость зрительного зала, места	158	169	162	153	155	-1,9	1,3
Обеспеченность сельского населения учреждениями культурно-досугового типа на 1 тыс. жителей, мест	155	158	156	154	150	-3,2	-2,6
Численность работников клубных формирований, тыс.чел.	172,6	164,6	159,5	151,3	144,6	-16,2	-4,4
Численность участников клубных формирований, тыс.чел.	3833,6	3923,4	3928,9	4064,3	4085,2	6,6	0,5
Численность культурно-массовых мероприятий, тыс.ед.	6527	6529	6451	6571	6568	0,6	0,0
В том числе на платной основе, %	26,8	25,4	24,6	24,3	22,0	-17,9	-9,5

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: Стат. сб. М., 2019.

В таблице 5 перечислены основные культурно-развлекательные мероприятия, которые предпочитает посещать население России. Можно проследить, что разрыв числа посещений между городским и сельским населением по некоторым показателям составляет более чем 2 раза. Наибольшей популярностью по данным Росстата пользуются такие услуги, как поход в ресторан, бар, кафе, на втором ме-

сте по популярности расположились кинотеатры и следующим предпочитаемым видом организации свободного времени являются концерты. При этом, как мы говорили выше, в статистике отсутствует информация о числе учреждений в территориальном разрезе город — село, но имеются данные о посещении учреждений городскими и сельскими жителями. И те и другие предпочитают проводить свободное время в ресторане, кафе или баре, в кинотеатре или посещая концерты, но при этом число сельских жителей, использующих подобные культурные практики, уступает городским. Приблизительно равные показатели среди городского и сельского населения имеют посещение религиозных учреждений и спортивных мероприятий. В большинстве своем обе эти социально-культурные формы организации досуга не требуют существенных материальных затрат, чем может быть объяснен интерес к ним со стороны сельского населения.

Таблица 5.

Посещение в качестве зрителя культурно-развлекательных мероприятий лицами в возрасте 15 лет и более, Российская Федерация, процент от общего числа опрошенных

Table 5.

Attendance as a spectator of cultural and entertainment events by persons aged 15 and over, Russian Federation, % of the total number of respondents

Виды услуг	2011		2014		2016		2019		Г 2019, %		С 2019, %		С к Г, %	
	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	2011	2016	2011	2016	2011	2019
Кинотеатр	35,6	16,4	38,2	18,1	40,9	22,3	44,5	24,4	25	9	49	9	-54	-45
Театр	17,5	6,0	21,5	6,7	21,3	7,1	21,2	7,6	21	0	27	7	-66	-64
Концерт	23,4	24,7	25,9	23,2	25,7	25,2	25,3	23,4	8	-2	-5	-7	6	-8
Выставка, музей	13,5	6,7	16,9	6,6	15,7	6,3	15,6	6,4	16	-1	-4	2	-50	-59
Ресторан, бар, кафе	43,7	26,6	46,9	29,0	48,4	32,6	52,6	36,6	20	9	38	12	-39	-30
Религиозное учреждение (или встреча верующих)	33,7	24,5	24,1	21,3	23,3	21,9	24,3	21,6	-28	4	-12	-1	-27	-11
Спортивное мероприятие	20,2	17,1	18,6	15,2	18,8	16,8	21,0	17,2	4	12	1	2	-15	-18

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: Стат. сб. М., 2019.

Г — Городское население С — Сельское население

Также можно проследить разрыв между респондентами, проживающими в сельской местности и в городе, в такой группе мероприятий, как посещение театров и кинотеатров. Мы считаем, что это связано в том числе и с достаточно высокой стоимостью входных билетов (табл. 6). Поход в кино относится к семейным

формам досуга, а при средней цене билета в 263,13 руб. в 2018 г. поход семьи из трех человек предполагает затраты в 789,39 руб. только на посещение самого киносеанса, дополнительно будут и сопутствующие траты на дорогу и еду. Билеты в театр и так в сравнении с 2014 г. выросли в цене на 25%, суммарная стоимость семейного похода в театр также отрицательно скажется на бюджете сельского жителя. Услугами музеев и картинных галерей чаще пользуются городские жители, несмотря на отрицательную динамику. Таким образом, усугубляется разрыв между городом и селом в посещении различных учреждений культуры, отсутствие данных по числу учреждений в сельской местности не позволяет проанализировать удовлетворение потребностей городского и сельского населения в полной мере. Тем не менее сельские жители посещают социальные и культурные мероприятия в черте города, пусть процент посетивших и невысок, при этом наличие развитой инфраструктуры социально-культурного назначения на селе позволило бы сельскому населению получить постоянный доступ к услугам в сфере культуры в шаговой доступности.

Таблица 6.

Средние потребительские цены на отдельные виды услуг культуры и отдыха, цена за билет, руб.

Table 6.

Average consumer prices for certain types of cultural and leisure services, ticket price, rub.

Виды услуг	2014	2015	2016	2017	2018	2018, %	
						к 2014	к 2017
Кинотеатры	240,57	256,53	259,63	260,50	263,13	9,4	1,0
Театры	536,64	573,81	617,53	659,41	673,13	25,4	2,1
Музеи и выставки	106,29	117,68	136,50	148,97	152,57	43,5	2,4

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: Стат. сб. М., 2019.

2. Недостаточное финансирование сферы и взаимосвязанное с этим ухудшение технического состояния материальной базы учреждений социально-культурной инфраструктуры. В последние годы сокращается объем финансирования инфраструктуры социально-культурного назначения. Но при этом сохраняется на том же уровне поддержка проектов, направленных на научное, информационное обеспечение в сфере народного хозяйства (около 12 млн руб. ежегодно¹), что сказывается на улучшении материально-технической базы учреждений культуры. В последнее время идет активное оцифровывание архивов и коллекций учреждений социально-культурной сферы, в том числе на сельских территориях. Это позволит значительно расширить каталог услуг, предоставляемых населению в онлайн-формате. Но процесс оцифровывания и предоставления доступа к услугам через интернет достаточно медленный, требует определенных

¹ Составлено автором на основе открытых данных Министерства культуры Российской Федерации URL: <https://opendata.mkrf.ru/> (дата обращения: 20.08.2021).

профессиональных компетенций сотрудников учреждений, высокого уровня их технической грамотности, а также специального оборудования на местах (как минимум технических средств — компьютера, сканера, принтера, фотоаппарата и пр.). Стоит заметить, по данным статистики в 2018 г. более 21% зданий, занимаемых учреждениями социально-культурной сферы, в сельской местности находятся в аварийном состоянии либо нуждаются в капитальном ремонте, что также требует существенных материальных затрат со стороны государства; все еще существует потребность в современном оборудовании, в получении доступа к сети Интернет. Данные проблемы в большинстве своем решаются с помощью включения учреждений в различные государственные программы или нацпроекты. Одним из удачно реализуемых проектов по предоставлению населению отдаленных населенных пунктов социальных и культурных услуг является автоклуб — автомобиль и прицеп-трансформер, многофункциональное техническое средство передвижения, со сценой и соответствующим техническим оснащением (звуковая и осветительная аппаратура, кинопроектор, экран и автономный генератор, спутниковая антенна). Автоклуб позволяет провести концерт, творческую встречу, представить театрализованную программу, показать фильм. В частности, с декабря 2020 г. в Вологодской области приобретено семь автоклубов, к 2024 г. планируется приобретение еще 11 специально оборудованных фургонов. В 2021 г. из федерального и областного бюджетов на реализацию программы выделено 23,8 млн руб., софинансирование из муниципальных бюджетов превысит 238 тыс. руб.¹ Это позволит повысить доступность услуг в сфере культуры. Автоклуб в данном случае является объектом социально-культурной инфраструктуры, имеющим доступ в отдаленные сельские местности и соответствующим в техническом плане всем современным требованиям.

3. Недостаточные темпы цифровизации сельских территорий. В этой области в последние годы ситуация меняется в лучшую сторону, но цифровое неравенство между городом и селом сохраняется. Современный человек кроме доступа к социальным сетям и получения интересующей его информации в просветительских целях использует интернет также для получения культурно-развлекательных услуг: общение по видео- и аудиосвязи, скачивание фильмов, изображений, музыки, прослушивание онлайн-радио. Услуги, помогающие в тех или иных жизненных ситуациях, являются важной частью быта современного человека (Груздева, 2020).

С 2013 г. в статистических сборниках о деятельности в сфере культуры появились сведения о доступе учреждений к сети Интернет. За прошедший период времени количество учреждений, имеющих доступ к интернету, возросло более чем в 100 раз. Начался плавный переход учреждений социально-культурной сферы на предоставление услуг населению в цифровом формате. Дополнительным толчком для применения информационных технологий социально-культурной

¹ Информация в рамках национального проекта «Культура» по закупке в четыре района Вологодской области автоклубов представлена на новостном онлайн-портале Vologdaregion.ru. URL: <https://vologdaregion.ru/news/2021/10/14/dlya-chetyreh-rayonov-vologodskoy-oblasti-zakupyat-avtokluby> (Дата обращения: 20.10.2021).

сферой стала пандемия COVID-19. Многие учреждения в сфере культуры и досуга в период пандемии изменили способы предоставления услуг населению, средства массовой информации окрестили этот процесс как «искусство уходит в онлайн». Музеи и картинные галереи пополнили или запустили электронные коллекции экспозиций, новые экскурсионные программы (например, пятичасовая прогулка по Эрмитажу, снятая на iPhone 11 Pro). Организации культуры и досуга г. Москвы открыли сервис предоставления культурных услуг «DISCOVER MOSCOW»¹, предоставляющий населению доступ к виртуальным экскурсиям и онлайн-проектам как частных, так и государственных учреждений (Музей современного искусства «Гараж», Третьяковская галерея, Пушкинский музей, и др.). Расширение предоставления культурных услуг в онлайн-формате позволяет получить к ним доступ как городскому, так и сельскому населению, проживающему в любой точке земного шара.

Одним из факторов, сдерживающих удовлетворение населением сельской местности культурных потребностей в онлайн-формате, выступает недостаточный охват интернет-технологиями сельских территорий (рис. 2). Доля сельских домохозяйств, имеющих доступ к сети интернет, на 17 пунктов отстает от города, а значит, на селе удовлетворяет свои культурные потребности онлайн меньшее количество жителей. Сюда же можно отнести и технические устройства (смартфоны, носимая электроника, умная техника), которые не так интенсивно использует население сельской местности, что также связано с недостаточным доступом к сети Интернет и низким уровнем технической грамотности сельских жителей.

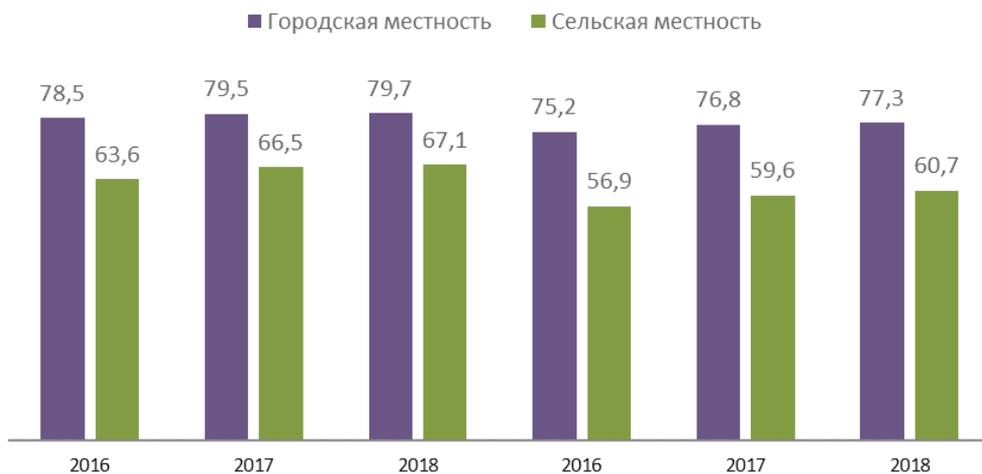

Рисунок 2 — Домашние хозяйства, имеющие доступ к сети Интернет, по типу местности (в процентах от общего числа домашних хозяйств)

Figure 2 — Households with Internet access, by type of locality

¹ Discover Moscow: сайт с предложениями по организации досуга. URL: <https://moscowwithyou.ru/blog/> (дата обращения: 15.05.2021).

(as a percentage of the total number of households)

Если анализировать данные социологических исследований, проводимых ВолНЦ в рамках изучения социокультурных характеристик Вологодской области, то можно проследить перечисленные выше тенденции. Согласно данным опросов общественного мнения более 80% жителей области удовлетворены обеспеченностью своего населенного пункта услугами, причем существует разница в степени удовлетворенности между жителями крупных городов (Вологда, Череповец) и районов, жители первых оценивают обеспеченность значительно выше (на 40%). Самыми популярными местами социально-культурной инфраструктуры у жителей Вологодчины являются парки отдыха и городские праздники, а также кинотеатры (табл. 7)¹. Жители крупных городов области в допандемийный период гораздо чаще посещали учреждения культуры, особенно был велик разрыв в категории кинотеатров (в 12 раз), население районов обычно посещает городские праздники и парки, а также пользуется услугами библиотек. Можно проследить существенные изменения в предпочитаемых населением культурных практиках, внесенные пандемией COVID-19. Так, по данным опроса 2021 г. сельские жители стали более регулярно посещать кино, музеи и театры. При общем падении интереса городских жителей к платным видам проведения культурного досуга (музеи, театры, кинотеатры) гораздо меньшее проседание наблюдалось среди тех, кто в качестве культурных практик использует посещение библиотек, городских праздников и парков. Мы считаем, что это также может быть связано и с необходимостью для жителей крупных городов более тщательно соблюдать масочный режим и дистанцию. Тем не менее мы видим сохранившуюся тенденцию для сельского населения реализовывать свои потребности, используя в первую очередь инфраструктуру территории проживания. В качестве причин, препятствующих посещению учреждений, жители районов указывают нежелание получить услугу (26,4% среди опрошенных), финансовые трудности (19,2%) и другие причины, отсутствующие среди вариантов ответа (2,6%), а также высок процент тех, кто затруднились с выбором ответа (более 20% опрошенных). При этом практически все свое свободное время они тратят на занятия домашним хозяйством (74% респондентов) и просмотр телевизора (более 75%). Тогда как интернет используют только 35% населения против 50% населения крупных городов (Вологда, Череповец).

Данные, полученные в ходе опросов, подтверждают, что население сельской местности предпочитает использовать возможности местной инфраструктуры, даже если не удовлетворены качеством предоставляемых ею услуг. Чаще всего сельский житель посещает только те учреждения социально-культурного назначения, к которым имеет доступ, в свободное от домашних дел время. Услуги в цифровом формате менее привлекательны для жителей районов, что, возможно, связано и с низкими темпами цифровизации села.

¹ Данные получены в ходе регионального опроса населения «Социокультурный портрет населения», проведенного ВолНЦ РАН в 2019–2021 гг.

Учет перечисленных тенденций позволит определить дальнейший вектор развития села, выбрать меры поддержки, найти новые точки роста, в том числе через перераспределение функциональных обязанностей уже существующей инфраструктуры.

Таблица 7.

Регулярность посещений мероприятий учреждений социально-культурной инфраструктуры по результатам опроса «Социокультурный портрет региона», Вологодская область, процент от числа опрошенных

Table 7.

Regularity of visits to events of institutions of socio-cultural infrastructure according to the results of the survey „Socio-cultural portrait of the region“, Vologda oblast, % of the number of respondents

Виды услуг	Территория	Регулярность посещений, в год											
		Регулярно (более 10 раз)			Часто (3–10 раз)			Редко (1–3 раза)			Никогда		
		2019	2021	Изменение	2019	2021	Изменение	2019	2021	Изменение	2019	2021	Изменение
Кинотеатр	1	24,9	1,8	-92,8	34,6	20,9	-39,6	68,8	24,5	-64,4	68,7	52,7	-23,3
	2	1,0	5,5	450,0	5,0	12,9	158,0	26,5	14,3	-46,0	67,3	67,3	0,0
Музей	1	3,3	0	-100	15,2	9,4	-38,2	69,1	31,9	-53,8	110,1	58,7	-46,7
	2	0,3	2,4	700	3,3	9,8	197,0	21,4	15,5	-27,6	74,7	72,3	-3,2
Театр	1	3,2	0	-100	19,9	4,3	-78,4	66,8	20,3	-69,6	106,8	75,4	-29,4
	2	0,4	2,6	550	4,2	6,9	64,3	13,6	13,4	-1,5	81,5	77	-5,5
Библиотека	1	4,2	4,3	2,4	15,4	12,7	-17,5	50,3	22,5	-55,3	126,8	60,5	-52,3
	2	1,4	5	257,1	8,9	10,7	20,2	17,9	16,5	-7,8	71,6	67,8	-5,3
Парки	1	26,7	11,6	-56,6	57,3	29,2	-49,0	71,6	19,1	-73,3	41,9	40,1	-4,3
	2	2,3	7,7	234,8	14,8	14,4	-2,7	32,1	13,5	-57,9	50,6	64,4	27,3
Городские праздники	1	21,4	6,5	-69,6	45,6	38,3	-16,0	88,2	23,1	-73,8	42,2	32,1	-23,9
	2	2,3	4,3	87,0	19,5	19,4	-0,5	39,6	23,9	-39,6	38,5	54,2	40,8

Источник: Данные социологического опроса «Социокультурный портрет региона» ФГБУН ВолНЦ РАН. Вологда, 2019, 2021

1 — крупные города (250 000 жителей и более); 2 — районы

Было бы верным закладывать в государственные программы поддержки сельских территорий больше показателей с учетом территориального деления на город/ село. А также считаем эффективным учет качественных составляющих, так как учреждения социально-культурной инфраструктуры формируют общественную жизнь населенных пунктов, наполняют быт сельских домохозяйств современными формами получения услуг в сфере культуры и досуга. Просто необходима строгая ревизия состояния и деятельности объектов социально-культурной инфраструк-

туры, что должно помочь при корректировке существующих государственных программ, направленных на сокращение разрыва в качестве жизни между сельским и городским населением, создание комфортных условий проживания, а также снижению оттока жителей с сельских территорий. Одним из эффективных механизмов по «выравниванию» социальной несправедливости может выступать государственно-частное партнерство. Инфраструктура социально-культурного назначения лидирует по доле концессионных соглашений за 2019 г., именно в сфере культуры было реализовано наибольшее число проектов (Гриценко, 2021).

Выводы

Полученные результаты позволяют говорить о том, что социально-культурная инфраструктура сельских территорий нуждается в изменениях. Оптимизация учреждений, государственно-частное партнерство, предоставление услуг в онлайн-формате выступают в качестве точек роста инфраструктуры социально-культурной сферы. Беспокойство вызывает наметившаяся тенденция к утрате учреждениями социально-культурного назначения способности качественно удовлетворять различные потребности сельского населения. У местного населения нет желания посещать мероприятия местных учреждений культуры или получать предложенные ими виды услуг, прослеживается постепенный переход сельского населения на получение данных услуг в городе, что подходит не всем. При этом для части населения услуги остаются не полученными, а потребности — не удовлетворенными. Особое значение для развития социально-культурной инфраструктуры может иметь использование цифровых технологий. Существующие государственные программы имеют недостатки, но уже в краткосрочной перспективе способны оказать влияние на положительную динамику развития социально-культурной инфраструктуры сельских территорий. Решение обозначенных проблем приведет к развитию сельских территорий, повышению качества жизни местного населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Ариарский М. А. Социально-культурная деятельность как предмет научного осмысления. СПб., 2008. 792 с.

Ветлицина И. М. Культура российского села в центре культурной политики страны // Библиотекосведение. 2007. № 2. С.19–24.

Гриценко Г. Развитие инфраструктуры сельских территорий на основе государственно-частного и муниципально-частного партнерства // Общество и экономика. 2021. № 7. С. 73–93.

Груздева М. А. Цифровые навыки и бонусы использования цифровых услуг: признаки территориальной асимметрии // Human Progress. 2020. Т. 6, Вып. 4. С. 1–15.

Долженкова М.И., Мурзина О.Б. Некоторые тенденции развития социально-культурной инфраструктуры постиндустриального города // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 96–102.

Киселёва Т.Г. Социально-культурная деятельность. Москва : Изд-во Моск. гос. ун-та культуры и искусств, 2004. 539 с.

Костяев А.И., Никонов А.Г. Особенности и условия развития социальной инфраструктуры в сельской местности // *Аграрная наука Евро-Северо-Востока*. № 6 (43). 2014. С. 68–73.

Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. URL: http://www.eartist.narod.ru/text16_071.htm. (дата обращения: 10.08.2020).

Хагуров А.А. Некоторые методологические аспекты исследования российского села // *Социологические исследования*. 2009. № 2. С. 95–101.

Шарипов А.Ю. Социальная инфраструктура в концепции ускорения. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1990. 428 с.

Шубин Ю.А. Местное самоуправление социально-культурной сферой как институт гражданского общества : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2006.

Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. О подходах к построению новой системы государственного управления развитием сельских территорий Российской Федерации // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13, № 4. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.8

REFERENCES

Ariarsky, M. A. (2008). *Socio-cultural activity as a subject of scientific understanding*. St. Petersburg. (In Russ.).

Vetlicina, I. M. (2007). Culture of the Russian village in the center of the cultural policy of the country. *Bibliotekovedenie*, 2, 19–24. (In Russ.).

Gritsenko, G. (2021). Development of rural infrastructure on the basis of public-private and municipal-private partnership. *Obshchestvo i ekonomika*, 7, 73–3. (In Russ.).

Gruzdeva, M. A. (2020). Digital skills and bonuses of using digital services: signs of territorial asymmetry. *Human Progress*. 6(4), 1–15. (In Russ.).

Dolzhenkova, M. I., Murzina, O. B. (2014). Some trends in the development of the socio-cultural infrastructure of the post-industrial city. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*, 2, 96–102. (In Russ.).

Kiseleva, T. G. (2004). *Socio-cultural activity*. Moscow: Izd-vo Mosk. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. (In Russ.).

Kostyaev, A. I. Nikonov, A. G. (2014). Features and conditions of development of social infrastructure in rural areas. *Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka*, 6(43), 68–73. (In Russ.).

Sokolov, A. V. *General theory of social communication*. http://www.eartist.narod.ru/text16_071.htm. (In Russ.).

Khagurov, A. A. (2009). Some methodological aspects of the study of the Russian village. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2, 95–101. (In Russ.).

Sharipov, A. Yu. (1990). *Social infrastructure in the concept of acceleration*. Novosibirsk :

Izd-vo Novosib. un-ta. (In Russ.).

Shubin, Yu. A. (2006). *Local self-government in the socio-cultural sphere as an institution of civil society: abstract* (Candidate thesis, St. Petersburg state University, Saint Petersburg, Russian Federation). (In Russ.).

Shulepov, E. B., Zametkin, K. A., Shcherbakova, A. A. (2020). On approaches to the construction of a new system of public administration for the development of rural territories of the Russian Federation. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 13(4). DOI:10.15838 esc.2020.4.70.8 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Оксана Сергеевна Ласточкина — младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия.

Oksana S. Lastochkina — junior researcher, Vologda Research Center of The Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022;
одобрена после рецензирования 07.06.2022;
принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 20.05.2022;
approved after reviewing 07.06.2022;
accepted for publication 10.06.2022.

Персоналии / Biographical article

УДК 316.2

DOI: 10.14258/SSI(2022)2-11

Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин: региональный опыт социального осмысления интеграционного потенциала этнокультурного взаимодействия

**Александр Викторович Головинов¹,
Юлия Владимировна Головинова²**

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
alex-golovinov@mail.ru

²Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия,
yu.golovinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8493-2902>

Аннотация. Статья посвящена реконструкции социально-философских взглядов идеологов движения сибирских областников на проблему взаимодействия этнических культур. Актуальность обращения к идейному наследию патриотов Сибири обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, в 2022 г. исполняется 180 лет со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева — лидера сибирского регионализма. Во-вторых, современное состояние межэтнических отношений, к сожалению, сопровождается противоречиями и некоторыми конфликтными столкновениями на фоне закоренелых в сознании широких масс этнических стереотипов. Потому обращение к творческому наследию Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева, в котором неоднократно предпринимались попытки теоретического осмысления гармонизации межнациональных взаимодействий, видится актуальным. Авторами на основе анализа публицистики мыслителей-областников установлено, что прогрессивное движение этнокультуры приобретает направленность социальной интеграции, культурный прогресс расценивается не переходом от низшего к высшему, а закономерным видоизменением этнокультурных черт субэтнуса. В публикации показано, что альтернативный подход Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина к этнокультурному взаимодействию позволяет представить политику в сфере культуры через взаимодействие и борьбу двух линий — «жесткой», направленной на стандартизацию и унификацию культурной деятельности, и «мягкой», допускавшей сосуществование культур различных типов. Все это возможно, по учению областников, при равном доступе к любого рода ресурсам.

Ключевые слова: сибирское областничество, этнокультура, социальная интеграция, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, Сибирь, инородцы

Для цитирования: Головинов А.В., Головинова Ю.В. Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин: региональный опыт социального осмысления интеграционного потенциала этнокультурного взаимодействия // Society and Security Insights. 2022. Т.5, № 2. С. 170–178. doi: 10.14258/ssi(2022)2-11.

N. M. Yadrintsev and G. N. Potanin: Regional Experience of Social Consideration of the Integration Potential of Ethnocultural Interaction

Alexandre V. Golovinov¹,
Yuliya V. Golovinova²

¹Altai State University, Barnaul, Russia, alex-golovinov@mail.ru

²Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, yu.golovinova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the socio-philosophical views of the ideologists of the movement of Siberian regionalists on the interaction of ethnic cultures. The relevance of addressing the ideological heritage of the patriots of Siberia is due to several circumstances. Firstly, 2022 marks exactly 180 years since the birth of Nikolai Mikhailovich Yadrintsev, the leader of Siberian regionalism. Secondly, the current state of interethnic relations, unfortunately, is accompanied by contradictions and some conflict clashes against the background of ethnic stereotypes rooted in the minds of the masses. Therefore, the appeal to the creative heritage of G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev, in which attempts were repeatedly made to theoretically comprehend the harmonization of interethnic interactions, seems to be relevant. Based on the analysis of the journalism of regional thinkers, the authors found that the progressive movement of ethnoculture acquires the direction of social integration, cultural progress is regarded not as a transition from the lower to the higher, but as a natural modification of the ethnocultural features of the subethnos. The publication shows that the alternative approach of N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin to ethno-cultural interaction allows us to present the policy in the field of culture through the interaction and struggle of two lines — „hard“, aimed at standardization and unification of cultural activities, and „soft“, allowing the coexistence of cultures of different types. All this is possible, according to the teachings of the regionalists, with equal access to any kind of resources.

Keywords: Siberian regionalism, ethnic culture, social integration, N.M. Yadrintsev, G.N. Potanin, Siberia, foreigners

For citation: Golovinov, A.V., Golovinova Yu.V. (2022). N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin: Regional Experience of Social Consideration of the Integration Potential of Ethnocultural Interaction. *Society and Security Insights*, 5(2), 170–178. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-11.

Введение

При знакомстве с идейным миром основоположников сибирского областничества Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина становится очевидным, что свои идеологические и программно-теоретические концепты они выстраивали преимущественно из практико-ориентированных этнографических и социальных исследований. Социально-философские построения лидеров сибирского регионализма, по сути, стали плодотворным результатом практического погружения в социальную онтологию коренного, т.е. инородческого населения Сибири. Осо-

бого внимания в контексте обозначенного может заслуживать, например, идеология этнокультурного взаимодействия в процессе социальной межнациональной интеграции, которая широко представлена в наследии мыслителей-областников.

В настоящее время современные исследователи в области философии, социологии, культурологии, филологии и истории активно обращаются к идейному наследию сибирских областников (Бороноев, 2007; Бакшеев, 2019; Гордиенко, Жилиякова, 2020; Дамешек, 1982; Должиков, 2018; Емельянова, 2004; Зайнутдинов, 2011; Карибаев, 2019; Ляпкина, 2010; Малинов, 2012; Христолюбова, 2021). Вместе с тем специальных работ, посвященных этнокультурной проблематике в идеологии сибирских регионалистов, не достаточно. Цель настоящей публикации как раз и заключается в социально-философской реконструкции взглядов «первых лиц» областнической идеологии на этническую культуру и ее роль для социальной интеграции национальных сообществ. По сути, интеллектуальное творчество областников можно рассматривать в качестве первого регионального опыта социального осмысления интегративного потенциала взаимодействия больших и малых народов.

Методология исследования

Исследование базируется на историко-философском подходе, который позволяет установить контекст эпохи и показать влияние доминирующих социально-философских воззрений на областническую идеологию. Широко применялся также инструментарий герменевтического анализа, что позволило всесторонне проанализировать и реконструировать не всегда эксплицированные взгляды основоположников сибирского областничества на проблему этнокультурного взаимодействия в процессе социальной межнациональной интеграции.

Результаты и их обсуждение

При освоении и колонизации Сибири славяно-русской национальностью судьба коренного населения мало интересовала колонизаторов, эксплуататорские злоупотребления приводили к утрате культурной и социальной самобытности. Аборигенам Сибири приклеивали ярлык варвара и признавали за ними отсутствие каких-либо способностей принимать и усваивать высшую культуру и плоды цивилизации. При всей гиперболизации проблемы сибирский патриот, душою болевший за Сибирь, основоположник сибирского областничества, Н.М. Ядринцев выступает ярким противником такого состояния «инородческого вопроса». В ряде его научных и публицистических статей и монографий отражено особое мнение об инородческой культуре, ее своеобразии и способности к жизни, о взаимодействии культур и их согласовании.

По Н. М. Ядринцеву, традиционные формы жизни на примере кочевой культуры отражают этнокультурные черты сибирского субэтноса. Н.М. Ядринцев при этом свидетельствует: «...первобытная стадия, их дикарство, их детский возраст объясняются, как состояние косности и постоянного застоя, их быт, привычки, способы пропитания, обусловленные особенностями страны, объясняются не-

способностью перейти к высшей культуре, их сопротивление насилию и принуждению изменить образ жизни ставится им в вину, а недостаток знания и отсутствие культурных познаний признается за врожденные качества и отсутствие способностей» (Ядринцев, 2000). Тем самым ученый четко обозначает деятельность цивилизаторов, она должна быть поступательной и совершенно естественной в «окультуривании инородцев». Культурный прогресс состоит не столько в смене промысла, сколько в совершенствовании отдельных способов и занятий, и дикарство при этом — лишь временное состояние культуры.

Лидер областнического движения видел сущность этнокультуры с несколько иных позиций прогрессивного для своего времени эволюционизма, хотя признавал теорию социального и культурного прогресса. Прогресс предполагает переход от низшего к высшему, в данном случае переход от низшей расы к высшей. Однако разделение на низшие и высшие расы в структуре концепции Н. М. Ядринцева, безусловно, присутствует, но оно не означает, что высшие есть лучшие, а низшие — худшие.

Более того, основоположник движения областников неоднократно отмечал, что планомерная эволюция культурного состояния народности есть сложная, многовекторная прогрессивная трансформация традиционных ценностей этноса. «Культурный прогресс, — как установил Н. М. Ядринцев, — совершается не легко, для этого нужны года, он идет различными путями, и не нужно налегать на одно средство, нельзя придавать ему слишком большого значения, но нужно принять во внимание инородческую среду, ее расположение, ту стадию, которую она переживает, и только постепенно удовлетворять ею запросу и приходить в помощь там, где сама жизнь уже делает свое дело и намечает культурные шаги» (Ядринцев, 1889). Таким образом, акт решительного отрицания положений владеющей тогда умами эволюционистской доктрины в идейном мире Николая Михайловича также наблюдать не приходится. Позитивная синергия эволюционизма и плюрализма — вот парадигма этнографических представлений сибирского патриота.

Прогрессивное движение этнокультуры приобретает в этом смысле особую направленность, культурный прогресс расценивается не переходом от низшего к высшему, а закономерным видоизменением этнокультурных черт субэтноса. Процесс взаимовлияния культур протекает очень медленно и естественно. В этом отношении знаменитый сибиряк отметит, что «переходное движение и развитие культуры, постепенные шаги от первобытной стадии к более высшей, переходы от охотничьей жизни к кочевой и от кочевой к полuosедлой происходят совершенно естественно, без всякого побуждения» (Ядринцев, 2000). Процесс этот характеризуется не просто количеством приобретения «новых» культурных черт и качественными изменениями культурной идентичности аборигенов, а рассматривается в хронотопическом измерении, с учетом пространственно-временных характеристик, но при этом «основу традиционного мировоззрения составляют невременные, непреходящие ценности и установки, первичные впечатления человеческого бытия» (Сагалаев, 1991). Именно такая методологическая установка

позволяет признать не только равноценность культур, но и самоценность каждой из них. Архаические культуры воспринимаются не как пережитки, а расцениваются воплощением стихии живой культуры, но этническая культура при этом не должна находиться в резервации, а в рамках межкультурного взаимодействия образовывать континуум культурного пространства.

Культура, в частности для Г.Н. Потанина, отражала внутреннее богатство народного духа, цивилизация же выражала внешнюю, по преимуществу материальную форму развития общества, зачастую построенную на принципах унификации. «Цивилизация, — пришел к выводу Г.Н. Потанин, — нивелирует народы только во внешней культуре, и то может быть только в известной степени, но в области духа ведет к расхождению типов, все же цивилизация дает выход скрытым богатствам народного духа» (Потанин, 1908). Цивилизация, как считали сибирские интеллигенты, часто стирает культурные и национальные особенности, но в то же время позволяет развиваться имманентным свойствам той или иной национальной культуры. Именно поэтому цивилизация может стать источником «культурного совершеннотетия» локальных сообществ, только на принципах гуманного и бережного отношения к традиционным культурам.

Согласование культур и выделение самоценности каждой, по Н.М. Ядринцеву, — один из принципов сохранения многообразия культурного облика человечества и созидающего начала в области человеческой культуры. Таким образом, посредством взаимовлияния, взаимопроникновения, согласования возможно сохранение этнокультурных черт, этнического самосознания, что позволит подерживать этот континуум культуры и сохранить этнос.

В рамках рассматриваемой концепции определяется, что в процессе взаимодействия культур на территории Сибири образуется «областной тип русской народности». По-видимому, он складывается под действием трех факторов: гео-климатических, переселений и инородцев. В этом смысле культура выступает транслятором процесса ассимиляции переселенцев и коренных жителей с учетом природных условий. Культура и быт, обычаи и нравы выступают неким показателем «силы народности» аборигенов Сибири. В этом заключался высокий адаптивный потенциал этнокультуры русско-сибирского субэтнотоса, а такие культуры обладают высокой степенью передачи своих элементов в другие культуры. По этому поводу вполне обоснован феномен «объякучивания» русского населения, вскрытый исследователем в фундаментальном труде «Сибирь как колония». Вероятно, поскольку в Сибири не было монополизирующей культурную жизнь сословия, русско-славянская народность желала приобрести такое положение. Но в вызове «высшей расы», под которой Н.М. Ядринцев понимал просвещенную европеизированную «Великороссию», не было создано условий (правовых, политических, экономических, культурно-просветительских) цивилизационного влияния на малые народы. Причем отношение к Сибири как колонии и проведение политики, направленной на выкачивание ресурсов, все больше определяло социально-экономическое неравенство, при этом субэтнотосы вымирали, теряли свое «национальное бытие». Определив такое состояние региона, Н.М. Ядринцев,

утверждает проблему не просто сохранения, но даже и приобретения собственной идентичности инородческого населения. Таким образом, в социально-философских представлениях Н. М. Ядринцева прослеживается объективистский подход в исследованиях этнической идентичности, направленный на исследование вопросов своеобразия национальных культур и сохранение этничности.

Заключение

Итак, можно констатировать: социальной философии сибирского областничества была присущ концепт, согласно которому процесс взаимодействия этнических культур протекает под действием природно-климатических факторов и происходит на фоне взаимодействия с другими этнокультурными системами. По учению провинциальных философов благополучие бытия каждой этнической культуры напрямую зависит от признания ее самоценности в рамках этнического многообразия. Вполне понятно, что в идейном мире Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина социальный интеграционный потенциал симфонии больших и малых народностей возможен исключительно на основе отказа от любых проявлений социального и экономического неравенства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бороноев А. О. Российская социология: опыт и проблемы изучения ее истории // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 107–114.
- Бакшеев А. И., Филимонов, В. В. Рахинский А. И. Дискурс сибирской суверенизации: от областничества к современной модернизации территориального устройства // Социально-политические науки. 2019. № 1. С. 66–70.
- Гордиенко В. А., Жилиякова Н. В. Публицистика А. В. Адрианова и Г. Н. Потанина в газете «Сибирская жизнь», 1917 г. // Вопросы журналистики. 2020. № 8. С. 101–116.
- Дамешек Л. М. Оценки взаимовлияния русского и коренного населения в трудах политических ссыльных А. П. Щапова и Н. М. Ядринцева // Ссылные революционеры в Сибири. XIX в. — февраль 1917 г. Иркутск, 1982. Вып. 2.
- Должиков В. А. Н. М. Ядринцев об этнокультурном взаимодействии крестьян-старообрядцев Русского Алтая с аборигенным населением // Народы и религии Евразии. 2018. №15(2). С. 52–64.
- Емельянова Т. Н. Областничество Н. М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб. : Инфо-да. 2004. 130 с.
- Зайнутдинов А. Э. Социологические взгляды Н. М. Ядринцева // Петербургская социология сегодня. 2011. Т. 1. С. 293–310.
- Карибаев С. У., Капбарова Г. Ш., Мусакулова Д. А. Этнографическое наследие Н. М. Ядринцева // Евразийский Союз Ученых. 2019. №5 (62). С. 36–38.
- Ляпкина Т. Ф. Н. М. Ядринцев о проблемах культурного влияния // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества. СПб. : Изд. Дом СПбГУ, 2010. С. 84–91.

Малинов А. В. *Философия и идеология областничества*. СПб. : Интерсоцис, 2012. 128 с.

Потанин Г. Н. *Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды: Сборник статей*. СПб. : Печатные Дела, 1908. С. 260–294.

Сагалаев А. М. *Урало-Алтайская мифология: символ и архетип*. Новосибирск : Наука, 1991. 154 с.

Христолюбова Т. П. *Идеи сибирского областничества в художественной жизни дореволюционного Томска // Манускрипт*. 2021. Т. 14, № 3. С. 560–566.

Ядринцев Н. М. *Сибирские инородцы, их быт и современное состояние / под ред. С. Г. Пархимовича*. Тюмень: Мандрики, 2000. 328 с.

Ядринцев Н. М. *Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / под ред. С. Г. Пархимовича*. Тюмень: Мандрики, 2000. 471 с.

Ядринцев Н. М. *О средствах сделать кочевников оседлыми // Восточное обозрение*. 1889. 12 февр. С. 1–3.

REFERENCES

Boronev, A. O. (2007). Russian Sociology: Experience and Problems of Studying Its History. *Sociologicheskie Issledovaniya*, 7, 107–114. (In Russ.).

Baksheev, A. I., Filimonov, V. V., Rakhinsky, A. I. (2019). Discourse of Siberian Sovereignization: From Regionalism to Modern Modernization of the Territorial Structure. *Socialno-politicheskie nauki*, 1, 66–70. (In Russ.).

Gordienko, V. A., Zhilyakova, N. V. (2020). Journalism of A. V. Adrianov and G. N. Potanin in the newspaper „Siberian Life“, 1917. *Voprosy zhurnalistiki*, 8, 101–116. DOI 10.17223/26188422/8/7. (In Russ.).

Dameshek, L. M. (1982). Estimates of the mutual influence of the Russian and the indigenous population in the writings of political exiles A. P. Shchapova and N. M. Yadrintseva. In: *Exiled revolutionaries in Siberia. 19th century — February 1917*. Irkutsk. Issue. 2. (In Russ.).

Dolzhikov, V. A. (2018) N. M. Yadrintsev about the ethno-cultural interaction of the Old Believer peasants of the Russian Altai with the aboriginal population. *Narody i religii Evrazii*, 15(2), 52–64. (In Russ.).

Emelyanova, T. N. (2004). *Regionalism of N. M. Yadrintsev as a philosophy of the Russian reality*. St. Petersburg: Info-da. (In Russ.).

Zainutdinov, A. E. (2011). Sociological views of N. M. Yadrintsev. *Peterburgskaya sociologiya segodnya*, 1, 293–310. (In Russ.).

Karibaev, S. U., Kapbarova G. Sh., Musakulova D. A. (2019). Ethnographic heritage of N. M. Yadrintseva. *Evrazijskij Soyuz Uchenyh*, 5(62), 36–38. (In Russ.).

Lyapkina, T. F. (2010). N. M. Yadrintsev on the problems of cultural influence. In: *Regional trend in Russian philosophical and social thought: To the 150th anniversary of Siberian regionalism*. St. Petersburg: Izd. Dom SPbGU (pp. 84–91). (In Russ.).

Malinov, A. V. (2012). *Philosophy and ideology of regionalism*. St. Petersburg: Intersocis. (In Russ.).

Potanin, G. N. (1908). Needs of Siberia. In: *Siberia, its current state and needs*: Collection of articles. St. Petersburg: Pechatnye Dela (pp. 260–294). (In Russ.).

Sagalaev, A. M. (1991). *Ural-Altai mythology: symbol and archetype*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

Khristolubova, T. P. (2021). Ideas of Siberian regionalism in the artistic life of pre-revolutionary Tomsk. *Manuskript*, 14(3), 560–566. DOI 10.30853/mns210114. (In Russ.).

Yadrintsev, N. M. (2000). *Siberian foreigners, their life and current state*. Tyumen: Mandriki. (In Russ.).

Yadrintsev, N. M. (2000). *Siberia as a Colony: The Current Situation of Siberia. Her needs and wants. Her past and future*. Tyumen: Mandriki. (In Russ.).

Yadrintsev, N. M. (1889). On the means to make the nomads settled. *Vostochnoe obozrenie*, 12 Feb., 1–3. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Александр Викторович Головинов — канд. филос., доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Alexandre V. Golovinov — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law, Altai State University, Barnaul, Russia.

Юлия Владимировна Головинова — канд. ист. наук, доцент кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия.

Yuliya V. Golovinova — Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of Law and Methods of Teaching Socio-Economic Disciplines, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.05.2022;
одобрена после рецензирования 17.05.2022;
принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 01.05.2022;
approved after reviewing 17.05.2022;
accepted for publication 01.06.2022.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

BRIEF MESSAGES AND FIRST RESEARCH EXPERIENCE

Краткое сообщение / Short Communication

УДК: 314.7

DOI: 10.14258/SSI(2022)2-12.

Consequences of Migration in the Kyrgyz Republic

Rita B. Salmorbekova

National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic,
r.salmorbekova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7580-9694>

Abstract. The article is devoted to the problem of internal and external migration in the Kyrgyz Republic. After the collapse of the Soviet Union, the Kyrgyz Republic had experienced mass out-migration of the population. The people were forced to migrate during the period chaos to improve their quality of life. Basically, in the early 1990s, the Slavic people from Kyrgyzstan left for Russia and Kazakhstan. Strong internal migration began in 1994, when rural Kyrgyz arrived from regions to Bishkek, the capital of Kyrgyz Republic. Migration outside the former Soviet Union began in 2000. The vast majority of Kyrgyz went to Turkey, Germany or the USA. Thus, the problem of migration in the Kyrgyz Republic is not new. This article analyses the results of a 2019 focus group study. Field research was necessary to assess the effects of population migration and 14 focus groups were conducted in rural areas in the north of Kyrgyzstan. The results of the research revealed the positive and negative consequences of the migration process, reflecting the

current migration situation in the north of Kyrgyzstan. In general, the growth of migration has led to new problems in society: families suffer, children are left without parental care and there is a drain (brain drain) of the working age population.

Keywords: migration, migrant, quality, and standard of living, society, process, respondent, focus group

Financial Support: the work was financially supported by the Ministry of Education and Science of the Kyrgyz Republic („Social qualimetry as a basis for improving the social policy of the state“).

For citation: Salmorbekova, R. B. (2022). Consequences of Migration in the Kyrgyz Republic. *Society and Security Insights*, 5(2), 178–185. doi: 10.14258/ssi(2022)2-12.

Последствия миграции в Кыргызской Республике

Рита Бобуевна Салморбекова

Национальная академия наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызская Республика,
r.salmorbekova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7580-9694>

Аннотация. Статья посвящена проблемам внутренней и внешней миграции в Кыргызской Республике. После развала Советского Союза в Кыргызстане началась массовая миграция населения — народ был вынужден в период хаоса мигрировать в целях повышения качества жизни. В начале 1990-х гг. большая часть славянских народов уехали из Кыргызстана в Россию и Казахстан. Внутренняя миграция началась в 1994 г., когда в столицу — Бишкек из регионов стали массово переезжать сельские кыргызы. С 2000 г. началась миграция за пределы бывшего СССР. Подавляющее большинство кыргызов отправились в Турцию, Германию или США. Таким образом, проблема миграции в Кыргызской Республике не является новой. В данной статье анализируются результаты исследования фокус-группы 2019 г. Для оценивания последствий миграции населения необходимо было провести исследования на местах, и в сельской местности на севере Кыргызстана было проведено 14 фокус-групп. Результаты исследования раскрыли позитивные и негативные последствия процесса миграции, отражена современная миграционная ситуация на севере Кыргызстана. В целом рост миграции привел к появлению новых проблем в обществе: семьи страдают, дети остались без попечения родителей, происходит утечка (мозгов) населения трудоспособного возраста.

Ключевые слова: миграция, мигрант, уровень и качество жизни, общество, процесс, респондент, фокус-группа

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки КР («Социальная квалиметрия как основа совершенствования социальной политики государства»).

Для цитирования: Салморбекова Р.Б. Последствия миграции в Кыргызской Республике // *Society and Security Insights*. 2022. Т. 5, № 2. С. 178–185. doi: 10.14258/ssi(2022)2-12.

Introduction

In the Kyrgyz Republic, the modern migration process is accompanied by an outflow of the population and an increase in external labor migration. As a result of population migration, Kyrgyzstan suffers irreparable losses, the country loses its human potential. Migration is naturally determined by several economic factors such as a decline in living standards, a tense situation in the labor market, and a growing lag in terms of socio-economic development from other CIS countries. External labor migration of Kyrgyzstan has become significant. Based on this, we conducted sociological research to identify the positive and negative potentials of the migration process in Kyrgyzstan.

A concept of the functions and causes of rural migration was developed. According to the developed concept, population has accelerating, redistributive and selective functions.

In the Russian sociological science many socio-demographic, socio-economic, social, and labor studies are devoted to the problems of migration. The school of T. I. Zaslavskaya (2004) had pioneered in studying migration processes from the standpoint of migration behavior. Certain aspects of the migration processes, in particular the migration mobility of the population and the study of migration in the context of urbanization were developed by B. S. Khorev (1978) and presented in the works of adepts of his school. The theoretical works by L. L. Rybakovsky (2019) describe the three-stage migration process, which is a sequential chain of events. In Kyrgyzstan, migration issues were also touched upon by research scientists dealing with the problems of internal and external labor migration. Among them are the works of A. Sh. Abzhamilova (2005), A. A. Akaev (2017), M. A. Mamyrganov (2012), R. B. Salmorbekova (2015) and others.

Methodology

This article uses qualitative methodology realized in focus groups with key informants. The study was carried out in 2018-2019 in rural areas; the field study covered 14 villages throughout the republic. The research idea was proposed by graduate students to write a dissertation on the problems of the level and quality of life in rural areas. First, in October-November 2019 with the help of independent sociologists, a focus group was held with the participation of 168 respondents to identify the set task in 14 villages in the north of the Kyrgyz Republic. The focus group was mainly attended by men and women from a migrant family over 18 years of age.

Purpose

The main purpose of the research was to identify the positive and negative consequences of the migration process by means of focus group discussions (FGDs). A focus group is a small group of people, all of similar background, who are brought together to discuss their thoughts and feelings about a particular topic. Focus group discussions (FGDs) work better when the group is homogenous, that is, when people have a lot in common and where there are no big differences in status and power.

We should make strong efforts to limit group discussion participants to eight people, with a minimum of five to carry out the discussion.

FGDs can easily turn into a discussion between the most vocal and confident members of the group. Therefore, the facilitator must do his or her best to encourage everyone to speak, without pressuring anyone. Eye contact with all participants and making all participants feel part of the conversation is important. Gentle but direct questions to a quiet person may be appropriate, but more general comments which can work, are:

- „Some people have been quiet, but may have views to share. Would you like to speak now?“
- „Some people have been speaking much more than others. Would anyone who has not spoken like to contribute his or her views?“

The facilitator should encourage people to sit in a circle, so that all members of the group can see each other, including the facilitator. The note-taker should sit somewhere nearby and should also be able to see all of the participants.

Research results

Migration in Kyrgyz Republic has started soon after the country gained its independence. As FGD participant said: „*First, Russians and other nations who lived in village left, and then the number of people who went for migration increased*“. Another FGD participant comments that internal migration started in 1994 and external migration has started in 1995-1996. Those migrants left for Russia and Kazakhstan. She also added that from 2000 migration started beyond the boundaries of former USSR. Most of them went to Turkey, Germany or USA.

The villagers resort to migration because of lack of jobs, or if anyone has got a job then salary is very low, thus the life conditions are quite difficult and they cannot feed their families properly. One FGD participant described: „*we had a teacher of Physics, and he went to work in shaar (city, reference here to Bishkek) because of his low salary. But there he could not earn more either and could not feed his children. Now, he is in Russia and working by offering private tuition, and he is earning good money*“. Another FGD participant commented: „*My sister went to Turkey, and now she is working there, and her life conditions improved*“.

The migrants are away for a long period of time as a rule. One FGD participant said: „*My sister left abroad ten years ago. Some migrants are getting citizenship there and working in good jobs*“.

Both men and women go for migration from Kyrgyz Republic. Women are also going abroad for the same reasons as the men do: lack of jobs, low salary, and poor living conditions. A FGD participant gave explanation as to why the number of women migrants has increased: „*More women are now going for migration, because the migrant women are not harassed by the locals there, for example by the nationalists / skinheads (in Russia). The men are often beaten up*“. Another FGD participant mentioned about the atrocities against the migrants: „*My neighbor went to Russia with his newly married wife and they worked there for 12 years and then they wanted to return to Kyrgyzstan with all the money they had earned. But unfortunately, some crook people had been following them and they knew that this family had a lot of money, they broke into their apartment and killed both husband and wife in front of their 3-year old son. Other 12 Kyrgyz migrants*

who knew the family well, collected money to send the child and dead couple to Kyrgyzstan. They arrived after eight days“.

Regarding the ages of the migrants, a FGD participant said: „The migrants ages range from 20 to 45, thus they are capable of doing hard manual jobs“.

It is difficult to find money to become migrant. Some FGD witnesses: „My sister borrowed money from different people when she was leaving“, „My brother also borrowed money and migrated, but he returned the money quite soon“.

Many migrants cannot find jobs according to their specialties. Most of them work in construction and services: „My brother worked as a police officer here, but in Russia he is now working as a butcher“, „My sister was a teacher of mathematics, but she is working as a baby-sitter in Russia“. But there are some migrants who can find jobs according to their specialties: „My sister worked as a medical doctor here, and now she is working as medical personnel in USA too“, „My younger brother is a teacher by profession and he is now working as a teacher in Russia. He said that they have shortage of teachers in rural Russia“, „My sister is a nurse by profession and she is working according to her profession in Russia“.

Some migrants also take their children with them. As FGD participant explains: „The migrants take their children with them. I have kuda (son-in-law) in Tomsk. They have small child who now goes to kindergarten there. They say that their life is good and there are many Kyrgyz families there. They had some difficulty with the Russian language initially“.

Migrants face many difficulties abroad. They are hired by someone to work and everything which surrounds them is different. They also miss their relatives whom they leave behind. The villagers are getting used to the migrant family members staying away for a long period of time. Migrants miss their children who are left behind. But they stay there because they want to earn money and improve their life quality. As FGD participant said: „My brother-in-law stayed behind and he is looking after their children now“. Poor migrants are having a lot of difficulties there, but they always tell that everything is okay with them. We know their difficulties and how everything is affecting their health. We always worry about them.

The migrants come back to visit their families whenever they can. A FGD participant said: „My sister-in-law left to Germany and she visits us once a year“. Another opinion: „My younger sister left four years ago and she hasn't come back yet. Every family has got a migrant family member now“.

The villagers communicate with their migrant relatives by phone. A FGD participant explained: „It has become easy to contact them. We speak with them almost every day. They normally call us“. Another FGD participant said: „We also communicate with SMS. They can also send their photos to us via mobile phones“.

The migrants send remittance to their relatives through banks. One FGD participant said: „They send money whenever we need it“, and another FGD participant added: „Our relative sends money every month. So, we know which day he will send us and how the money will be used. They also tell us to use the money for which needs“. The villagers are also purchasing land or house for the money sent to them. According to a FGD history:

„My brother-in-law sends money to his family during holidays such as Nooruz, New Year and others“.

The villagers do not have any problems with accessing the banks and getting the remittances. One FGD participant said: *„There are no problems with sending money to us, and we go there and get money at the bank“.* One more FGD participant observed: *„It has become so easy for us. We just get money from the bank, instead of worrying about what happened to the money which is sent by someone, is the money going to reach me safely?“*

The remittances are used for various purposes. One FGD participant reported: *„When they are sending money, they instruct us how to use it. For example, they tell us that we should buy a sheep or cow“.* Another FGD participant added: *„Now they send money and tell us that we should pay credit back“.* They also send money for organizing feasts or weddings, according to another respondent. Migrants also send money for their children's needs, for example, for their food, clothes and education.

There is a general belief that migration is affecting the villagers' lives positively. A FGD participant said: *„My sister went to Russia and from there to Israel and she now got married there and she is living well. The Kyrgyz always want to improve their life and she is trying to further improve“.* Thus, migration is improving the life conditions of the migrants and their relatives.

The migrants are also affecting the youth in the village. The young people also want to go abroad to work. Some people who already left are inviting the villagers who are here. There is increase of number of migrants during last five years. As participant of FGD expressed on migration: *„They hear news from each other, and hear that some people have improved their lives because of migration and thus they also join them. More young people want to go for migration“.*

The young FGD participants of both sexes also responded to the questions on migration. Opinions were not the same. A young girl said: *„Young girls are going to migration to earn money“.* Another young girl mentioned: *„I don't want to leave abroad. Many young people with diplomas do not have jobs, to find a job one needs to pay bribe at least one thousand dollars. Therefore, young people are going for migration“.* A young boy however stated: *„I haven't heard of anyone who made a fortune by being a migrant. I also spent one year in Kazakhstan where I paid for an apartment and then to police officers and came back without money“.*

Thus, as shown by the results of the study, the destruction of the family and family relations of labor migrants became a negative factor. There is a violation of the social integrity of the family and family relations, deformation of family values and traditions, an increase in the number of street children, and juvenile delinquency. The local community and the remaining families are faced with the situation of an incomplete family, which leads to a change in the functional system, the role, and mechanism of upbringing and education of children, the younger generation is formed in isolation from parental education. These and other difficulties, however, do not stop migrants from looking for work. Working abroad allowed most of them to improve the financial situation of their families, and for the republic itself, among the main economic effects was a reduction in the deficit of balances of payments due to the receipt of remittances.

Conclusion

The results of the work are that migration has a positive effect on the life of the villagers. Thus, migration improves the living conditions of migrants and their relatives. The migration process affects young people. Young people also want to go abroad to work and learn about the world. Over the past five years, there has been an increase in the number of migrants. Many with higher education diplomas go abroad due to unemployment. As the results of the study have shown, there are positive and negative consequences of migration. The research results can be used in the field of the socio-political, economic, and psychological study of the problem of migration.

REFERENCES

- Abzhamilova, A. Sh. (2005). Trends in the dynamics of the natural movement of the population of Kyrgyzstan. In: *Actual problems of the development of the economy of Kyrgyzstan at the present stage*. Bishkek: KRSU.
- Akaev, A. A. (2017). Migration: forms and role in improving the quality of life of the population. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2, 195–202.
- Zaslavskaya, T. I. (2004). *Contemporary Russian society. Social mechanism of transformation*. M.: Delo.
- Mamyrganov, M. A. (2012). Legal status of labor migrants from Kyrgyzstan in the Russian Federation. *Bulletin on Human Rights in the Kyrgyz Republic*, 1, 4–14.
- Rybakovsky, L. L. (2019). *Migration of population*. Moscow: Yurajt.
- Salmorbekova, R. B. (2015). The impact of the process of globalization on the change in Kyrgyz society. *Fundamental and applied research: problems and results*, 22, 113–118.
- Khorev, B. S. (1978). *Problems of studying population migration*. Moscow: Mysl'.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Абжамилова А. Ш. Тенденции динамики естественного движения населения Кыргызстана // Актуальные проблемы развития экономики Кыргызстана на современном этапе : сб. ст. Бишкек : КРСУ, 2005.
- Акаев А. А. Миграция: формы и роль в улучшении качества жизни населения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2. С.195–202.
- Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. 397 с.
- Мамырканов М. А. Правовое положение трудовых мигрантов из Кыргызстана в Российской Федерации // Бюллетень по правам человека в Кыргызской Республике. 2012. № 1. С. 4–14.
- Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. М. : Юрайт, 2019. 480 с.
- Салморбекова Р. Б. Влияние процесса глобализации на изменение кыргызского общества // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и резуль-

таты. 2015. № 22. С. 11–118.

Хорев Б. С. Проблемы изучения миграции населения. М. : Мысль, 1978. 254 с.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Rita B. Salmorbekova — Dr. Sci. (Sociology), Professor of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan.

Рита Бобуевна Салморбекова — д-р социол. наук, профессор Национальной академии наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан.

The article was submitted 12.05.2022;
approved after reviewing 26.05.2022;
accepted for publication 01.06.2022.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022;
одобрена после рецензирования 26.05.2022;
принята к публикации 01.06.2022.

Научная статья / Research Article

УДК 316.36

DOI: 10.14258/SSI(2022)2-13

Манифестация этничности в современном мире (на примере анализа свадебных обрядов)

Елизавета Григорьевна Котенок¹,
Виктория Сергеевна Фролова²

^{1,2}Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹kotenokelizaveta549@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1656-1246>

²viktoria.frolova.2000@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5113-3784>

Аннотация. Глобализация, процессы модернизации, а также чувство постоянной угрозы (военной, террористической, экологической и др.) оказывают влияние на индивидов, повышая их интерес к своим традициям и обычаям, выступающим фактором стабильности и постоянства. Функционирование этнических общностей становится предметом социального познания. Обрядовые формы свадеб появились в глубокой древности и являются одним из наиболее устойчивых элементов в жизни этносов, отражающих их культуру. В связи с этим приобретает актуальность изучение свадебных традиций разных народов как способа выражения этнической идентичности их представителей. Цель исследования заключалась в анализе образов свадебного обряда в представлениях студентов магистратуры Института гуманитарных наук АлтГУ (на примере китайской и шотландской традиционных свадеб) на основе результатов ассоциативного эксперимента и психосемантического анализа. Результаты исследования позволили выявить структуру и содержание образов и различия во взглядах на свадебные обряды у молодого и старшего поколений.

Ключевые слова: этнос, этничность, этническая идентичность, свадебные обряды, образ свадьбы, китайская традиционная свадьба, шотландская традиционная свадьба

Для цитирования: Котенок Е.Г., Фролова В.С. Манифестация этничности в современном мире (на примере анализа свадебных обрядов) // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 2. С. 186–204. doi: 10.14258/ssi(2022)2-13.

The Manifestation of Ethnicity in the Modern World (on the Example of the Analysis of Wedding Ceremonies)

Elizaveta G. Kotenok ¹,
Victoria S. Frolova ²

^{1,2}Altai State University, Barnaul, Russia

¹kotenokelizaveta549@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1656-1246>

²viktorija.frolova.2000@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5113-3784>

Abstract. Globalization, modernization processes, as well as a sense of constant threat (military, terrorist, environmental, etc.) have an impact on individuals, increasing their interest in their traditions and customs, acting as a factor of stability and permanence. The study of ethnic communities, their functioning and cultural reproduction is among most acute in social cognition. Ceremonial forms of weddings appeared in ancient times and now are the most stable element in the life of ethnic groups, reflect their culture. In this regard, the study of wedding traditions of different peoples as a way of expressing their ethnic identity becomes relevant. The article presents the results of the analysis of weddings of various ethnic groups. The purpose of the study is to analyze the images of the wedding ceremony in the representations of Master's students of the Institute of Humanities of the Altai State University (using the example of Chinese and Scottish traditional weddings), based on the results of associative experiment and a psychosemantic analysis. The results of the study revealed the structure and content of the images, as well as the views on wedding ceremonies of young and older generations.

Keywords: ethnicity, ethnic identity, wedding ceremonies, wedding image, Chinese traditional wedding, Scottish traditional wedding

For citation: Kotenok, E. G., Frolova, V. S. (2022). The manifestation of ethnicity in the modern world (on the example of the analysis of wedding ceremonies). *Society and Security Insights*, 5(2), 186–204. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-13.

Введение

В настоящее время мир, находящийся на пике развития цивилизации, предоставляет обществу неограниченные возможности. Современный человек живет в эпоху информатизации, автоматизации и массы других научных достижений. Текущее положение дел в социальной, политической и экономической сферах ведет к интенсивному развитию информационного общества, порождающего глобальную культуру. Человек, являясь частью этой культуры, ощущает ее влияние на себе. Одним из его проявлений считается размытие границ разных культур, вызывающее потерю этнической идентичности (Дробижева, 2017).

Л.Г. Пугачева выделяет несколько процессов, способствующих размытию этноинтегрирующих факторов: языковые, связанные с исчезновением или существенной трансформацией этнических языков, антропофизиологические, отражающие изменения внешнего вида представителей этноса из-за смешанных

браков, ментальные и поведенческие, имеющие отношение к изменениям в психологии этноса, его базовых ментальных установках, автостереотипах и мировосприятии (Пугачева, 2003). Существует и противоположная точка зрения, где речь идет уже не о размывании этнической идентичности, а о расслоении и дифференциации.

Например, Ф.Х. Кессиди отмечает, что глобализация, интернет и другие новейшие средства информации способствуют проявлению разных сторон человеческой природы, но не в состоянии породить нового человека, человека вне определенного этноса и цивилизации. Поэтому надежды интеллектуалов на интеграцию культур и образование единой (мировой) культуры и даже «слияние» в обозримом будущем этносов (наций и народов) в некий планетарный суперэтнос или «мегаобщество» представляются весьма проблематичным (Кессиди, 2004).

Во второй половине XX в. у многих народов отмечается осознание своей этнической принадлежности. Интерес к своим корням проявляется у них в различных формах: возрождаются древние обычаи, обряды, традиции, вновь появляются народные промыслы (Петренко, 1983).

Во многом это связано с проблемами глобализации. Общество, в котором мы живем, нельзя назвать стабильным. Угроза ядерной войны, экологические катастрофы, природные катаклизмы, терроризм, международные конфликты — все это влияет на психику как отдельного человека, так и целых народов. Возвращение к своим корням, возрождение давно забытых традиций и обычаев для многих стало неким символом стабильности (Заславская, Ядов, 2018).

Проявить свою этническую принадлежность можно по-разному. Один из наиболее ярких способов состоит в участии в этнически маркированных обрядах и церемониях, отражающих историческую память народа и транслирующих значимые смыслы и элементы мировоззрения. Одним из таких событий является свадьба. Несмотря на влияние глобализации, именно свадебные обряды во многих культурах сохранили большое количество традиционных компонентов и этнических символов. В этой связи, изучение образов свадьбы может помочь как в понимании современного состояния этнических культур и их восприятия представителями других этнических групп.

Методика и организация исследования

В нашем исследовании были использованы: ассоциативный эксперимент (для определения дескрипторов), корреляционный, факторный и психосемантический анализ.

Для психосемантического эксперимента с помощью предварительного анализа были отобраны 10 фотографий-образов, отражающих свадебные традиции различных народов. В них вошли следующие образы: свадебный наряд; традиционное блюдо; место проведения свадьбы; традиционные подарки; свадебный ритуал (обряд); традиция перед бракосочетанием; символы свадьбы; традиционный свадебный декор; традиционный танец; сватовство.

Образы оценивались на основе совокупности дескрипторов, подобранных в результате частотного анализа данных ассоциативного эксперимента, включающих 26 биполярных семибалльных шкал (от -3 до 3): Черно-белый — Цветной, Патриархальный — Прогрессивный, Бедный — Богатый, Этнический — Универсальный, Холодный — Теплый, Сдержанный — Чувственный, Простой — Изысканный, Старый — Молодой, Традиционный — Современный, Обязательный — Свободный, Мужской — Женский, Свой — Чужой, Природный — Урбанистический, Религиозный — Светский, Разнообразный — Однообразный, Необычный — Привычный, Радостный — Грустный, Активный — Пассивный, Священный — Греховный, Нарядный — Повседневный, Большой — Маленький, Главный — Зависимый, Закрытый — Открытый, Любимый — Ненавистный, Важный — Незначительный, Одобряемый — Наказуемый.

На основе первичных данных подсчитывались матрицы средних значений для образов и дескрипторов, которые подвергались факторному анализу, корреляционному анализу, а также выявлены взаимосвязи образов и дескрипторов.

Выбор этносов, представленных в нашем исследовании, обусловлен их полярными культурными традициями. Шотландская свадьба — это западные традиции с ярко выраженными этническими элементами, китайская — олицетворение восточной культуры.

Выборка исследования. В рамках нашего исследования использовалась сплошная выборка, численность респондентов составила 20 человек, студентов-магистрантов Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета с различными социально-демографическими характеристиками, возраст опрошенных — от 21 до 55 лет. Все испытуемые идентифицировали себя как русские, а значит, для них обе свадьбы были достаточно необычными и незнакомыми, эти обряды далеки от привычных им российских. С целью сравнительного анализа студенты разделены на две группы, условно старшего и младшего возраста.

Основные результаты исследования

Брачные традиции Китая формировались тысячелетиями и продолжают трансформироваться сегодня. Для китайцев свадьба — это не просто красивая церемония. В конфуцианской классической книге «Ли ЦзыХунь И» говорится о том, что свадьба — основа ритуала (Вань Дань, 2021). Можно сказать, что основу всей ритуальной культуры Китая составляют именно свадебные ритуалы.

Основы свадебных норм были заложены в период правления династии Чжоу. Свадьбы тех времен заставляли людей через сложность церемоний бракосочетания понимать всю ответственность за семейную жизнь и готовность принятия на себя определенных обязанностей. Во время правления династии свадебная культура способствовала усилению и закреплению концепции социальной этики, поддержанию патриархального строя в Китае, а также все это поспособствовало развитию экономических и политических отношений и совершенствованию общей национальной культуры (Белая, 2009).

Помимо репродуктивной, социально-статусной функции и функции социализации, свадьба в Китае выполняет и такие важнейшие социокультурные функции, как символическая, социально-воспитательная, политическая. В китайской традиции принято некоторые предметы наделять сакральным смыслом. Так, символом любой свадьбы в Китае является гусь сухонос. Социально-воспитательная функция направлена на формирование правильного отношения к браку и семье среди молодых людей. Политическая функция свадьбы проявляется в том, что брак способствует обеспечению взаимовыгодных отношений между разными родами (Белая, 2014).

В современном обществе Китая на бракосочетание оказывают влияние социально-экономические особенности развития страны. Люди, которые хотят вступить в брак, выбирают себе партнера с учетом его социального статуса и финансового положения. Немаловажное влияние оказывает и распространение западных свадебных традиций, поэтому в настоящее время наблюдается смещение ценностных приоритетов среди молодых людей в Китае.

В результате факторного анализа была выявлена взаимосвязь между образами. Так, свадебный наряд связан с традиционным блюдом, с местом проведения свадьбы, с ритуальным обрядом, а также с декором свадьбы. Традиционное блюдо ассоциировалось с местом проведения свадьбы, с ритуальным обрядом, с декором свадьбы. Ритуальный обряд связан с декором свадьбы, а традиционный подарок — с традициями на свадьбе.

Далее было построено семантическое пространство. На его основе можно описать образы с помощью первичных оценок не только по отдельным шкалам, но и по латентным факторам (обобщенным категориям общественного сознания).

Анализируя семантическое пространство, представленное на рисунке 1, можно сделать вывод, что смысловое выражение свадебных образов молодоженов в Китае, как и традиционное блюдо, место проведения свадьбы, ритуальный обряд и декор, определяется через нарядность, радость, активность.

Для респондентов наиболее близкими оказались традиционный подарок, традиционный символ свадьбы, свадебная традиция и сватовство. Им соответствуют дескрипторы разнообразия, этничности, мужественности, природности. По мнению опрошенных, они играют большую роль на свадьбах в Китае и могут быть привычными для нас.

Традиционные мероприятия перед свадьбой воспринимаются респондентами как обязательная и священная часть ритуала и в психоэмоциональном плане ассоциируются с холодными чувствами. Ведь невеста перед свадьбой в Китае должна оплакать свою семью и проститься с ней.

Шотландская свадьба в том виде, как ее празднуют сейчас, — любопытная смесь рыцарских романов, ритуалов, религии, суеверий и практицизма. Большая часть из того, что сегодня считается в свадебной церемонии само собой разумеющимся, на самом деле в прошлом имело огромное значение. Шотландские свадебные традиции так же стары, как и шотландские холмы.

По результатам факторного анализа были выявлены следующие зависимости между образами.

Рисунок 1 — Психосемантическое пространство представлений китайской традиции свадебного обряда

Figure 1 — Psychosemantic space of representations of the Chinese wedding ceremony tradition

Свадебный обряд ассоциируется у опрошенных с традицией перед бракосочетанием (0,554). Традиционный свадебный декор в представлениях респондентов оказался связан: со свадебным нарядом (0,558), с местом проведения свадьбы (0,534), с символы свадьбы (0,546), а также с традиционным танцем (0,676). Кроме того, по данным опросов традиционные подарки имеют положительную взаимосвязь со свадебным ритуалом (0,691).

Корреляционный анализ между дескрипторами, вошедшими в общий фактор, показал наличие множества семантических взаимосвязей. Прилагательное «цветной» ассоциировалось у респондентов с холодом, сдержанностью, старостью, религиозностью, однообразием и пассивностью.

Патриархальность ассоциируется у опрошенных с однообразием, активностью и священностью. Дескриптор «бедный» имеет отрицательную взаимосвязь с прилагательным «важный». Этничность, в свою очередь, связана с традиционностью и является необычной в представлениях опрошенных.

Сдержанность, по мнению респондентов, связана с холодом, а молодость — с закрытостью. Несмотря на ассоциацию однообразия, опрошенные отмечали и активность, присущую шотландской свадебной традиции.

После изучения всех взаимосвязей было построено семантическое пространство (рис. 2). На основе данного рисунка образы были описаны не только по конкретным шкалам, но и по ассоциативным категориям соответствия через близость с другими дескрипторами.

Согласно данным, представленным на рисунке 2, смысл традиционного свадебного декора на шотландской свадьбе определяется через закрытость, молодость, а также через изобилие цвета.

Традиционные свадебные подарки в представлениях респондентов связаны с прилагательным „мужской“, а традиции перед бракосочетанием — „ненавистный“.

Место проведения традиционной шотландской свадьбы определяется через обязательность, а также вызывает ассоциации холода у респондентов.

Традиционное свадебное блюдо в Шотландии определяется прилагательным „незначительный“, в то время как свадебный танец ассоциируется с традиционностью.

Рисунок 2 — Психосемантическое пространство описания представлений о шотландских свадебных традициях

Figure 2 — Psychosemantic space for describing ideas about Scottish wedding traditions

Чаще всего различия в представлениях о свадьбах зависят от возраста респондентов. Всех респондентов мы разделили на две подгруппы: к первой были отнесены студенты в возрасте 21–25 лет, вторую группу составили опрошенные от 45 лет.

Проанализировав полученные данные, мы выяснили, что для респондентов до 25 лет традиционный символ китайской свадьбы и традиция на свадьбе более взаимосвязаны между собой, чем другие элементы свадебного обряда. Тогда как у опрошенных в возрасте от 45 лет связанных между собой образов больше: свадебный наряд с традиционным блюдом, местом проведения, ритуальным обрядом, с декором свадьбы. То есть респонденты в возрасте от 45 лет выделяют больше главных компонентов свадебного обряда. Традиционное блюдо ассоциируется с местом проведения, которое, в свою очередь, взаимосвязано с ритуальным обрядом

и с декором свадьбы, ритуальный обряд — с декором свадьбы. Таким образом, мы выявили различия в восприятии образов в разных возрастных группах.

По каждому возрасту было построено семантическое пространство. Так, для студентов из подгруппы до 25 лет свадебный наряд, традиционное блюдо, место проведения и традиционный подарок репрезентируется через понятия богатства, изысканности и молодости. Именно без этого трудно представить традиционную свадьбу в Китае. Молодожены стремятся выглядеть красиво и роскошно, накормить своих гостей необычными деликатесами, а гости, в свою очередь, преподносят дорогие подарки (чаще всего деньги).

Интересно, что для студентов младшего возраста традиционный символ свадьбы в Китае, декор свадьбы, традиция на свадьбе и сватовство ассоциируется с патриархальностью и общественным одобрением.

Традиция перед свадьбой, связанная с прощанием невесты со своей семьей и оплакиванием умерших родственников, для студентов до 25 лет выражается через категории «универсальность», «обычность» и «грусть».

Рисунок 3 — Семантическое пространство обрядовых компонентов свадьбы и дескрипторов в представлениях респондентов из подгруппы до 25 лет

Figure 3 — Semantic space of ceremonial wedding components and descriptors in the views of respondents under 25 years

Анализируя результаты по шотландской свадьбе, мы выяснили, что для возрастной группы до 25 лет место проведения свадьбы связано со свадебным декором и традиционным танцем. Помимо этого, в представлениях младшей возрастной группы также взаимосвязаны традиционные подарки и свадебный ритуал, в то время как для возрастной группы от 45 лет оказались связаны место проведения свадьбы с традиционными подарками и свадебным обрядом. Кроме

того, по их мнению, свадебный декор взаимосвязан с символом свадьбы и традиционным танцем.

Шотландские свадебные традиции в представлениях респондентов до 25 лет определяются следующим образом: традиционное блюдо и традиционный танец ассоциируются с дескриптором «любимый».

Свадебный декор является важным, а свадебный подарок — религиозным, обязательным и ассоциируется с холодом. Свадебный обряд в Шотландии представляется сдержанным.

Рисунок 4 — Семантическое пространство обрядовых компонентов свадьбы и дескрипторов в представлениях респондентов до 25 лет

Figure 4 — Semantic space of ceremonial wedding components and descriptors in the views of respondents under 25 years

Семантическое пространство для возраста от 45 лет представлено на рисунке 5. Для этой подгруппы респондентов китайский свадебный наряд, традиционное блюдо и место проведения ассоциируется с нарядностью. То есть эти элементы китайской свадьбы не должны быть повседневными.

Смысловое выражение традиционного подарка, ритуального обряда, символа и декора свадьбы определяется у студентов старшего возраста через категории «главный», «пассивный» и «важный».

Традиция на свадьбе в Китае связана с тем, что молодожены угощают чаем своих родителей. Респонденты из подгруппы от 45 лет соотнесли ее со сватовством, на котором при знакомстве с семьей также обязательно выпивают чай. Действительно, смысл этих традиций схож и для студентов ассоциируется с чем-то однообразным и привычным; светским и урбанистическим; традиционным для Китая и универсальным для других стран.

Рисунок 5 — Семантическое пространство обрядовых компонентов свадьбы и дескрипторов в представлениях респондентов из подгруппы респондентов до 45 лет

Figure 5 — Semantic space of ceremonial wedding components and descriptors in the views of respondents aged under 45 years

Рисунок 6 — Семантическое пространство обрядовых компонентов свадьбы и дескрипторов в представлениях респондентов из подгруппы 45 лет и старше

Figure 6 — Semantic space of ceremonial wedding components and descriptors in the views of respondents over 45 years

Анализируя семантическое пространство (рис. 6), можно сделать вывод, что для старшего поколения шотландские свадебные традиции представляются иначе, чем для молодого. Свадебный наряд воспринимается прежде всего как мужской, а не женский, а традиционный подарок ассоциируется со «старостью», возможно, из-за того, что его обычно дарят представители старшего поколения.

Традиционный обряд, по мнению респондентов в возрасте от 45 лет, имеет ассоциации с холодом, сдержанностью и представляется в черно-белой гамме. Символ свадьбы для респондентов является священным, а свадебный декор — нарядным и важным. Сватовство, по мнению испытуемых, вызывает ассоциацию «любимый».

Сравнивая два семантических пространства, можно сделать вывод, что студенты младшего возраста определяли элементы свадьбы через категории, которые не использовались студентами старшего возраста. Таким образом, были выявлены различия в представлениях о свадьбе в Китае и Шотландии у людей разного возраста.

Основные выводы

Условия, в которых находится современный человек, непосредственно влияют на этническую идентичность. Отмечается как размытие границ разных культур, так и возвращение к корням и демонстрация своей этнической принадлежности.

В ходе нашего исследования выяснились ассоциации, через которые респонденты смогли описать традиционную китайскую и шотландскую свадьбы.

По итогам исследования был сформулирован образ свадеб Китая и Шотландии в представлениях русских испытуемых. Выяснилось, что у разных возрастных категорий свадебный обряд вызывает разные ассоциации.

Опрошенные младшего возраста (до 25 лет) считают, что главными элементами китайской свадьбы являются свадебный наряд и место проведения свадьбы, которые должны быть изысканными и богато украшенными. Респонденты этой группы особое внимание уделяют декору, подаркам, обряду заключения брака, а также традиционному блюду, определяя их через категории сдержанности, обязательности, религиозности, важности. В шотландской свадьбе эти элементы вызывают у опрошенных ассоциацию с холодом, вероятно, это связано с холодной цветовой гаммой элементов декора и свадебных нарядов молодоженов и гостей свадьбы.

Различаются и представления о свадьбах в различных культурах. Китайская свадьба для них определяется через богатство украшений и изысканность, в то время как свадьба в Шотландии является традиционной и религиозной.

Испытуемым старшего возраста (от 45 лет) основные элементы китайской свадьбы, такие как свадебный наряд и место проведения, представляются как слишком нарядные, отличные от повседневной жизни. Кроме наряда и места проведения, важную роль играют наряд молодоженов, символ свадьбы, сватовство, которые ассоциируются у них с принадлежностью к мужскому полу, священностью и прилагательным «любимый».

Можно сделать вывод, что представления о традиционной китайской и шотландской свадьбах у респондентов в возрасте от 45 лет не имеют общих черт.

В случае китайской свадьбы основной критерий — это отсутствие повседневности в нарядах молодоженов и месте проведения бракосочетания, в то время как свадьба в Шотландии отражает священность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Белая Е. Г. Современный городской свадебный обряд в северо-восточном Китае // Россия и АТР. 2009. № 3 (65). С. 65–69.

Белая Е. Г. Современный деревенский свадебный обряд на юго-востоке Китая // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 297–299.

Ван Дань. Происхождение и социокультурные функции традиционного китайского свадебного обряда династии Чжоу // Общество: философия, история, культура. 2021. №1. С. 93–95. DOI: 10.24158/fik.2021.1.16.

Дробижева Л. М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика // Россия и мир: анатомия современных процессов. М., 2017. С. 130–146.

Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2018. №4. С. 8–22.

Кессиди Ф. Х. Глобализация, функциональная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Философия и общество. 2004. №1. С. 45–52.

Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М. : Издательство Московского университета, 1983б. 208 с.

Пугачева Л. Г. Интерконтекстуальность мира как перспектива развития человека // Философия и психология власти: структура, личность, интерконтекстуальность. Саратов, 2003. С. 3–20.

REFERENCES

Belaya, E. G. (2009). Modern urban wedding ceremony in Northeast China. *Russia and the Asia-Pacific Region*, 3(65), 65–69.

Belaya, E. G. (2014). Modern village wedding ceremony in the south-east of China. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 4, 297–299.

Van Dan'. (2021). The origin and socio-cultural functions of the traditional Chinese wedding ceremony of the Zhou dynasty. *Society: philosophy, history, culture*, 1, 93–95. DOI: 10.24158/fik.2021.1.16.

Drobizheva, L. M. (2017). Theoretical problems of the study of civic identity and social practice. *Russia and the World: anatomy of modern processes* (pp. 130–146). Moscow.

Zaslavskaya, T. I., Yadov, V. A. (2018). Social transformations in Russia in the era of global changes. *Sociological Journal*, 4, 8–22.

Cassidy, F. H. (2004). Globalization, functional asymmetry of the brain and the problem of integration of cultures. *Philosophy and Society*, 1, 45–52.

Petrenko, V.F. (1983). *Psychosemantics of Consciousness*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Pugacheva, L. G. (2003). Intercontextuality of the world as a perspective of human development. *Philosophy and psychology of power: structure, personality, intertextuality* (pp. 3–20). Saratov.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Елизавета Григорьевна Котенок — студент магистратуры Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Elizaveta G. Kotenok — graduate student of the Institute of Humanities of the Altai State University, Barnaul, Russia.

Виктория Сергеевна Фролова — студент магистратуры Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Victoria S. Frolova — graduate student of the Institute of Humanities of the Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 16.04.2022;
одобрена после рецензирования 20.05.2022;
принята к публикации 27.05.2022.

The article was submitted 16.04.2022;
approved after reviewing 20.05.2022;
accepted for publication 27.05.2022.

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

2022. № 2. Том 5

*Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

Регистрационный номер ПИ №ФС 77-74389.

Дата регистрации 23.11.2018

Журнал распространяется по подписке АО «Почта России»

Подписной индекс ПО198

Цена свободная

Литературный редактор *Н. Ю. Ляшко*

Подготовка оригинал-макета, дизайн обложки *Ю. В. Луценко*

Издательство Алтайского государственного университета

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 30.06.2022. Дата выхода издания в свет 15.07.2022.

Формат бумаги 70×100 ¹/₁₆, Усл.-печ. л. 16,0. Гарнитура Minion Pro.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 300 экз. Заказ № 363

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»:

656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66